

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ
И ВОСТОКОВЕДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ

Исследования языков Азии и Африки:
традиции и перспективы

Москва
2023

УДК 81
ББК 81.2
П 78

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственный редактор
А.С. Зверев, ФГБУН ИВ РАН

Редактор-составитель
С.Д. Малышева, ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты:
С.А. Бурлак, д.ф.н., ФГБУН ИВ РАН
А.И. Коган, д.ф.н., ФГБУН ИВ РАН

П78 Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Исследования языков Азии и Африки: традиции и перспективы : сб. ст. / отв. ред. А.С. Зверев, ред.-сост. С.Д. Малышева; Ин-т востоковедения РАН – М.: ИВ РАН, 2023. – 296 с.

ISBN 978-5-907671-91-1

В первом разделе сборника представлены труды конференции, приуроченной к юбилею А.Г. Беловой – крупнейшего специалиста по арабистике и семитологии. Другие разделы посвящены полевым исследованиям, частным вопросам лексики и грамматики восточных языков, истории лингвистики. Книга адресована специалистам в различных областях общего и востоковедного языкознания.

ISBN 978-5-907671-91-1

УДК 81
ББК 81.2

© Коллектив авторов, 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
I. Арабистика и семитология	
Блинов А.А. <i>Академия арабского языка в Каире: основные прообразы, цели и состав</i>	7
Гутгарц Я.Н. <i>Основные особенности диалектов тигринья. Фонология</i>	28
Давыдов А.В. <i>Об одном примере миссионерской арабицы из Гвинеи: графика и функционирование</i>	59
Иткин И.Б. <i>К этимологии тохарского A āmsim ‘?’</i>	68
Столбова О.В. <i>Комплемент N- в семитских и чадских глаголах</i>	72
Столбова О.В. <i>Внешние параллели к изолированной аккадской лексике (новые данные)</i>	89
Французов С.А. <i>Стороны света и системы пространственной ориентации в геэзе и южноаравийских эпиграфических языках: к постановке проблемы</i>	97
Цуканова В.Л. <i>Социолингвистические факторы развития общих грамматических черт в арабских диалектах Магриба</i>	106
II. Полевые исследования	
Гращенков П.В. <i>Нивхи и нивхский язык Сахалина в 2023 г. ...</i>	117
Крылова А.С. <i>Модели образования каузативов в языке куллуи</i>	128
Ренковская Е.А. <i>Новые данные о диалектах языка куллуи (по материалам экспедиций 2022–2023 гг.)</i>	144
Рудницкая Е.Л. <i>Проблема не определенных по части речи основ в эвенкийском языке</i>	163
III. Вопросы грамматики изолирующих языков Азии	
Погибенко Т.Г. <i>Классификаторы в лаосском языке и мон-кхмерских языках ма и ксингмул: сходства и различия</i>	183
Schwarz A.S., <i>Shan Kan Wai Plurals in Mandarin and Cantonese: Cases of Men and Di</i>	213

IV. Лексика

Иткин И.Б. <i>Неопубликованные тохарские тексты из собрания Берлинской библиотеки: некоторые новые наблюдения</i>	229
Кадырова О.М. <i>Замещение слов иностранного происхождения в турецком языке в 2008–2017 годах</i>	251
Панина А.С. <i>Глаголы открывания и закрывания в японском языке</i>	262

V. Персоналии

Алпатов В.М. <i>Наталья Исаевна Фельдман (к 120-летию со дня рождения)</i>	284
--	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник продолжает традицию коллективных лингвистических публикаций, которые регулярно готовит к изданию Отдел языков народов Азии и Африки Института востоковедения. Помимо сотрудников Отдела и их коллег, представляющих научные и образовательные центры Москвы, в число авторов сборника вошли ученые из других городов России (Санкт-Петербург) и Германии (Марбург).

Сборник содержит 18 статей, которые сгруппированы в 5 разделов.

В первом разделе сборника – «Арабистика и семитология» – представлены главным образом труды конференции, посвященной юбилею Анны Григорьевны Беловой – крупнейшего специалиста в области арабского языка, арабского и семитского сравнительного языкознания. В статьях этого раздела преимущественно в контексте сравнительно-исторической и социолингвистической проблематики анализируется материал собственно арабского (А.А. Блинов, В.Л. Цуканова), других семитских (тигринья (Н.Я. Гутгарц), гезза и южноаравийских (С.А. Французов)), а также чадских языков, входящих вместе с семитскими в афразийскую макросемью (О.В. Столбова). Две статьи рассматривают влияние арабского на генетически не связанные с ним языки в сфере лексики и графики: вероятное заимствование арабского слова в тохарский А (И.Б. Иткин) и применение арабской письменности для записи языков Западной Африки (А.В. Давыдов).

В разделе «Полевые исследования» две статьи посвящены изучению малочисленных языков России – нивхского (П.В. Гращенков) и эвенкийского (Е.Л. Рудницкая), а две – индоарийского языка куллуи на севере Индии (А.С. Крылова, Е.А. Ренковская).

Раздел «Вопросы грамматики изолирующих языков Азии» включает статьи о классификаторах в лаосском языке и мон-кхмерских языках ма и ксингмул (Т.Г. Погибенко) и о показателях множественности в двух крупнейших диалектах китайского языка – мандаринском и кантонском (А.С. Шварц, Кань Вайшань).

В раздел «Лексика» вошли работы, посвященные интерпретации трудных мест в тохарских текстах (И.Б. Иткин), турецким нео-

логизмам (О.М. Кадырова) и японским глаголам, относящимся к семантическому полю открывания и закрывания (А.С. Панина).

Завершается сборник биографическим разделом «Персоналии» со статьей В.М. Алпатова о выдающемся японисте Наталье Исаевне Фельдман.

Благодаря широкому охвату восточных языков и аспектов их изучения сборник может представлять интерес для специалистов в различных областях общей и востоковедной лингвистики.

А.С. Зверев

I. Арабистика и семитология

*Анне Григорьевне Беловой
от коллег и учеников
в честь юбилея*

Академия арабского языка в Каире: основные прообразы, цели и состав

Андрей Андреевич Блинов

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
progrock1@yandex.ru, ORCID 0000-0002-9694-8706

Аннотация. В настоящей работе исследуются основные прообразы, цели и состав Академии арабского языка в Каире, которая возникла вслед за Дамасской академией арабского языка и стала вторым официальным научным органом арабского мира, занимающимся проблемами функционирования арабского языка в современном мире. Впоследствии влияние Каирской академии только усилилось и распространилось на другие страны арабского мира, а ее свершения на поприще арабского языка периодически затмевали достижения старейшей академии среди всех арабских стран – Дамасской, с которой она конкурировала на протяжении всего времени своего существования. В статье подробно описаны события, предшествующие созданию Академии арабского языка в Каире, охарактеризованы все учреждения, стремившиеся взять на себя функции языкового регулирования в Египте до момента ее основания, перечислены ученые, вошедшие в первый и последующие составы Каирской академии.

Ключевые слова: арабский язык, Академия арабского языка в Каире, Каирская академия, арабский мир, языковое регулирование, Египет

Arabic Language Academy in Cairo: Major Prototypes, Purposes and Composition

Andrey Andreevich Blinov

The Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia,
progrock1@yandex.ru, ORCID 0000-0002-9694-8706

Abstract. This paper studies the major prototypes, purposes and composition of the Arabic Language Academy in Cairo, which emerged in the wake of the Damascus Arabic Academy and became the second official scientific institution of the Middle East dealing with the problems of operation of the Arabic language in the modern world. Thereafter the Cairo Academy only reinforced and spread its influence across other Arabic countries, and its accomplishments in the Arabic language periodically overshadowed the achievements of the Damascus Arabic Academy, the oldest one among all Arabic countries, with which it competed throughout its existence. The paper provides the detailed description of events preceding the creation of the Arabic Language Academy in Cairo, characterizes all institutions, which tried to assume the language regulation functions in Egypt prior to its foundation, and lists the scientists who became the first and subsequent members of the Cairo Academy.

Keywords: Arabic language, Arabic Language Academy in Cairo, Cairo Academy, Arab World, language regulation, Egypt

1. Введение

Сегодня языковые академии имеют большое значение для всего мира в качестве организаций, определяющих и фиксирующих лингвистические стандарты. В случае арабских стран появление академий арабского языка стало логичным результатом языковой политики, проводимой здесь для повсеместного распространения арабизации. Они играли роль специальных центров или учреждений, не только регламентирующих сферу функционирования арабского языка, но и реализующих на практике конкретные рекомендации и решения, предлагаемые в рамках внедрения принципов языкового регулирования. Тем самым академии арабского языка стремились

обеспечить языковую сторону процесса арабизации, призванного укрепить позиции арабского языка в соответствующей стране или регионе исходя из наблюдавшейся там языковой ситуации.

Академии арабского языка изначально выступали проводниками идей лингвистической арабизации, направленной на защиту арабского языка от проникновения иностранных заимствований, изыскание подходящих терминов для отражения новых понятий науки и техники и становление литературной нормы современного арабского языка. Их открытие было вызвано непримиримой борьбой между приверженцами арабизации, отстаивающими такую языковую политику, и ее противниками, отмечающими архаичность арабской культуры и, соответственно, арабского языка и их отставание от темпов общественной жизни, науки и техники на Западе. Следовательно, возникновение академий арабского языка оказалось реакцией на позицию недоброжелателей, считавших арабский язык закоснелым и не отвечающим современным требованиям.

Деятельность всех академий арабского языка имеет целый ряд сходств и может быть классифицирована по нескольким основным направлениям, которые мы выделили вслед за великим отечественным арабистом В.Э. Шагалем:

1) разработка идеологических и практических основ языковой политики;

2) подготовка и принятие решений и рекомендаций по языковым и, в частности, по терминологическим вопросам, связанным с арабизацией;

3) разработка, обсуждение, утверждение и распространение новой терминологии, относящейся к различным областям общественно-политической и культурной жизни, науки и техники;

4) проведение мероприятий по выработке литературной нормы и ее реализации, по обеспечению использования на практике новых правил грамматики и предложенных терминов, контроля за употреблением новых лексических единиц;

5) унификация терминологии в пределах употребления в каждой арабской стране и во всем арабском регионе, составление словарей;

6) проблемы перевода на арабский и с арабского языка [Шагаль 1998, с. 147].

В настоящей статье мы рассмотрим основные прообразы, цели и состав Академии арабского языка в Каире, которая возникла вслед за Дамасской академией арабского языка и стала вторым официальным научным органом арабского мира, занимающимся проблемами функционирования арабского языка в современном мире. Впоследствии влияние Каирской академии только усилилось и распространилось на другие страны арабского мира, а ее свершения на поприще арабского языка периодически затмевали достижения старейшей академии среди всех арабских стран – Дамасской, с которой она конкурировала на протяжении всего времени своего существования.

2. Прообразы Академии арабского языка в Каире

По мнению ряда арабских исследователей [aṣ-Ṣayyādī 1982, с. 182], идея создания академий арабского языка восходит либо к научным обществам, которые существовали на древнем Востоке много веков тому назад, либо к тем школам-академиям, которые вошли в историю цивилизации благодаря значительности вклада в развитие науки их создателей Сократа и Платона.

Массовое распространение арабского языка началось во время завоевательных походов арабов в VII-VIII вв., когда в состав Арабского халифата вошли огромные территории в Азии, Африке и Европе. Данный процесс стал следствием крупномасштабной исламизации общества на подвластных арабам землях, где арабский язык приобрел особое уважение и статус в качестве языка мусульманской религии, языка Корана. В ходе этого процесса все население завоеванных стран, несмотря на его этнический состав и языковую компетенцию, автоматически обращалось в ислам, что предусматривало необходимость изучения арабского языка и знания его основ.

Тем не менее в некоторых случаях овладение арабским языком было обусловлено целым рядом сложностей для говорящих на других языках. В дополнение к этому активные контакты между арабским и автохтонными языками на подконтрольных арабам территориях привели к тому, что местные жители начали обогащать арабский язык особенностями своего произношения, структурирования фразы, порядка слов и т.д., что приводило к изменению классического арабского языка и развитию диалектов.

Все эти языковые проблемы требовали создания отдельного органа для их решения. Подобные обязанности были закреплены за так называемым Домом мудрости (*Бейт аль-Хикма*), который был открыт халифом аль-Мамуном (786-833) в Багдаде в начале IX в. Именно он может по праву именоваться родоначальником всех современных академий арабского языка и их первым прообразом.

Дом мудрости стал центром интеллектуальной жизни Арабского халифата, одной из главных задач которого являлся перевод на арабский язык трудов древнегреческих, древнеримских, персидских и индийских авторов в области математики, астрономии, медицины, алхимии, химии, зоологии, географии, картографии и лингвистики. К середине IX в. в его библиотеке была собрана самая большая коллекция книг в мире, переведенная на арабский язык, на основе которой арабские ученые в дальнейшем проводили свои собственные исследования. Высочайшие стандарты переводческого искусства, установленные в *Бейт аль-Хикма*, обеспечивали эталонное качество переведенных материалов и позволяли добиться предельной нормированности арабского литературного языка [Блинов 2018, с. 107].

Другой идейной предшественницей академий арабского языка может считаться Французская академия. Это старейшее научное учреждение Европы было создано еще в 1635 г. Долгое время она служила образцовым примером для подражания, на который ориентировались все остальные языковые академии в разработке принципов регулирования своей деятельности. Академии арабского языка в этом отношении также старались равняться на Французскую академию и до определенной степени использовать накопленные ей знания на протяжении многих столетий.

Первая Академия арабского языка на Арабском Востоке была основана французами во время Египетского похода Наполеона Бонапарта (1798-1801) [Sawaie 2007, p. 635]. Не секрет, что французский экспедиционный корпус включал, помимо солдат, также большое количество ученых, специализирующихся в различных научных сферах, которые были направлены в Египет для изучения его богатой культуры. Затронул этот поход и филологическую науку в части арабистических исследований, по итогам которых был составлен один из первых франко-арабских словарей. Но наиболее значительным свершением на ниве изучения арабского языка яви-

лось открытие первой Академии арабского языка под предводительством французов. Правда, просуществовала она всего лишь несколько лет и вскоре была закрыта после капитуляции французской армии и ее возвращения из Египта в 1801 г. Тем не менее, невзирая на недолгую историю первой арабской академии (кстати сказать, учрежденной иностранцами), ее появление способствовало пробуждению интереса к вопросам регулирования арабского языка и привлекло внимание ученых арабского мира.

Другим учреждением, основанным в то же время и повлиявшим на становление арабских языковых академий, стал Институт Египта, один из отделов которого занимался изучением литературы и искусств, в то время как сам институт содействовал прогрессу и продвижению просвещения в Египте.

В 1826 г. паша Египта Мухаммад Али направил научную миссию во Францию для прохождения обучения в парижских университетах и приобретения современных технических навыков в таких областях, как книгопечатание, кораблестроение и военное дело. В ее составе находился известный египетский просветитель Рифаа ат-Тахтави (1801-1873), который после возвращения из Франции предложил открыть Школу языков в Каире и стал ее директором в 1837 г. Школа подготавливала переводчиков и переводила тексты с европейских языков на арабский, объединив европейскую систему образования с методикой обучения улемов¹. Тахтави и его ученики перевели свыше 2 тысяч сочинений европейских авторов на арабский язык, выработали принципы передачи значения неизвестных слов при помощи четких и понятных оборотов на арабском языке и ввели в обращение новую арабскую лексику для перевода названий технических терминов и изобретений. Тем самым Школа языков внесла свою посильную лепту в формирование идейных основ арабизации, подтвердив жизнестойкость и способность арабского языка обозначать современные достижения науки и техники. Стремление к модернизации арабского языка также проявилось при создании Дома знаний, в котором велось обучение ученых из

¹ Собирательное название признанных и авторитетных знатоков теоретических и практических сторон ислама.

Университета аль-Азхар современным наукам. Результаты переводной деятельности таких организаций впервые высветили проблемы арабского языка, которые еще не раз будут подниматься и обсуждаться в последующие годы.

Помимо этого, в XIX в. египетские ученые предпринимали попытки создания аналогичных организаций. Они были озабочены нестабильной ситуацией, сложившейся с арабским языком в стране, и, будучи в большинстве своем богословами, рассматривали лингвистические трудности в неразрывном комплексе с общефилософскими проблемами. В частности, местные языковеды отмечали, что во второй половине XIX в. в египетских газетах и журналах зачастую царил настоящий «лингвистический хаос» [Tamām]: арабские слова нередко перемежались здесь с французскими, английскими и итальянскими конструкциями. Для изменения текущего положения дел в краткосрочной перспективе специалисты выступали с предложениями о введении тех или иных арабских словоформ, которые могли бы передать значение иностранных заимствований. Одновременно с этим они указывали на необходимость учреждения академий арабского языка в долгосрочной перспективе. Первоначально такие академии не имели официального статуса в арабском мире и были похожи скорее на языковые клубы, участники которых устраивали собрания для обсуждения актуальных вопросов арабского языка и литературы, а также других тем.

На глобальном уровне возникновение первых академий арабского языка было продиктовано необходимостью преобразования классического арабского языка, который больше не отвечал современным тенденциям языкового развития. Еще одним важнейшим фактором, повлиявшим на становление академий арабского языка, можно назвать пробуждение национального самосознания арабов во время «нахды», т.е. «нового арабского возрождения»². Таким образом, с самого начала в религиозно-политической концепции Академии арабского языка в Каире укоренились представления и идеи ве-

² Термин «новое арабское возрождение» используется для его разграничения со «старым арабским возрождением» – средневековым Мусульманским Ренессансом.

дущих движений конца XIX в. в Египте, в том числе панисламизма, панарабизма и «нахды».

Постепенное упрочение позиций арабского языка в качестве официального языка Египта в эпоху правления хедива Египта Исмаила-Паши (1830-1895), когда эта страна все еще считалась частью Османской империи, и его преобладание над турецким языком, усовершенствование стиля письма, расширение лексикона, упрощение грамматики, появление журналистики, нуждающейся в четком и легко понятном языке, и увеличение читающей публики, происходящей из различных слоев общества, – все эти факторы способствовали сложению современного арабского языка [Waardenburg 1979, p. 1099].

Этот процесс предусматривал освобождение классического арабского языка от ряда громоздких форм, с одной стороны, и осторожное обращение с ним ради его десакрализации и демистификации – с другой. При этом конечная цель заключалась в том, чтобы сделать арабский язык более удобным в использовании. Такое «усовершенствование» языка было встречено мусульманами-богословами резко отрицательно, поскольку они справедливо считали арабский язык, язык священного Корана, неотделимым от многовековой арабской культуры. Исходя из этого, одной из основных задач, поставленных перед арабскими лингвистическими академиями, стала постепенная модернизация арабского языка, учитывающая все существующие прогрессивные и консервативные взгляды на данную проблематику.

В 1881 г. министр просвещения и первый секретарь палаты представителей Египта Абдалла Фикри (1834-1889) призвал создать отдельный орган для защиты арабского языка [Tamām]. Однако его призыв не получил должной поддержки и прошел незамеченным из-за тяжелого политико-экономического кризиса, в котором оказался Египет после начала вооруженных столкновений между британскими войсками и египетской армией под руководством Ахмада Ораби-паши (1841-1911) в 1882 г., в результате чего египетская армия была полностью разгромлена, а Великобритания оккупировала территорию Египта.

После этого давление, оказываемое британскими захватчиками на Египет на всех направлениях, превысило все возможные пределы,

включая попытки ввести английский язык в качестве нового языка обучения в египетских школах. Колонизаторы даже совершали нападки на арабский литературный язык, который якобы тормозил успешное социально-экономическое развитие страны в отличие от своей обиходно-разговорной формы – живого египетского диалекта, применяющегося в быту и семье для общения. Такая антинаучная концепция был впервые представлена в статье британского инженера Уильяма Уиллкокса (1852-1932) «Почему сейчас египтяне лишены изобретательности?», размещенной в ежемесячном журнале «Аль-Азхар» в 1893 г. В данном материале он, не являясь лингвистом, усомнился в возможности достижения значительного прогресса египтянами в будущем вследствие использования одного языка для общения, а другого – для письма и даже допустил, что он может быть заменен иностранным языком (судя по всему, уготовив на эту роль английский) для скорейшего культурного подъема.

Помимо этого, Уиллкокс настоятельно рекомендовал ввести в письменный оборот именно диалект вместо литературного языка, потому что только благодаря этому любой египтянин смог бы с легкостью понять написанное, в то время как «арабский литературный язык, будучи мертвым языком, обрекал все начертанное на нем на неминуемую гибель» [Suleiman 2014, p. 67]. Подобные взгляды не нашли отклика в сердцах египтян и были отринуты представителями арабской интеллигенции, которые выразили свою непоколебимую приверженность арабскому литературному языку.

Таким образом, учреждение частной Академии арабского языка в конце XIX в. было продиктовано стремлением обезопасить арабский язык от любого влияния извне. Ее первое заседание состоялось в доме египетского писателя Мухаммада Тауфика аль-Бакри (1870-1933) в 1892 г. В нем участвовали многие видные литераторы, филологи и ученые страны, включая, например, таких известных деятелей, как Мухаммад Абдо ³ (1849-1905), Хамза Фатхалла ⁴

³ Египетский общественный и религиозный деятель, либеральный реформатор, считающийся основателем исламского модернизма, главный муфтий Египта (1899-1905).

(1849-1918), Мухаммад Осман аль-Джаляль⁵ (1829-1898) и т.д. Собравшиеся избрали президентом академии Мухаммада Тауфика аль-Бакри [Блинов 2018, с. 109].

Основатели Академии арабского языка намеревались наделить ее функциями, аналогичными тем, которые имелись у Французской академии, и провозгласили ее основной задачей поиск новой терминологии арабского языка для адекватной замены неологизмов из других языков, буквально заполнивших страницы периодических изданий Египта в этот период.

Впрочем, как и в случае самой первой Академии арабского языка, основанной французами на рубеже XVIII и XIX вв., деятельность новой академии продлилась не более года, поскольку с 1892 по 1893 гг. участники организовали всего лишь семь заседаний. Однако ее члены успели провести достаточное количество научных исследований, а также предложили примерно два десятка новых арабских слов и выражений, эквивалентных появившимся в арабском языке обозначениям западных реалий. Некоторые из них до сих пор имеют активное хождение в современном арабском языке, например: *šurtah* «полиция» вместо *būlis* – заимствования, пришедшего из английского языка, *bahw* «зал, вестибюль, холл» вместо *ṣālūn* – заимствования, пришедшего из французского языка, и *quffāz* «перчатка» вместо *ḡuwāntī* – заимствования, пришедшего из итальянского языка [Tamām].

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что, хотя в работе частной Академии арабского языка участвовали прославленные писатели и ученые той эпохи, она не оставила заметного следа в общественной жизни Египта и действовала непродолжительное время, а собрания ее членов по своей сути имели неформальный характер. Тем не менее одновременно с этим она стала предвестницей будущих организаций, пришедших впоследствии на ее место.

⁴ Шейх (ректор) Университета аль-Азхар и один из крупнейших знатоков арабского языка своего времени, автор многочисленных сочинений в области коранических наук, грамматики и переводоведения.

⁵ Египетский писатель и переводчик, прославившийся переделками комедий Мольера и драм Расина, написанных на разговорном языке.

После распада первой Академии арабского языка один из ее членов, известный богослов Мухаммад Абдо, основал в 1900 г. Общество возрождения арабских наук, намереваясь создать на его фундаменте новый орган языкового регулирования, однако данное учреждение постигла та же участь, что и все предыдущие начинания.

Примерно в это же время в Египте появилась Организация развития арабского языка, основанная Ибрагимом аль-Язиджи⁶ (1847-1906), Джирджи Зейданом⁷ (1861-1914) и шейхом Мухаммадом Рашидом Рида⁸ (1865-1935) [Waardenburg 1979, p. 1099], однако она также быстро прекратила свое существование. В 1907 г. в Каире возник Клуб дома знаний, учрежденный Хафни Насифом⁹ (1855-1919), который занимался такой же деятельностью, что и предыдущие организации: формирование новой терминологии и поиск эквивалентов для иноязычных слов, проникающих в арабский язык. За время своей работы (1907-1908) члены клуба предложили тысячи возможных вариантов для арабских терминов, которые публиковали в своем журнале. Они даже организовали специальный двухнедельный семинар, посвященный обсуждению актуальных проблем арабского языка, на котором были представлены доклады таких видных арабских деятелей, как Хамза Фатхалла, Мухаммад аль-Худари¹⁰ (1872-1927), Тантави Джаухари¹¹ (1870-1940) и Фатхи Заглул¹²

⁶ Известный арабский филолог, поэт и журналист, автор одного из первых переводов Библии на арабский язык и создатель упрощенного арабского шрифта.

⁷ Арабский писатель, публицист и ученый, зачинатель жанра исторического романа в арабской литературе.

⁸ Египетский религиозный и общественный деятель, мусульманский реформатор, один из идейных вдохновителей «братьев-мусульман».

⁹ Один из участников Академии арабского языка, учрежденной в 1882 г., инспектор арабского языка в министерстве просвещения Египта.

¹⁰ Египетский писатель и историк, знаток исламского права, автор биографии пророка Мухаммада.

¹¹ Египетский философ и ученый, автор толкований Корана, профессор Университета аль-Азхар.

¹² Известный египетский переводчик, младший брат премьер-министра Египта и лидера партии «Вафд» Саада Заглуля (1859-1927).

(1863-1914). Последний также открыл параллельно с этим еще один филологический клуб, однако оба эти клуба быстро закрылись, не получив достаточного финансирования от правительства. То же произошло и с Комитетом научной терминологии, основанным министром просвещения Египта Ахмадом Хишматом Пашой (1858-1926), членом которого был знаменитый египетский филолог Ахмад Заки Паша (1867-1934).

В 1916 г. новая организация пришла на место предыдущих – Первая академия арабского языка, созданная директором Египетской национальной библиотеки Ахмадом Лютфи ас-Сеййидом¹³ (1872-1963) по модели Французской академии [Sawaie 2007, p. 634] и включавшая в себя 28 членов, представлявших различные национальности и вероисповедания¹⁴. Председателями академии были выбраны уважаемые мусульманские ученые-богословы, ректоры Университета аль-Азхар: сначала Салим аль-Бишри (1832-1917), затем Абу аль-Фадль аль-Джизави (1847-1927). Ее задача заключалась в сборе различных терминов в области науки и техники для составления обширного словаря арабского языка. Как и большинство подобных организаций до нее, академия была вскоре расформирована – это произошло после революции 1919 г.

Тем не менее в 1921 г. Первая академия арабского языка была открыта заново своими основателями. После возобновления ее работы было проведено 40 заседаний, последнее из которых состоялось в декабре 1925 г. Впрочем, деятельность Академии оказалась неэффективной из-за политических разногласий между ее участниками, отсутствия финансовой и моральной поддержки со стороны государства и выражения зачастую полярных мнений по актуальным языковым проблемам ввиду расхождения в философских воззрениях. При этом камнем преткновения стали непрекращающиеся споры между сторонниками увеличения количества заимствований в арабском языке, с одной стороны, и приверженцами арабизации – с дру-

¹³ Египетский интеллектуал, деятель антиколониального движения, первый ректор Каирского университета.

¹⁴ Например, в ее состав входили, помимо арабов-мусульман, один перс, один сириец-христианин и один иудей.

гой [‘Ubāda 1928, с. 308-309]. Невзирая на это, после ликвидации Академии ее бывшие участники неустанно продвигали идею о создании нового языкового регулятора. Наконец их усилия увенчались успехом в 1932 г. [‘Ubāda 1928, с. 308-309]. Таким образом, в свете вышесказанного можно сделать вывод, что необходимость создания отдельной академии для регламентирования арабского языка давно назревала в египетском обществе и привела к закономерному итогу.

3. Цели и задачи Академии арабского языка в Каире

Академия арабского языка в Каире была открыта 13 декабря 1932 г. после выхода королевского указа об ее учреждении. В нем были вкратце сформулированы исходные цели Каирской академии: 1) сохранение целостности арабского языка и превращение его в язык, соответствующий требованиям научного и технического прогресса и отвечающий общим жизненным потребностям в современную эпоху; закрепление в словарях, специальных справочниках и других материалах тех слов и выражений, которые необходимо использовать или, наоборот, которых следует избегать в определенных ситуациях; 2) составление исторического словаря арабского языка и распространение точных исследований по истории некоторых слов и изменении их значений; 3) организация научного изучения современных диалектов арабского языка в Египте и других арабских странах [as-Saḡā 1934, с. 45-46].

Вслед за открытием Каирской академии эти цели были значительно дополнены и расширены ее членами в ходе различных обсуждений и дискуссий, которые проходили в рамках многочисленных заседаний. В частности, по их итогам перед академиками были поставлены следующие задачи:

1. Обеспечение сохранности лексического и звукового состава арабского языка, соблюдение правил его употребления, укрепление связи между прямым и метафорическим значением слов, борьба с разговорными выражениями и иностранными заимствованиями в целях поддержания грамматического строя арабского литературного языка, а также борьба с искаженными конструкциями неарабского происхождения, которые затмевают собой правильные араб-

ские формы, нарушают красоту арабского языка и снижают его значимость и точность.

2. Соответствие актуальным требованиям современной жизни, поиск слов для обозначения новейших достижений науки и техники, обновление арабского языка исходя из текущих потребностей, заключающееся в выработке терминов для каждой области науки и техники и нахождении средств, которые сделали бы арабский более простым и легким языком для читателей и писателей, а также замена неарабизированных разговорных и иноязычных оборотов исконными арабскими конструкциями. Последнее предусматривало подбор подходящих арабских лексем для отражения новых терминов либо, в случае их отсутствия, создание неологизмов с помощью определенных словообразовательных моделей, посредством метафоризации и т.д. Если применение таких способов формирования новых слов не приводило к желаемому результату, то в качестве последнего доступного средства осуществлялась арабизация чужеродных элементов с сохранением арабских букв и форм по мере возможности. Модернизация арабского литературного языка считалась первостепенной задачей Академии, для реализации которой требовалось плодотворное сотрудничество с местными и зарубежными учеными и специалистами, призванное вернуть арабскому языку его былое величие и возродить его славное прошлое, чтобы он снова занял подобающее ему место как язык науки, техники, литературы и религии.

3. Составление большого исторического словаря, т.е. общего собрания слов арабского языка – как исконных, так и заимствованных, как широко распространенных, так и редко встречающихся, которые представляли различные этапы развития арабского языка и изменения его значений. Каирская академия рассматривала подготовку этого словаря как высшую цель, к которой необходимо стремиться ради служения арабскому языку, невзирая на то, что сбор материала для такого всеобъемлющего словаря мог занять несколько лет и даже десятилетий и требовал неустанной концентрации усилий академиков. Помимо этого, лексикографическая работа Академии включала составление малых словарей научных и технических терминов с их постепенным распространением среди жителей Египта и других арабских стран, подготовку больших словарей, содер-

жащих редкие и чужеродные слова и устанавливающих возможные пути их происхождения, а также публикацию справочников и списков некорректных слов и выражений, которые следует исключить из употребления в арабском языке.

4. Научное изучение современных диалектов арабского языка в Египте и других арабских странах. Это направление исследований имело ряд следующих преимуществ, которые впервые изложил на одном из заседаний Академии итальянский ориенталист Карло Наллино¹⁵ (1872-1938), занимавшийся данной проблематикой: а) прояснение значения некоторых слов и выражений арабского языка, которые недостаточно четко определены в словарях и остаются неясными и непонятными; для подтверждения своей точки зрения итальянский ученый приводил в качестве примера большую группу имен растений, которые не были зафиксированы в словарях арабского литературного языка и стали известны ему благодаря знанию йеменского диалекта, поскольку регистрировались главным образом в народных говорах Йемена; б) облегчение понимания неоднозначных вопросов арабского литературного языка, например некоторых правил морфологии и синтаксиса; в) ознакомление с диалектными единицами внутри арабского литературного языка; г) ознакомление с различными корнями диалектных слов, а также поиск общего корня, к которому восходит группа таких слов; д) сравнение диалектов путем их классификации по происхождению и наличию связей между собой; е) ознакомление с процессами передвижения войск, перемещения племен и смешения наций; ж) изучение духовной, нравственной и общественной жизни социальных групп; з) изучение истории некоторых вымерших народов [as-Saqā 1934, с. 46-48].

4. Состав Академии арабского языка в Каире

Первая группа членов Академии арабского языка в Каире была назначена королевским указом, опубликованным 6 октября 1933 г.

¹⁵ Итальянский востоковед и преподаватель Каирского университета, один из учителей Тахи Хусейна, член Итальянской академии деи Линчеи и Королевской академии Италии.

В него были включены 20 ученых, половина из которых представляли Египет (Мухаммад Тауфик Рифаат¹⁶ (1870-1944), Хаим Нахум¹⁷ (1872-1960), Хусейн Вали¹⁸ (1868-1936), Мансур Фахми¹⁹ (1886-1959), Ибрагим Хамруш²⁰ (1880-1960), Мухаммад аль-Хидр Хусейн²¹ (1876-1958), Ахмад аль-Искандари²² (1875-1938), Ахмад аль-Авамири²³ (1876-1954), Али аль-Джарим²⁴ (1881-1949)), пять – другие арабские страны (Курд Али²⁵ (1876-1953) и Абдель Кадир аль-Магриби²⁶ (1867-1956) из Сирии, Анастас аль-Кармали²⁷

¹⁶ Первый президент Академии арабского языка в Каире, занимавший до этого различные государственные должности в египетском правительстве, включая, в частности, посты министра просвещения, министра транспорта и министра иностранных дел.

¹⁷ Главный раввин Османской империи и Египта.

¹⁸ Генеральный секретарь Университета аль-Азхар.

¹⁹ Декан факультета литературы Каирского университета и ректор Александрийского университета, автор имевшей большой резонанс диссертации, посвященной положению арабской женщины в исламе.

²⁰ Ректор Асьютского и Закавказского университета, шариатский судья, первый декан факультета арабского языка Университета аль-Азхар.

²¹ Тунисский богослов алжирского происхождения, шейх Университета аль-Азхар.

²² Египетский поэт, преподаватель факультета искусств Каирского университета.

²³ Инспектор арабского языка в министерстве просвещения Египта, составитель целого ряда фундаментальных учебников для учащихся начальной и средней школы, на основе которых велось обучение детей в Ираке, Леванте, странах Персидского залива и других мусульманских странах вплоть до Индонезии.

²⁴ Египетский поэт и писатель, главный инспектор арабского языка в Египте.

²⁵ Инициатор создания и первый президент Академии арабского языка в Дамаске, выдающийся сирийский писатель, историк, журналист, просветитель и общественный деятель.

²⁶ Главный редактор сирийской газеты «Аш-Шарк», действующий член Арабского научного общества в Дамаске, преподаватель арабского языка и литературы на юридическом факультете Сирийского университета.

²⁷ Христианский священнослужитель, основатель Школы отцов-кармелитов в Багдаде, автор целого ряда работ и исследований по арабскому языку.

(1866-1947) из Ирака, Иса Искандер аль-Маулюф²⁸ (1869-1956) из Ливана и Хасан Абдель Ваххаб²⁹ (1884-1968) из Туниса), пять – европейские страны (Гамильтон Гибб³⁰ (1895-1971) из Великобритании, Август Фишер³¹ (1865-1949) из Германии, Луи Массиньон³² (1883-1962) из Франции, Карло Наллино из Италии и Арест Ян Венсинк³³ (1882-1939) из Нидерландов). Через три месяца Яна Венсинка заменил другой востоковед – Энно Литман³⁴ (1875-1958) из Германии. Президентом Каирской академии был избран Мухаммад Тауфик Рифаат, секретарем – Мансур Фахми.

В 1940 г. вышел новый указ о назначении в Академию арабского языка второй группы ученых-египтян, насчитывавшей 10 человек, включая Мустафу Абда ар-Разика³⁵ (1885-1947), Мухаммада Мустафу аль-Мараги³⁶ (1881-1945), Мухаммада Хусейна Хейкала³⁷

²⁸ Ливанский историк и писатель, основатель ежемесячного журнала «Древности», член Академий арабского языка в Дамаске и Бейруте.

²⁹ Тунисский писатель, лингвист и историк, коллекционер рукописей и редких книг, член Дамасской академии арабского языка и Иракского научного общества.

³⁰ Британский историк-арабист, исламовед и педагог, один из авторов и редакторов фундаментальной «Энциклопедии ислама» и её сокращённой версии, «Исламского энциклопедического словаря».

³¹ Немецкий ориенталист, профессор Лейпцигского университета и автор «Хрестоматии арабской прозаической литературы».

³² Французский ученый, востоковед, исламовед и арабист, профессор Сорбонны, президент Института иранистики (Сорбонна).

³³ Нидерландский исламовед, лингвист-семитолог и переводчик, известный как исследователь сирийского мистицизма исламского толка, один из редакторов первого издания «Энциклопедии ислама».

³⁴ Немецкий востоковед, семитолог и эфиопист, автор немецкого перевода «Тысячи и одной ночи», считающегося безупречным с филологической точки зрения.

³⁵ Шейх Университета аль-Азхар, основоположник современной арабской философии.

³⁶ Египетский ученый и шариатский судья, дважды занимавший пост шейха Университета аль-Азхар.

(1888-1956), Абдель Азиза Фахми³⁸ (1870-1951), Абдель Кадира Хамзу³⁹ (1880-1941), Таху Хусейна⁴⁰ (1889-1973), Али Ибрагима⁴¹ (1880-1947), Ахмада Лютфи ас-Сеййида⁴² (1872-1963), Аббаса Махмуда аль-Аккада⁴³ (1889-1964) и Ахмада Амина⁴⁴ (1878-1954).

В 1942 г. был издан указ о назначении еще трех членов Академии – Антона аль-Джумеййила⁴⁵ (1887-1948) (на место, освободившееся после смерти Хусейна Вали в 1936 г.), Ахмада Хафиза Ауда⁴⁶ (1874-1950) (на место, освободившееся после смерти Ахмада аль-Искандари в 1938 г.) и Хасана аль-Каяти⁴⁷ (1883-1957) (на место, освободившееся после смерти Карло Наллино в 1938 г.). В том же году увидел свет указ об избрании еще двух человек в Академию –

³⁷ Египетский поэт, писатель и политик, разработавший первую конституцию независимого Египта и занимавший ряд должностей в местном правительстве.

³⁸ Египетский судья, юрист, политик и поэт, один из флагманов египетского национального движения в первой трети XX в.

³⁹ Египетский журналист и историк, оставивший заметный след в египетской политологии.

⁴⁰ Один из самых влиятельных египетских интеллектуалов XX в., писатель, литературовед и историк.

⁴¹ Один из первых египетских хирургов и первый декан-египтянин медицинского факультета Каирского университета.

⁴² Египетский интеллектуал, деятель антиколониального движения, первый ректор Каирского университета.

⁴³ Египетский литератор, один из наиболее значимых египетских писателей XX в, автор более 100 книг в различных областях.

⁴⁴ Египетский историк, филолог и писатель, автор работ по истории Арабского халифата, в том числе многотомной серии книг по истории исламской цивилизации.

⁴⁵ Ливанский и египетский писатель и журналист, главный редактор газеты «Аль-Ахрам».

⁴⁶ Египетский журналист и издатель ряда местных газет, таких как «Аль-Адаб», «Аль-Ахали», «Каукаб аш-Шарк» и т.д., личный секретарь и приближенный последнего хедива Египта и Судана Аббаса II Хильми (1874-1944).

⁴⁷ Египетский поэт, литературный критик и лингвист.

Ахмада Ибрагима⁴⁸ (1874-1945) (на место, освободившееся после смерти Абдель Кадира Хамзы в 1941 г.) и Али Тауфика Шуши⁴⁹ (1891-1964) (на место, освободившееся после ухода со своего поста Мухаммада Мустафы аль-Мараги в 1942 г. и его избрания почетным членом Академии). В 1945 г. появился новый указ о членстве Абдель Хамида Бадави⁵⁰ (1887-1965) в Академии (вместо Мухаммада Тауфика Рифаата, который скончался в 1944 г.).

В 1946 г. был опубликован указ о назначении третьей группы членов Каирской академии, состоявшей из 10 человек, которую доктор Ахмад Амин в своей приветственной речи в шутку назвал «славной десяткой». После этого число участников Академии арабского языка в Каире достигло 40, сравнявшись с количеством членов Французской академии. В состав новой группы вошли Абд ар-Раззак ас-Санхури⁵¹ (1895-1971), Абдель Ваххаб Аззам⁵² (1894-1959), Ахмад Заки⁵³ (1892-1955), Мухаммад Шараф⁵⁴ (1890-1949), Мухаммад Фарид Абу Хадид⁵⁵ (1893-1967), Абдель Ваххаб Хиялф⁵⁶

⁴⁸ Египетский юрист, один из наиболее выдающихся теоретиков мусульманского права в современную эпоху.

⁴⁹ Египетский врач и заместитель министра здравоохранения, внесший свой вклад в редактирование общедоступной арабской энциклопедии.

⁵⁰ Известный египетский законодатель и юрист.

⁵¹ Один из крупнейших ученых Арабского Востока в области юриспруденции и права, четыре раза занимавший пост министра просвещения Египта и внесший огромный вклад в разработку многих юридических терминов в составе Каирской академии.

⁵² Арабский философ, писатель, поэт, переводчик и политик, заведующий кафедрой арабского и восточных языков Каирского университета.

⁵³ Египетский поэт, литературный критик и врач, считающийся пионером и новатором современной арабской поэзии и являющийся основателем поэтической группы «Аполлон», в которую входили поэты-романтики нового времени.

⁵⁴ Египетский врач и лингвист, составитель одного из самых известных арабских медицинских словарей «Англо-арабский словарь по медицинским и естественным наукам».

⁵⁵ Египетский писатель и историк, один из основателей журналов «Ар-Рисалья» и «Ас-Сакаса».

(1888-1956), Заки аль-Мухандис⁵⁷ (1887-1976), Махмуд Шалтут⁵⁸ (1893-1963), Мустафа Назыф⁵⁹ (1893-1971) и Ибрагим Мадкур⁶⁰ (1902-1996).

Начиная с 1947 г. действительные члены Академии определяются путем выборов и голосования по следующей процедуре:

1. Академики, представляющие Египет.

Новые академики избираются тайным голосованием из числа предложенных кандидатов по рекомендации двух действительных членов совета Каирской академии. Выборы считаются состоявшимися, если в них приняли участие не менее двух третей членов совета Каирской академии, при этом потенциальный кандидат должен получить абсолютное большинство голосов. Результаты выборов утверждаются решением президента Египта по предложению министра образования.

Чтобы войти в состав Академии, кандидат должен отвечать как минимум одному из нижеперечисленных обязательных требований:

а) обладать обширными и глубокими знаниями по филологии и литературе, а также самостоятельными языковыми или литературными исследованиями;

б) иметь известные языковые, научные, литературные или технические работы;

в) являться экспертом или автором по истории арабской нации, ее памятникам либо языковому, научному, литературному или техническому наследию, а также знатоком арабской филологии;

⁵⁶ Египетский юрист, инспектор шариатских судов, автор многочисленных работ по основам мусульманского права.

⁵⁷ Арабский теоретик образования, способствовавший созданию новых принципов обучения и воспитания детей в Египте после обретения им независимости в 1925 г.

⁵⁸ Египетский ученый и исламский реформатор, шейх Университета аль-Азхар, первым получивший звание «Великий имам».

⁵⁹ Египетский естествоиспытатель и оптик, автор книги «Наука о природе».

⁶⁰ Египетский лингвист и филолог, профессор Каирского университета, общественный и политический реформатор.

г) специализироваться в одной из современных наук, владеть одним или несколькими древними или современными иностранными языками наряду с достаточным знанием арабского языка;

д) проявлять значительный интерес к арабским рукописям и старинному наследию [at-Taḥāmī].

2. Академики, представляющие другие страны.

Кандидатуры ученых-неегиптян для вхождения в состав конгресса Академии выдвигаются ее правлением и избираются советом Академии путем тайного голосования после получения абсолютного большинства голосов. Выборы считаются состоявшимися, если в них приняли участие не менее двух третей членов совета. Результаты выборов утверждаются решением президента Египта по предложению министра образования.

Любому лицу также может быть присвоено звание почетного члена Академии (без учета национальности) за выдающиеся успехи в области арабского языка, культуры или общества. Кроме того, это звание может быть закреплено за бывшими членами Академии.

Литература

1. Блинов А.А. Академия арабского языка в Дамаске // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2018. № 3. С. 105-118.
2. Шагаль В.Э. *Арабские страны: язык и общество*. М.: Восточная литература РАН, 1998. — 279 с.
3. as-Saqā M. Mağma‘u l-luğati l-‘arabiyyati l-malakiyy: mu‘āwanatuhu ‘alā taḥqīqī ‘ağrāḍihi // *ṣaḥīfatu dāri l-‘ulūm*. al-‘iṣdāru ṣ-ṣāni. Al-qāhirah: ġamā‘utu dāri l-‘ulūm, 1934. P. 45-53.
4. aṣ-Ṣayyādī M. *At-ta‘rīb wa tansīquhu fī l-waṭani l-‘arabiyy*. Beirut: markazu dirāsāti l-waḥdati l-‘arabiyyah, 1982. — 626 p.
5. at-Taḥāmī M. *Fī l-yawmi l-‘ālamīyy li-luğati ḍ-ḍād. ṣurūtu ‘iḥtiyāri ‘uḍwi “mağma‘i l-luğati l-‘arabiyyah”* [электронный ресурс]. URL: <https://www.albawabhnews.com/3413984> (дата обращения 15.09.2022).
6. Sawaie M. Language Academies // *Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics (EALL)*. Vol. 2. Leiden: Brill, 2007. P. 634-642.

7. Suleiman Y. *A War of Words: Language and Conflict in the Middle East*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 286 p.
8. Tamām A. *Mağma ‘u l-bikriyy. ḥaṭwatu ‘ulā mağāmi* [электронный ресурс]. URL: <https://archive.islamonline.net/?p=10869> (дата обращения 12.07.2022).
9. ‘Ubāda A. *Al-mağma‘u l-luğawiyy wa-l-mağma‘u l-‘ilmiyy // al-Hilāl*. Cairo: Dar al-Hilāl, 1928. P. 305-309.
10. Waardenburg J.D.J., Jazayery M.A., Landau J.M. *Madjma‘ ‘Ilmī // The Encyclopaedia of Islam (New Edition)*. Vol. 5. Leiden: Brill, 1979. P. 1090-1094.

Основные особенности диалектов тигринья. Фонология

Ярослав Николаевич Гутгарц

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

nanook@mail.ru, ORCID 0000-0003-2791-9765

Аннотация. Работа представляет собой обзор основных диалектных различий в языке тигринья на уровне фонологии. Чередование, спонтизация, палатализация, выпадение, эпентеза, ассимиляция, диссимиляция и метатеза – среди затронутых в статье вопросов. Представлен обширный языковой материал, собранный и систематизированный автором в течение его многочисленных полевых исследований в Тиграе и Эритрее начиная с 2004 г.

Ключевые слова: тигринья, диалектология, эфиосемитские языки, семитские языки, афразийские языки, фонология, Тиграй, Эритрея, Эфиопия

Salient features of Tigrinya dialects: Phonology

Yaroslav N. Gutgarts

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,

nanook@mail.ru, ORCID 0000-0003-2791-9765

Abstract. The work is a review of the major dialectological differences in the Tigrinya language at the level of phonology. Alternation, spirantization, palatalization, elision, epenthesis, assimilation, dissimilation, gemination, and metathesis are among the issues highlighted in the paper. Diverse linguistic material collected by the author during his numerous field studies in Tigray and Eritrea since 2004 is involved.

Keywords: Tigrinya, dialectology, Ethio-Semitic languages, Semitic languages, Afrasian languages, phonology, Tigray, Eritrea, Ethiopia

Слово благодарности

Настоящая статья является обзором основных диалектологических расхождений в языке тигринья в области фонологии, она явля-

ется частью более масштабной работы по диалектологии тигринья, проведённой автором во время многочисленных полевых исследований в Тиграе и Эритрее в период с 2004 г. и особенно с 2011 г. по настоящее время.

Я выражаю благодарность всем своим многочисленным информантам в Тиграе и Эритрее, без которых осуществление данного исследования было бы невозможным. Отдельная благодарность моим коллегам и друзьям Бырханэ Аччаме, Тэккыэ Тэсфай и Бэрэкэт Цэггай.

1. Введение

1.1. Язык тигринья и его диалекты

Языки Эфиопии и Эритреи относятся к афразийской и нило-сахарской языковым семьям. Афразийская семья включает шесть ветвей, из которых три распространены в Эфиопии – семитская, кушитская и омотская, первые две из них представлены и в Эритрее. Языки эфиосемитской группы условно подразделяются на северные и южные. Северная подгруппа включает геэз ([древне]эфиопский), тигре и тигринья. В то же время южная группа включает в себя амхарский, аргобба, харари, гураге (общее название ряда языков и диалектов) и ныне мёртвый гафат.

Тигринья является основным из трёх рабочих (другие два – арабский и английский) и самым распространённым языком Государства Эритрея. Он также является официальным языком региона Тиграй на севере Эфиопии. Тигриньяязычная территория включает преимущественно Эритрейское нагорье (kābäsa) и северную часть Эфиопского нагорья. Тигринья распространён также среди многих абиссинцев в диаспоре: в странах арабского мира (в частности, в Судане и Саудовской Аравии), Северной Америке, Западной Европе, Израиле и др. Общее число носителей тигринья оценивается в 10 миллионов.

Тигринья является вторым крупнейшим эфиосемитским языком, а с точки зрения общего числа носителей среди семитских языков он делит третье место с ивритом. Формирующийся языковой стандарт литературы и средств массовой информации по обе стороны эфиопско-эритрейской границы с некоторыми оговорками осно-

ываается на варианте, который распространён в исторической области Хамасен, где расположен город Асмэра – столица Эритреи. Этот вариант с некоторыми незначительными различиями распространён в Эритрее и на севере Тиграя, он носит общетигринский характер и является наиболее привилегированным, крупным и общепонятным вариантом тигринья. В лингвистической литературе этот вариант может называться «стандартным тигринья».

Тигринья существует в диалектах. В целом нет препятствий для взаимопонимания между носителями разных диалектов, однако местами некоторые территориальные особенности весьма значительны. Так, например, жители области Агамэ в северо-восточном Тиграе испытывают определённые трудности при общении с жителями области Уодджэрат на юге Тиграя, вместе с тем сами уодджэратцы понимают агамцев лучше. Наиболее просто и условно диалекты тигринья можно подразделить на две группы: относительно однородную *северную* (Эритрейское нагорье с прилегающими территориями, город Асэб и север Тиграя) и довольно разнообразную *южную* (юг и центр Тиграя, включая региональную столицу город Мэкэле). Тигринская диалектология изучена совершенно недостаточно, поэтому изоглоссы могут быть проведены только предварительно и приблизительно (см. Рис. 1):

А) стандартный или северный. Распространён практически во всём тигриньяязычном ареале Эритреи, на прилегающих к нему территориях и в г. Асэб, а также на севере Тиграя – в районе городов Адуа, Аксум, Шире (Ында-Сылласе) и Хумэра. Таким образом, этот идиом охватывает примерно половину всего тигриньяязычного ареала;

Б) агамэ или центрально-восточный. Распространён на северо-востоке Тиграя в области г. Адди-Грат вплоть до эритрейского г. Сэнафе;

В) ындертско-тэнбенский или центральный. Распространён в центральной части Тиграя. В городе Мэкэле, столице Тиграя, этот идиом испытывает особо сильное влияние амхарского языка – важнейшего языка Эфиопии;

Г) райя-уодджэратский или южный. Распространён на юге и юго-востоке Тиграя. Этот идиом, пожалуй, больше всего отличается от других;

Д) уолькайтский или юго-западный. Распространён в малонаселённой области Уолькайт.

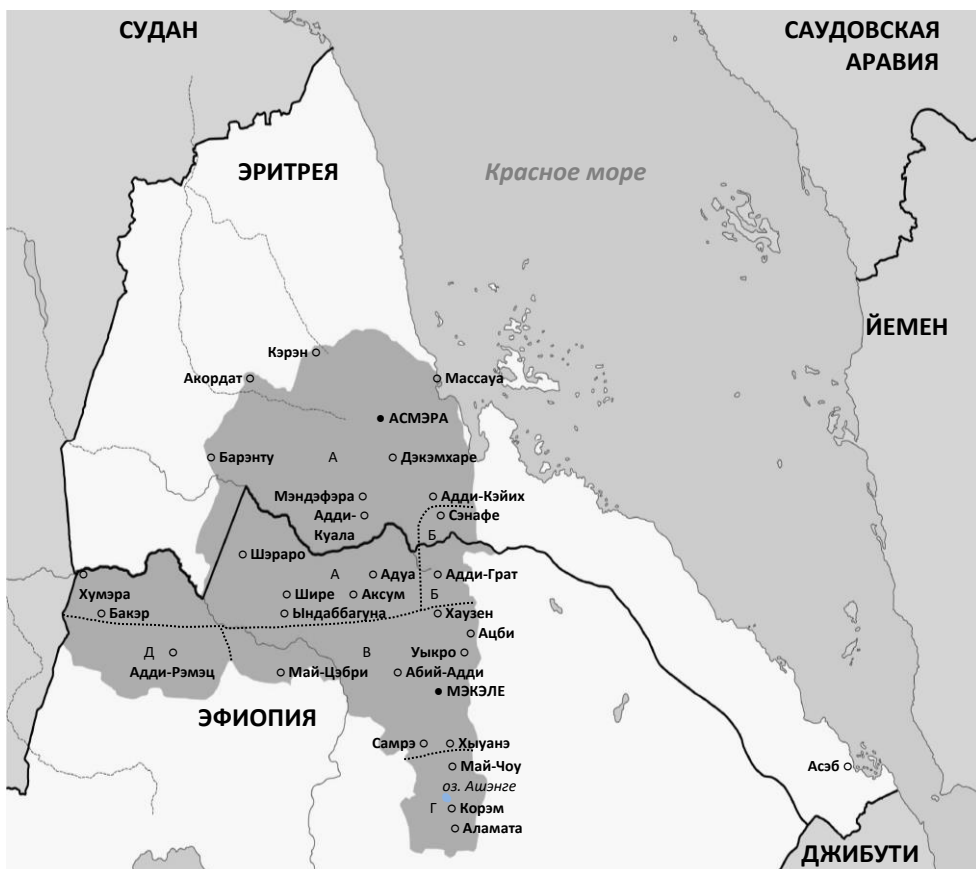

Рисунок 1. Предварительное распределение диалектов тигринья (в некоторых крупных городах, включённых в карту, напр. Массауа, Кэрэн, Акордат и Барэнт, тигринья не является единственным языком общения).

Можно было бы предположить, что богатое диалектное членение тигринья вызвано, например, горным ландшафтом территории его распространения, т.е. маломобильностью и относительной изолированностью частей населения. И хотя в некоторой степени это

действительно так, ситуация, видимо, сложнее. Ведь в соседнем, родственном тигринья амхарском языке, тоже распространённом в основном на нагорье, причём территориально гораздо шире и среди гораздо более широких масс населения, диалектные особенности, как известно, куда менее значительны и часто сведены к нулю. Здесь, однако, необходимо принять во внимание, что амхарский язык моложе тигринья, а также высокий статус амхарского, до сих пор являющегося важнейшим языком Эфиопии, что благоприятствовало и благоприятствует его стихийной и в какой-то мере направленной (сознательной) унификации. Кроме того, сильно отклоняющиеся южные эфиосемитские идиомы как, например, аргобба или харари-восточный гураге, считаются отдельными языками или диалектными континуумами, а не диалектами амхарского. Наконец, именно в ареале распространения тигринья проходил тот сложный и малоизученный процесс, который привёл к появлению эфиосемитских языков.

Несмотря на удалённость и разобщённость отдельных ареалов, диалекты языка тигринья характеризуются преимущественно фундаментальным единством, что в целом обеспечивает довольно бесконфликтную коммуникацию людей, говорящих на них.

Среди жителей Тиграя бытует интересное изречение относительно диалектов тигринья: ትግርኛ አብ ዓድዋ ተወለደ፣ አብ ዓዲ ግራት ዓብደ፣ አብ መቐለ ሓሚማ፣ አብ ራያ ሞይታ təgrəñña ስab ስadwa tāwälida, ab ስaddi grat ስabəya, ab mäqälä ስamima, ab rayya moyta «Тигринья родился в Адуа, вырос в Адди-Грате, заболел в Мэкэле и умер в Райя». С точки зрения сегодняшней науки подобное утверждение может представляться спорным, однако само его существование в сознании носителей тигринья свидетельствует о богатой вариативности тигринья, осведомленности тиграйцев касательно территориальных различий их родного языка и в какой-то мере отражает степени престижа идиомов тигринья.

За всё время существования тигринистики был опубликован ряд работ по частным вопросам тигринской диалектологии как абиссинскими, так и иностранными специалистами, см. [Amanuel 1988], [Daniel 1998], [Fitzgerald 2006], [Leslau 1939], [Littmann 1902], [Praetorius 1874], [Tsehaye 2009], [Voigt 2006, 2009], [Yaqob 1972]. Значительное число диалектизмов представлено в словарях Томаса

Л. Кэйна, Я.Н. Гутгарца и Филипа Бусау, см. [Kane 2000], [Гутгарц 2017, 2021], [Gutgarts, Busau 2022].

Теоретическое осмысление диалектологии тигринья является краеугольным камнем в деле изучения лексического состава, грамматической структуры, фонологии этого языка и внутренних законов его развития, а также лучшего понимания истинной истории происхождения и распространения тигринья.

Диалектные расхождения проявляются на уровнях фонологии, лексики, морфологии, синтаксиса и в некоторой степени семантики, а также графики (орфографии).

В примерах ниже в случае указания в скобках перед тигринским словом ареала распространения того или иного диалектологического явления следует иметь в виду, что ареал приводится в качестве примера и во многих случаях не ограничивает территорию употребления данного явления. Кроме того, при указании какой-либо географической (в том числе исторической) области (например, Тэнбен) интересующее явление может не быть распространенным на всей её территории.

Фонология

Чередование согласных: (юж., ц.) **ᐱᐱᐅ** labäy (ст. **ᐅᐱᐅ** nabäy) ‘куда’, **ᐱᐱᐅ ᐅᐱᐅᐅ** anäy næssəkay (ст. **ᐱᐱᐅ ᐅᐱᐅᐅ** anän næssəkān) ‘я и ты’.

Спирантизация: (Колла-Тэнбен) **ᐅᐱᐅᐅ** käfär (ст. **ᐱᐅᐅᐅ** käfär) ‘кэфэр (вид корзины, вмещает около 20 килограмм зерна)’, (Мэкэле, Адуа) **ᐅᐱᐅᐅᐅ** maʔkäl (ст. **ᐅᐱᐅᐅᐅ** maʔkäl) ‘центр, середина’.

Палатализация: (Шире) **ᐅᐅᐅ** šuf (ст. **ᐅᐅᐅ** suf) ‘сафлор (родственное подсолнечнику растение и его семена; Carthamus tinctorius)’, (Мэкэле, Адди-Грат) **ᐅᐅᐅᐅ** ḥačip (ст. **ᐅᐅᐅᐅ** ḥašin) ‘железо’, ‘металл’.

Чередование гласных: (юж.) **ᐅᐅᐅ** šum (ст. **ᐅᐅᐅ** šəm) ‘имя; название’, (Уодджэрат) **ᐅᐅᐅ** ana (ст. **ᐅᐅᐅ** anä) ‘я’, (Май-Цэбри) **ᐅᐅᐅ** allo наряду с **ᐅᐅᐅ** allä (ст. **ᐅᐅᐅ** allo) ‘есть, имеется’, (Аддиха) **ᐅᐅᐅ** ᐱᐱ käf bälä (ст. **ᐅᐅᐅ** ᐱᐱ kof bälä) ‘садиться; сидеть’, (Эритрея) **ᐅᐅᐅᐅ** qʷäšära против (Эфиопия) **ᐅᐅᐅᐅ** qʷäšäro ‘встреча (условленная, назначенная), свидание’.

Выпадение: (юж., ц.) **ᐅᐅᐅᐅ** əssəka (ст. **ᐅᐅᐅᐅ** næssəkā) ‘ты’.

Эпентеза: (Корэм, оз. Ашэнге) **ሐሙሽተይ** ḥammuštäy (ст. **ሐሙሽተ** ḥammuštä) ‘пять’.

Ассимиляция: (ст., сев.) **እና**- əнна- (тер. **እንደ**- ənda-) в сочетании с пф. переводится деепричастием несовершенного вида или наречием.

Диссимиляция: (Мэкэле) **ትሽዓንተ** təšʿantä (ст. **ትሽዓተ** təšʿattä) ‘девять’.

Геминация: **ወርሻ** (Тиграй) wərša против (Эритрея) wərrəša ‘наследие’.

Метатеза: (Мэкэле) **ደብረየ** dəbräyä (ст. **ደርቦየ** dərbäyä) ‘бросать, кидать’, ‘выбрасывать, выкидывать’.

Лексика

Расхождения в лексике значительны и затрагивают практически все части речи: ср. ст. **መሶብ** mäsob против (юж., Агамэ) **ጎፍላ** gofla ‘корзина-стол (большая корзина округлой формы и с плоским верхом; используется в качестве обеденного стола и для хранения тайты – традиционного хлеба-лепёшек)’, ст. **ጸገም** šägām против (юж., ц.) **ሽግር** šəggər ‘проблема’, (Эритрея) **ቀዋም** qəwam против (Эфиопия) **እገ መንግስተ** ḥəggä mängəsti ‘конституция, основной закон’, (Эритрея; итальянское заимствование) **ፍራውላ** frawla против (Эфиопия; английское заимствование) **ስትሮብሪ** sətrobäri ‘клубника’, (юж.) **ሃረሰ** harräsä против ст. **ደቀሰ** dəqqäsä ‘спать’, (БИндэрта) **ማይ ወቂዑ** may wäqisu против ст. **ማይ ሃረመ** may harimu ‘пошёл дождь’. В некоторых случаях диалектные лексические варианты особо многочисленны. Так, понятие ‘ладно, хорошо’, передаваемое ст. **ሕራይ** ḥəṭṭay, имеет следующие территориальные варианты: (ц., юж.) **ጨለ** čällä (наряду с амх. **እሺ** əšši), (Самрэ) **ሻነ** šanä, (ц., юго-запад) **ድንቂ** dənqi, (Райя) **ሸገ** šəggä. В стандартном тигринья ‘кукуруза’ обозначается словом **ዕፋን** ʾəffan, в Шире, БИндаббагуна и на севере Агамэ – **ዒልቦ** ʿilbo или **ዕልቦ** ʾəlbo, а в южных и центральных диалектах – **መሸላ ባሕሪ** məššala baḥri (букв. заморское сорго) с вариантами (Колла-Тэнбен) **ምሻሕሪ** məšaḥri, **ምሸባሕሪ** məšəbaḥri, (Хаузен) **ምሻሓሪ** məšaḥari, (Мэкэле) **ምሸራራሕ** məšərarəḥ, (Хыуанэ) **ምሸራርሕ** məšərarəḥ. В то же время ши-

роко отмечаемый в Тиграе праздник, известный, в частности в Райя, Ындэрта (включая г. Мэкэле), Тэнбен, Адуа и Шире как አሸንዳ ašānda ‘Ашэнда’¹, в Агамэ носит название ግርያ marya, в Аксуме – ዓይኒ ዋሪ ሳህነ ወሪ (или ዓይኒዋሪ ሳህነወሪ), а в отдельных частях сельской Эритреи этот праздник называется ገልገለ መስቀል gälgälä mäsqäl (или ገልገለ መስቀለ gälgälä mäsqälä)².

Морфология

Диалектные различия в области морфологии: (Эритрея) ስራሓት sərəhat против (Эфиопия) ስራሕት sərəhti мн. ‘работы’ (ед. ስራሕ sərəh ‘работа’); (Май-Чоу) ገበር gäbbər против ст. ይገበር yəgäbbər ‘он делает’.

Синтаксис

Синтаксические различия нередко проявляются в выборе грамматических средств: (Тиграй) ፀሓይ እንተ ተወፅኦ ከዳን ከተሓበረ ነይርኪ [ኢ.ኸ.] šāhay əntä təwäššə? kədan kəthasbi näyrki [ʔiki] против (Эритрея) ጸሓይ እንተ ተወጽኦ ከዳን ምሓጸብኪ ኔርኪ [ኢ.ኸ.] šāhay əntä təwäššə? kədan məḥasäbki nerki [ʔiki] ‘ты (ж.) бы постирала бельё, если бы вышло солнце’ (в первом случае конструкция главного предложения составлена при помощи союза ከ- kə- в сочетании с имперфектом (по модели прошедшего длительного времени), во втором случае – при помощи част. ም- mə- в сочетании с перфектом).

¹ Ашэнда – праздник, начало которого приходится на 16-е нэхасе, т.е. в Успение. Нарядные девочки и девушки группами ходят по улицам, танцуют и поют под аккомпанемент барабана, наиболее юные собирают деньги у прохожих; отмечается в Тиграе, а также в сельской местности Эритреи; продолжается три дня и более.

² У амхарцев, проживающих в приграничных Тиграю областях, этот праздник тоже не обладает единым названием. Так, жители исторической области Уаг называют его (на амхарском) ሻደይ šadäy, в Ласта он называется አሸንድዬ ašändäywe, а в Коббо носит название ሶለሌ soläl.

Семантика

В стандартном тигринья слово **፲፭፻** päjjäw значит ‘здесь; сюда’, но в центральных диалектах (в частности, в Мэкэле), оно имеет значение ‘там; туда’. В то же время в стандартном тигринья **፲፯** goggo означает ‘толстая лепёшка (из пресного ячменного или пшеничного теста)’, но в южных диалектах это слово иногда может носить значение ‘тайта, инджэра (традиционный хлеб абиссинцев – большие плоские, довольно эластичные пористые лепёшки-блины из жидкого дрожжевого теста, обычно на основе эндемичного злака теф)’.

Кроме противопоставленных диалектных различий, являющихся членами междиалектных соответствий или соответственных явлений, существуют также различия, которые не являются членами каких бы то ни было соответственных явлений и не имеют противопоставленных им диалектных особенностей – они называются непротивопоставленными диалектными различиями. Это такие элементы частной диалектной системы, которым не найдено точного эквивалента (т.е. элемента, занимающего то же место в системе) в другом диалекте [Пожарицкая, с. 15-16]. Непротивопоставленные диалектные различия в основном существуют, по сути, за счёт территориально ограниченных реалий, которые они называют. В интересующем нас языке такие примеры довольно немногочисленны, среди них можно упомянуть, в частности, **አውርስ** awrəs ‘аурыс (национальный танец тэнбенцев)’ (от **አውረስ** awräsä ‘завещать, передавать по наследству’).

К этому же случаю очень условно можно отнести также слова, бывшие когда-то территориально ограниченными, но впоследствии получившие более широкое распространение. Это своего рода исторически непротивопоставленные диалектные явления, каковыми являлись очень многие слова в языках мира. В тигринья это, например, **፲፯፻** təhlo ‘тыхлэ (готовые к употреблению катышки из теста на основе пассерованной ячменной муки и воды)’³. Родиной этого блюда считается историческая область Агамэ в Тиграе.

³ При употреблении каждый катышек насаживают на длинную деревянную двузубую вилочку или палочку, обмакивают в мясной соус-рагу, собирая

Можно также упомянуть своеобразные орфографические различия между письменными вариантами тигринья Эритреи и Тиграя.

Буквы **ጸ** и **ፀ**, в каждом случае обозначающие /s/, использовались избирательно в зависимости от слова. Так, например, слова ṣəgu ‘чистый’, ṣaṣwä ‘закрывать’, ṣähay ‘солнце’ и ḥəṣan ‘ребёнок, младенец’ записывались, как правило, как **ጽፋይ**, **ፃጸወ**, **ፀሓይ** и **ሐፃን** соответственно. В наши дни в каждом случае **ጸ** используется в Эритрее (**ጽፋይ**, **ፃጸወ**, **ጸሓይ**, **ሐጸን**), а **ፀ** – в Эфиопии (**ፀፋይ**, **ፃፀወ**, **ፀሓይ**, **ሐፃን**). Эти знаки в двух странах являются взаимоисключающими.

Специальные знаки (первого, третьего, четвёртого, пятого и шестого порядков, т.е. слоговых вариантов) формально предусмотрены только для лабиовелярных **ቈ** q^wä (**ቈ** q^wä), **ከ** k^wä (**ከ** k^wä) и **ጐ** g^wä (а в прошлом и для **ከ** h^wä). Тем не менее в тигринья Эфиопии возможны случаи использования специальных знаков (четвёртого порядка) и в иных случаях (орфографическое влияние амхарского): **ሊ** l^wa, **ግ** m^wa, **ረ** r^wa, **ሷ** s^wa, **ሸ** š^wa, **ባ** b^wa, **ታ** t^wa, **ቿ** č^wa, **ኗ** n^wa, **ኘ** ñ^wa, **ዘ** z^wa, **ዝ** ž^wa, **ደ** d^wa, **ጆ** j^wa, **ጧ** ṭ^wa, **ጧ** č^wa, **ፉ** f^wa. Например: (Тиграй) **ተፈጥሯዊ** tāfäṭr^wawī (ст. **ተፈጥሮአዊ** tafäṭro[?]awī) ‘естественный, натуральный’.

Среди знаков пунктуации имеются такие, которые используются в Эритрее, но не используются в Тиграе. Знак «:» (две точки), ранее использовавшийся в качестве словораздела, в этой функции был заменён пробелом и в современной Эритрее употребляется в качестве запятой. Знак «!» (три точки) периодически используется в Эритрее в качестве вопросительного знака, однако всё чаще замещается знаком «?». Комбинация «:!» в Эритрее тоже изредка встречается.

1.2. Постановка вопроса и критерии отбора информантов

При определении конкретных предметов исследования тигринских диалектов автор опирался как на собственные полевые исследования, проведённые в Тиграе и Эритрее в разные периоды, так

им кусочки мяса, и перед отправкой в рот окунают в кисломолочный соус; тыхлэ бывает и постным.

и на существующие работы по отдельным аспектам диалектологии тигринья. В фокусе настоящего исследования находится фонология.

В основу настоящего исследования закладываются социолингвистические методы, в частности, анкетный метод и метод непосредственного наблюдения.

При анкетном методе сбор сведений о языковых особенностях диалекта осуществлялся путём получения письменных ответов как компетентных в языковом отношении людей (учителей, сельской интеллигенции и др.), так и рядовых носителей на вопросы специально составленных вопросников. Эти вопросы относятся к разным уровням языковой системы.

При методе непосредственного наблюдения фиксировалась живая речь носителей.

Ареал исследования – Тиграй и тигриньяязычная территория Эритреи.

Основным критерием отбора информантов служили их исключительная связь с исследуемым географическим районом и владение тигринья как родным. Каждый привлечённый информант родился, вырос и продолжал жить в населённом пункте, где проводился сбор данных. При этом допускалось, что информант какое-то время жил в другом населённом пункте (например, ездил на заработки). Возраст информантов – 20-70 лет, в основном, мужчины.

Важным условием отбора являлось также отсутствие у потенциального информанта очевидных психических отклонений или выраженных дефектов речи (связанных чаще всего с недостатком зубов).

Поскольку в процессе извлечения данных использовалась некоторая несложная терминология, по мере возможности предпочтение отдавалось информантам, владевшим грамотой и имевшим образование выше нулевого – это прежде всего, конечно, касалось работы в сельской местности. Нередко привлечённые информанты были хорошо образованными, некоторые из них имели лингвистическое образование.

2. Основные особенности диалектов тигринья. Фонология

2.1. Система фонем

В языке тигринья, обладающим сложным составом согласных, в отличие от большинства эфиосемитских языков, сохранились прасемитские гортанные (гуттуральные) фонемы. Как и в других семитских языках, согласные в тигринья являются корнеобразующими и потому играют значительно более важную роль, чем гласные. Консонантный состав тигринья представлен в следующей ниже таблице.

Таблица 1. Согласные.

По способу образования По месту образования		Шумные									Сонорные			
		Смычные			Аффри- каты			Фрикатив- ные			Носовые	Латеральные	Дрожащие	Глайды
		Глухие	Звонкие	Эмфатические	Глухие	Звонкие	Эмфатические	Глухие	Звонкие	Эмфатические				
	Губно-губные	p	b	p̤					β		m			w
	Губно-зубные							f	v		(m̥)			
	Переднеязычные	t	d	t̤			(s)	s	z	(s)	n	l	r	
	Среднеязычные				č	j	č̤	š	ž		ñ			y
	Заднеязычные	k	g	q				k̤		q̤	(ŋ)			
	Лабиялизированные заднеязычные	kʷ	gʷ	qʷ				k̤ʷ		q̤ʷ				
Гортанные	Фарингальные							ħ	ʕ					
	Глоттальные	ʔ						h						

Примечания к таблице:

1. Чаще всего /s/ артикулируется как аффриката (смычно-щелевой), но в некоторых случаях может произноситься как спирант (щелевой).

2. Понятие заднеязычные (велярные) здесь включает также глубоко-заднеязычные (увулярные) согласные.

3. Согласные /q/ (реализуется как [X']), /k/ (реализуется как [X]), /qʷ/ (реализуется как [X'ʷ]), /kʷ/ (реализуется как [Xʷ]), и [β] являются одновременно позиционными вариантами и самостоятельными диалектными фонемами.

4. Чисто позиционные варианты [ŋ] и [ɲ] фонемы /n/ указаны в круглых скобках.

Состав гласных фонем тигринья представлен в следующей таблице.

Таблица 2. Гласные.

Ряд Подъём	Негубные		Губные
	Передний	Средний	Задний
Верхний	i	ə	u
Средний	e	ä	o
Нижний		a	

Примечания к таблице:

Гласные /ä/ и /ə/ под влиянием контактного /w/ и лабиовелярных или при ассимиляции часто огубляются и переходят соответственно в аллофоны [â] и [ÿ]. Например: **ወርቂ** [wârqî] ‘золото’,

ገላላ [gʷāyāyā] ‘бежать’, **ደው በለ** [dāw bälä] ‘останавливаться; стоять’, **ክዳውንቲ** [kədawünti] ‘одежда’, **ቊንጪ** [qʷünçi] ‘блоха’, **ሞሩጽ** [mürus] ‘избранный’.

2.2. Согласные

2.2.1. Чередование

Для диалектов тигринья, и, прежде всего, для южных и центральных характерно чередование согласных, особенно сонорных, т.е. демонстрация в одной и той же лексеме или граммеме соответственно различных согласных в зависимости от диалекта.

В южных и центральных диалектах Тиграя, а также в Агамэ наблюдается тенденция к чередованию /l/ в служебных словах. Нельзя исключать, что варианты с /l/ являются исконными, а /n/ образовалось в процессе развития языка, поскольку /l/ в соответствующих случаях является типичным семитским элементом, ср. (тигринья) **ገ-** **пэ-/ለ-** **лэ-** и (геэз) **ለ-** **lä-**, (древнееврейский, иврит) **-ל** **l-**, (арабский) **-ل** **l-**, и (амхарский) **ለ-** **lä-** ‘для’.

ለ- **лэ-** (ст. **ገ-** **пэ-**) маркер винительного и дательного падежей, тж. указывает на направление. Например, **ለንጉስ ባረኽቶ** **lənəgus baräḳätto** (ст. **ንንጉስ ባረኽቶ** **nənəgus baräḳätto**) ‘она благословила царя’, **ለኣይ** **ləʔay** или **ለዓይ** **ləʕay** (ст. **ንኣይ** **nəʔay** или **ንዓይ** **nəʕay**) ‘мне’, ‘меня’, **ለምንታይ** **ləməntay** (ст. **ምንታይ** **nəməntay**) ‘почему; зачем’, **ለአብነት** **ləʔabənnät** (ст. **ንአብነት** **nəʔabənnät**) ‘например’, **ናጋ ልኣኽሱም ክኸድ እየ** **naga ləʔaksum kəkäd əyyä** (ст. **ጽባሕ ንኣኽሱም ክኸድ እየ** **ṣ[ə]bah nəʔaksum kəkäyyəd əyyä**) ‘завтра я поеду в Аксум’, **ለኸትእዝ** **ləḳətəʔəzzəz** (ст. **ንኸትእዝ** **nəkətəʔəzzəz**, **ንኸትእዝ** **nəkətəʔəzzəz**) ‘чтобы ты заказал’.

ላብ **lab** (ст. **ናብ** **nab**) ‘[по направлению] к’, **ላቦይ** **labäy** (ст. **ናቦይ** **nabäy**) ‘куда’: **ላቦይ ትኸድለኻ? ላብ ዝ እኸድለኹ** **labäy təkädəlläka? lab gäza əḳädəlläku** ‘куда ты идёшь? я иду домой’.

ላይ- **lay-** (тер. **ናይ-** **pay-**): **ላየይ** **layäy** (тер. **ናየይ** **payäy**) мест. ‘мой’.

В некоторых случаях, в т.ч. в связи с миграционными процессами, употребительны оба варианта – с /п/ и с /л/, например (Бндабагуна, Мэкэле и др.) **ናበይ** nabäy и **ለበይ** labäy ‘куда’.

Чередование /п/ и /л/ возможно также с сопутствующими фонетическими изменениями: **ልዚ ቐልዓ** läzi qolṣa (ст. **ነዚ ቐልዓ** näzi qolṣa) ‘этого (этому) ребёнку’, **ለበላልኛው ወዲቸ** labälaṣku wädiqä (тер. **ናበላልኛው ወዲቸ** nabälaṣku wädiqä < ст. **እናበላልኛው ወዲቸ** ənnabälaṣku wädiqä) ‘я упал во время еды’, **አምላ ፍረላ** omlä f[ə]rälä (ст. **አምን ፍረን** omən f[ə]rän) ‘дерево и плод’ (в этом случае возможно расхождение на уровне лексики), а также (Мэкэле) **ልኣየ** ləṣayä или (Агамэ) **ልዓየይ** ləṣayäy (ст. **ንዓይ** nəṣay) ‘меня’, ‘мне’, (Абий-Адди) **ክልየው እቲ ገበ** kələyāw əti gäbo (ст. **ክንየው** kənəyāw) ‘за этой горой’.

В некоторых случаях эта тенденция затрагивает не только служебные, но и знаменательные слова: (Адуа, Мэкэле) **ልሻን** ləšan (ст. **ንሻን** nəšan) ‘медаль’.

Случаи обратного перехода л→п, в т.ч. в Эритрее, также изредка возможны: (Хаузен) **ናጋ** naga (ст. **ላጋ** laga) ‘лага (глиняный сосуд среднего размера для хранения молока и взбивания масла)’, (Адди-Куала) **ነቢቶ** näbito (< **ለቢቶ** läbito < ст. **ለቪቶ** lävito (от итальянского lievito)) ‘дрожжи’.

В южных и центральных диалектах /л/ в целом носит доминирующий характер и может фигурировать на месте не только /п/, но и других согласных, входящих чаще всего в состав служебных слов: **ለይ-** läy- (ст. **ከይ-** käy-), напр. **ልኣኻ ለይረኣኹኻ ሓሊፈ** ləṣakä läyräṣakuḳa ḥalifä (ст. **ንኣኻ ኸይረኣኹኻ ሓሊፈ** nəṣakä käyräṣakuḳa ḥalifä) ‘я прошёл мимо, не заметив тебя’; **ለ-** lə- (ст. **ዝ-** zə-) относительное мест., напр. **ልኸነ** ləḵonä (ст. **ዝኸነ** zəḵonä) ‘любой’, **ትግሊ ልመፀ ሰብ** t[ə]mali ləmäsä säb (ст. **ትግሊ ዝመጸ ሰብ** t[ə]mali zəmäsä säb) ‘человек, который пришёл вчера’, **ለግነኹዎ** lägnäḳuwwo (тер. **ዘግነኹዎ** zägnäḳuwwo) ‘то, что я нашёл’, **ንሱ ስለለይበለዐ** nəssu səläläybälsä (ст. **ንሱ ስለዘይበለዐ** nəssu səläzäybälsä) ‘так как он не ел’, **ልሰብ ልበለዕ** ləsäb ləbälləṣ (ст. **ንሰብ ዝበለዕ** nəsäb zəbälləṣ) ‘человекоядный’, **ናጋ ለይመፀእ ሰብ** naga läyyəmäsšəṣ säb (ст. **ጽባሕ ዘይመጽእ ሰብ** š[ə]bah

zäyuəməššə? säb) ‘человек, который завтра не придёт’ (здесь имеют место и лексические расхождения), **አብ ገዛ ለሎ የመሰለንይ** ab gäza lällo yämäsälännəy (ст. **አብ ገዛ ለሎ አይመሰለንን** ab gäza zällo aymäsälännən) ‘я подумал, что он не дома’, **ብለይ** bäläy (ст. **ብዘይ** bəzäy < **ብ-** bə- + **ዝ-** zə- + **አይ** ay) ‘без’, ‘кроме, помимо’.

Как и в предыдущей группе, эта тенденция может затрагивать не только служебные, но и знаменательные слова. Засвидетельствован по крайней мере один случай внутрисонорного перехода $g \rightarrow l$: (Серро, северный Тиграй между Адуа и Адди-Грат) **ሌማ** lema (ст. **ሬማ** rema) ‘молочный ягненок’.

Чередование $n/k/t$ в служебных и знаменательных словах довольно типично для диалектов Тиграя: (Мэкэле) **ክትሕግዝ [እን]ተለኻ** kəthəggəz [ən]tälläka (ст. **ክትሕግዝ [እን]ከለኻ** kəthəggəz [ən]källäka) ‘когда ты помогаешь’, (Хыуанэ) **ከጀው** käjjäw (ст. **ነጀው** näjjäw) ‘там; туда’ (семантическое расхождение, имеющее место в этом случае, рассмотрено выше в 1.1.).

Другим важным изофоном, встречающимся преимущественно в южных диалектах, является $/d/$. Он особенно проявляется в случаях, подверженных и другим консонантным изменениям, прежде всего переходу $n \rightarrow l$: (Райя) **ደኣነ** dəʔanä (юж. **ለኣነ** läʔanä, ст. **ንአይ** nəʔay) ‘меня’, ‘мне’, **ዳበይ** dabäy (юж., ц. **ለበይ** labäy, ст. **ናበይ** nabäy) ‘куда’. Подобным образом наречие **ንየ** nəyuä (ст. **ንየው** nəyuäw) ‘там; туда’ (в частности, север Тиграя, Адди-Грат, Дэгуа-Тэнбен, Нэбэлет, Май-Цэбри, Ындаббагуна, Бакэр) с его вариантами (Мэкэле, Май-Чоу, Корэм, оз. Ашэнге) **ክየ** kəyuä и (Колла-Тэнбен, Абий-Адди, Хаузен) **ለየ** läyuä переходит (Хыуанэ, Мэхони) в **ደየ** dəyuä.

В $/d/$ может переходить и $/z/$ служебных слов: **ድ-** də- (тер. **ል-** lə-, ст. **ዝ-** zə-), напр. (юж.) **ደይኽነ** dəykonä (ст. **ዘይኮነ** zäykonä) ‘не [являющийся чем-л.]’. Это явление в некоторой степени характерно даже для разговорной речи в Эритрее: (Асмэра) **አብኡዮ ደሎ** abʔuuu dällo (ст. **አብኡዮ ለሎ** abʔuuu zällo) ‘он находится там’, **እንታይ እዩ ድበለ?** əntay əyyu dəbälä? (ст. **እንታይ እዩ ዝበለ?** əntay əyyu zəbälä?) ‘что он сказал?’.

Обратный переход d→z тоже засвидетельствован в случае знаменательного слова: (Хаузен, Нэбэлэт, Адуа) **ዘንጉየ** zäng^wäyä (ст. **ደንጉየ** däng^wäyä) ‘опаздывать; задерживаться’.

Другим доминантным изофоном в южных, центральных диалектах и (частично) Агамэ является /y/.

Наиболее распространённым чередованием в рассматриваемой группе является n/y. Союзный суффикс **-ን** -n, он же – конечный элемент конфикса отрицания, часто переходит в этих диалектах в **-ይ** -y. Например, **እቲ ብርጭቕ አይዘላይ?** ətu bərčəɓ ayzähaläy? (ст. **እቲ ብርጭቕ አይዘላለ?** əti bərčəɓ ayzähalän?) ‘арбуз не охладился?’, **ምንም አይኮነይ** mənəm aykonäy (ст. **ምንም አይኮነን** mənəm aykonän) ‘ничего страшного’ (о спирантизации см. ниже), **ናጋ አይመፅይ** naga ayuəmässəy (ст. **ጽባሕ አይመጽን** s[ə]baḥ ayuəmässən) ‘завтра он не придёт’, **አይባልኩይዶ ልመፃኝ** aybaflkaydo ləməšaka (ст. **አይባልኩይዶ ዝመጽኝ** aybaflkando zəməšaka) ‘разве ты не сам пришёл?!’, **ሽኮር የለይ** šəkkor yälläy (ст. **ሽኮር የለን** šəkkor yällän) ‘сахара нет’, **ሰባይ ሓሙሽተይ** säbʕay ḥammuštäy (ст. **ሰባን ሓሙሽተን** säbʕan ḥammuštän) ‘семьдесят пять’, **አነይ ንስኻይ** anäy nəssəkay (ст. **አነን ንስኻን** anän nəssəkan) ‘я и ты’. В случае союзного суффикса местами возможно использование обоих вариантов – **-ይ** -y и вышеупомянутого **-ለ** -lä: (напр. Хаузен, Мэкэле) **አነይ ንስኻይ** anäy nəssəkay и **አነለ ንስኻለ** anälä nəssəkalä ‘я и ты’. В случае элемента конфикса отрицания также возможно свободное варьирование: (напр. Ацби, крайний восток Тиграя) **አይመፅን** ayuəmässən и **አይመፅይ** ayuəmässəy, (напр. Нэбэлэт – между Тэнбен, Агамэ и севером Тиграя, тж. Мэкэле) **የለይ** yälläy и **የለን** yällän ‘нет, не имеется’.

Нередко **አ-** а- префикса отрицания **አይ-** ау- в указанном ареале редуцируется до нуля звука, при этом **-ይ-** -y- огласовывается и префикс реализуется как **የ-** yä-. Например, **የመፃኹይ** yämäšakuy (ст. **አይመጽኹን** aymäšakun) ‘я не пришёл’, **የኮነይ** yäkonäy (ст. **አይኮነን** aykonän) ‘он (это) не...’, **የኮነትይ** yäkonätəy (ст. **አይኮነትን** aykonätən)

‘она не...’, **የፈለጥይ** yäfälləṭəy (ст. **አይፈለጥን** ayəfälləṭən) ‘я не знаю’, **የብለይይ** yäbälläy (ст. **የብለይን** yäbälläy[ə]n) ‘у меня нет’.

Свободное варьирование в пределах одной местности тоже распространено: (напр. Мэкэле) **የኸነይ** yäḵonäy и **አይኸነይ** ayḵonäy, (напр. Адди-Грат) **አይኮነን** ayḵonän и **የኸነይ** yäḵonäy.

Засвидетельствован также случай неполной редукции **አ-** а-: (Ацби) **[አ]የኸነይ** [a]yäḵonäy ‘это не...’.

В некоторых случаях наличие префикса **የ-** yä- не подразумевает безусловного наличия суффикса **-ይ** -y, например, **የኸነን** yäḵonän ‘это не...’ (во Фрэуойни (Синката) наряду со ст. **አይኮነን** ayḵonän, а в Мэкэле наряду с **የኸነይ** yäḵonäy).

Имеет место по крайней мере один необычный случай, в котором форма с **የ-** yä- твердо закрепилась в языке в качестве стандартной: **የብሉን** yäbällun (Зл. м. ед.) ‘у него нет; в нём нет’, ‘он не должен (делать что-л.)’, а соответствующая форма на **አይ-** ay- в тех же значениях функционирует в качестве территориального варианта: ср. **ገንዘብ የብሉምን** gänzäb yäbällomən ‘у них нет денег’ в северном идиоме и **መልሐስ ግጽግ አይብላን** mälḥas ǧašmi ṽaybällan ‘язык не имеет костей’ в центральном и южном идиомах.

የ- yä- с его вариантом **ይ-** yə- в диалектах может фигурировать также на месте **አ-** ä- (в различных порядках). Например: (Мэкэле, север Тиграя) **የመና** yämäna (ст. **አመና** amäna) ‘очень; слишком’, (Хаузен, Аксум) **የዎ** yäwwə (ст. **እወ** əwwä) ‘да’, (Агамэ) **የወ** yäwwä и **ይወ** yəwwä (ст. **እወ** əwwä) ‘да’, (Мэхони) **ኸመይ የኻ?** ḵämäy yäḵa? (ст. **ከመይ ኢኻ?** ḵämäy iḵa?) ‘как ты?, как у тебя дела?’.

Довольно типичным в центре, на юге и северо-востоке Тиграя является диалектное чередование полугласных сонорных /w/ и /y/: (Бндэрта, Тэнбен) **ፈተየ** fätäyä или **ፎተየ** fotäyä (ст. **ፈተወ** fätäwä) ‘хотеть’, (Май-Чоу, Мэкэле) **አተየ** atäyä (ст. **አተወ** atäwä) ‘входить’, (Мэхони, Мэкэле) **ሐሸየ** ḥaššäyä (ст., тж. Адди-Рэмэц **ሐሰወ** ḥassäwä) ‘лгать’ (о палатализации см. ниже), (Мэкэле, Адди-Грат) **ሸንደየ** šändäyä (ст. **ሰንደወ** sändäwä) ‘бросать, кидать’, ‘выбрасывать, выки-

дывать’, (Колла-Тэнбен, Мэкэле) **ፍነየ** čänäyā (ст. **ፍነወ** čänāwä) ‘вонять’, (Уолькайт) **እዮ** әууо (ст. **እወ** әwwä) ‘да’. Данное явление встречается не только в Тиграе, но и в Эритрее (Сэгэнэйти, Адди-Куала, тж. Мэкэле): **ዕጸዮ** ʕəṣäyуо (ст. **ዕጸዎ** ʕəṣäwwо) ‘закрой его (это)’.

Случаи обратного перехода /y/ в /w/ тоже встречаются: (Уыкро) **አይሽወጥን** ayšəwwätəp или (Мэкэле) **አይሽወጥይ** ayšəwwätəy (ст. **አይሽየጥን** ayšəyüätən) ‘[это] не продаётся’.

Переход m→n крайне редок: (Адди-Куала) **ለንቅነ** länqənä (ст. **ለግግነ** lomqənä) ‘недавно’.

В различных частях Тиграя и Эритреи отмечается чередование сонорного губно-губного /m/ и смычного губно-губного /b/: (Хаузен) **ስገብ** səgäb (ст. **ስገም** səgäm) ‘ячмень (злак)’, (Сэнафе) **ተበን** täbän (ст. **ተመን** tämän) ‘змея’, (Мэкэле) **ዝናብ** zəṇab (ст. **ዝናም** zəṇam) ‘дождь’.

Местами в центральных диалектах полугласный губно-губной /w/ может переходить в смычный губно-губной /b/: (Тэнбен) **ዕፀቦ** ʕəṣäbbo (ст. **ዕጸዎ** ʕəṣäwwо) ‘закрой его (это)’. При этом /b/ может переходить в /w/: (ц.) **ዓውዬ** ʕawəyi (ст. **ዓብዬ** ʕabəyi) ‘большой’.

Чередование среднеязычных /j/ и /y/ представлено как в Тиграе, так и в Эритрее: (Ындаббагуна, Шире, Адди-Куала, Цорэна, Сэнафе) **አዩ** həyi (ст., тж. Бакэр, Адди-Рэмэц **አጂ** həjji) ‘сейчас’ (в диалектном варианте геминация отсутствует), (Хумэра, Аксум, Адуа, Мэкэле) **አዮኻ** ayoḵa (ст. **አጆኻ** ajoḵa) межд. (2 л. ед.) выражает подбадривание или подзадоривание: ‘ничего страшного!, не волнуйся!, всё будет хорошо!, не бойся!, крепись!, смелее!, давай!’. Местами употребляются обе формы: (напр. Шире) **አዩ** həyi и **አጂ** həjji ‘сейчас’.

В стандартном тигринья, включая север Тиграя, генитивный маркер **ናይ** nau при присоединении п.м.с. для построения самостоятельных личных местоимений приобретает форму **ናት-** nat-, однако в центральных и южных диалектах /y/ часто сохраняется, напр. **ናይኹም** nauḵum или **ናይኩም** naukum (ст. **ናትኩም** natkum) ‘ваш’, **ናየይ**

pay[y]äy и ነየ pay[y]ä (ст. ነተይ natäy) ‘мой’. В таких формах /y/ может в дальнейшем переходить в /j/: (Адди-Грат) ነጃይ najäy ‘мой’.

Внутрисонорный переход г→у является непродуктивным: (напр. Тэнбен, Агамэ, Ындэрта) እምበይ əmbäy (ст. እምበር əmbär) союз ‘а, но’, напр. ዓይኒ ምድሪ አብ ከተማ እምበይ አብ ሃገረሰብ የለይ ስayni mədri ʔab kätäma ʔəmbäy ab haġäräsäb yälläy (ст. ዓይኒ ምድሪ አብ ከተማ እምበር አብ ሃገረሰብ የለን ስayni mədri ʔab kätäma ʔəmbär ab haġäräsäb yällän) ‘туалеты есть в городе, но не в сельской местности’.

Примерно так же непродуктивно чередование переднеязычных эйективных /t/ и /s/: (Нэбэлет) ደንጊጣ dängiṭa (ст. ደንጊጻ dängiṣa) ‘она испугалась’, (Аламата) ገጸር gäsär (ст. ገጠር gätär) ‘сельская местность’.

Переход č→t тоже изредка встречается: (тер.) መጠረሽታ mäṭärräšta (< тер. эф. መጨረሽታ mäčärräšta < амх. መጨረሻ mäčärräša) ‘конец, окончание’.

Чередование z/s и, соответственно, противопоставление по глухости-звонкости ограничено редкими случаями, напр. (Мэкэле) መአዝ mäʔaz против (Адуа) መዓስ mäʕas наречие ‘когда’ (здесь также имеет место чередование ʔ/ʕ, упомянутое ниже).

Чередование ʔ/ʕ в основном нехарактерно: (Адуа) ʔዕኡ nəʕəʔu против (Мэкэле, Адди-Грат) ገእኡ nəʔəʔu ‘его’, ‘ему’.

Редчайший переход w→g^w отмечен в Агамэ: እጐ əgg^wä (ст. እወ əwwä) ‘да’, እጐምበይ əgg^wəmbäy (< тер. እወ əwwä + እምበር əmbär) ‘ну, конечно!, а как же!’.

Среди фонетических явлений, затрагивающих согласные, можно также отметить крайне редкое употребление в разных диалектах эйективного или глухого смычного согласного в одном и том же слове: (Эритрея) እንቋዕ ənq^waʕ и (Тиграй) እንኳዕ ənk^waʕ ‘хорошо, что...’, предваряет поздравления и т.п.: እንቋዕ ብደሓን መጻእኩም! ənq^waʕ bədaḥan mäšaʔkum ‘добро пожаловать!’.

2.2.2. Спирантизация

Феномен спирантизации неудвоенных смычных, проявляющийся обычно на уровне аллофонов при внутреннем и внешнем сандхи в поствокальной и, соответственно, интервокальной позициях, был фонологизирован в южных и центральных диалектах, а также (реже) на севере Тиграя и в Агамэ, где он может проявляться на уровне самостоятельных фонем в любой позиции.

В анлауте: (Колла-Тэнбен) **ኸየ** kəyuä ‘там’, **ኸምኡ** kāmʔu ‘так, таким образом’, (Адди-Грат, Мэкэле) **ኸቢ** kəzi ‘сейчас’, (Райя) **ኸንፈር** känfär ‘губа’, (Мэкэле) **ኸቡር** kəbur ‘дорогой’, (Бндэрта) **ቼምጣ** gumta ‘шорты’, (Мэкэле) **ቼጸል** qʷäṣsal ‘густо покрытый листьями’, ‘зелёный’, (Мэкэле) **ቻርያ** qarya (< амх. **ቻርያ** qarya) ‘зелёный стручковый перец’, (Тиграй) **ቻርሺ** qərši общее обозначение какой-л. базовой денежной единицы, местной валюты; так, в Эритрее – накфа, в Эфиопии – быр, в России – рубль, в США – доллар и т.д.

В постконсонантной позиции: (Агамэ) **አእኸል** aʔkal ‘зерно (в собирательном значении)’, (юж.) **አይኸነን** aykonän или (Мэкэле) **አይኸነይ** aykonäy ‘он не...’, (Абий-Адди) **ዓባይ ኸበሮ** sabbay kəbäro ‘песчаный вихрь’ (букв. большой барабан), (Адуа) **እንታይ ኸእነዝ?** əntay kəʔəzzäz? ‘я к вашим услугам, чем могу помочь?; что будете заказывать?’, (Бндэрта) **አይቸተሎን** ayqätälon (ст. **አይቀተሎን** ayqätälon) ‘он не убил его’.

Фигурирование велярных смычных и их спирантизованных вариантов в указанных диалектах детерминируется лексически, ср. (Хыуанэ) **ኸልቢ** kälbi (ст. **ከልቢ** kälbi) ‘собака’ против **ከከናይ** kukkunay или **ከከ** kukku ‘петух’, (Бндэрта) **ቸትሪ** qätri (ст. **ቀትሪ** qätri) ‘полдень’ против **ቀዳማይ** qäddamay ‘первый’.

Свободное варьирование возможно: (Мэкэле) **የኸንካይ** yäkonkay и **የኸንኸይ** yäkonkay (ст. **አይኮንካን** aykonkan) ‘ты не...’, **የኸንከይ** yäkonkuu и **የኸንኸይ** yäkonkuu (ст. **አይኮንከን** aykonkun) ‘я не...’.

Следует также упомянуть, что в поствокальной позиции возможны случаи отсутствия спирантизации: (Хаузен) **የኮንካን** yäkonkan

‘ты не...’, (Колла-Тэнбен) **ṁṁḥḥṁṁ** mākostär (наряду с **ṁṁḥḥṁṁ** mākostär) ‘веник’.

2.2.3. Палатализация

Довольно типичным для южных и центральных диалектов является палатализация, самым распространённым случаем которой является переход $s \rightarrow \check{s}$: (Шире, Мэкэле) **ṁṁḥḥṁṁ** bəṛṣən (ст. **ṁṁḥḥṁṁ** bərsən) ‘чечевица’, (Мэкэле, Колла-Тэнбен) **ṁṁḥḥṁṁ** kʷəṣəṣṣo (ст. **ṁṁḥḥṁṁ** kʷəṣəssə) ‘мяч’, (Агамэ) **ṁṁḥḥṁṁ** kəṣab (ст. **ṁṁḥḥṁṁ** kəsab) ‘до’, (Мэкэле, Шире) **ṁṁḥḥṁṁ** ḥəṣṣäwä (ст. **ṁṁḥḥṁṁ** ḥassäwä) ‘лгать’, (Абий-Адди) **ṁṁḥḥṁṁ** räṣṣəṣä (ст. **ṁṁḥḥṁṁ** rässəṣä) ‘забывать’, (Ындэрта, Агамэ) **ṁṁḥḥṁṁ** tāṭayäṣä (ст. **ṁṁḥḥṁṁ** tāṭayäsä) ‘быть основанным (напр. о городе)’. В некоторых случаях возможно свободное варьирование – с палатализацией и без: (Шире, Мэкэле) **ṁṁḥḥṁṁ** māṣäyä и **ṁṁḥḥṁṁ** mäsäyä ‘вечереть; темнеть (о наступлении сумерек)’, (Хыуанэ) **ṁṁḥḥṁṁ** sum и **ṁṁḥḥṁṁ** šum ‘имя; название’.

Имеют место попытки кодификации часто используемых форм с палатализацией и без. Так, выдающийся современный эритрейский лексикограф и грамматист Тэккыэ Тэсфай в своих словарях и других работах регистрирует слово **ṁṁḥḥṁṁ** šəm в значении ‘имя; название’, а его более редко используемый непалатализованный вариант **ṁṁḥḥṁṁ** səm – в значении ‘существительное’, в то время как обычно оба варианта употребляются в обоих значениях в зависимости от контекста.

Другой относительно продуктивный тип палатализации, а именно переход $\check{s} \rightarrow \check{\check{s}}$, засвидетельствован и в Тиграе, и в Эритрее: (Мэкэле, Адди-Грат) **ṁṁḥḥṁṁ** ḥəṣṣin (ст. **ṁṁḥḥṁṁ** ḥəṣṣin) ‘железо’, ‘металл’, (юж.) **ṁṁḥḥṁṁ** ḥəṣṣir (ст. **ṁṁḥḥṁṁ** ḥəṣṣir) ‘короткий’, (Адди-Кэйих, Сэгэ-нэйти) **ṁṁḥḥṁṁ** bəṣayäy (ст. **ṁṁḥḥṁṁ** bəṣayäy) ‘мой товарищ (друг)’.

В некоторых случаях именно вариант с /č/ закрепился в качестве широкоупотребительного, в то время как вариант с /š/ распространился местами: ст. **ṁṁḥḥṁṁ** ṣəṇčäyüti и тер. **ṁṁḥḥṁṁ** ṣəṇšäyüti ‘дерево (материал)’, а также ст. **ṁṁḥḥṁṁ** ṣəṇčəgar и тер. **ṁṁḥḥṁṁ** ṣəṇšəgar ‘сверчок’.

Свободное варьирование в пределах одной местности тоже возможно: (Колла-Тэнбен) **ፖጹ** məṣu (краткая форма от **ፖጹጽላይ** məṣuṣəllay) и **ፖጩ** məṣu ‘белка’, (Хыуанэ) **ሐሩጭ** həruč и **ሐሩፅ** həruš ‘мука’.

Переход t→č в тигринья представлен очень редкими случаями: (оба случая в Колла-Тэнбен) **ሰንሰለች** sānsäläč (ст. **ሰንሰለት** sānsälät) ‘цепь; цепочка’, **ፖናልባች** mənəlbəč (ст. **ፖናልባት** mənəlbət) ‘может быть’.

Относительно продуктивным чередованием с участием палатализованных (среднеязычных) согласных является z/j: (Ыдага-Арби) **ቤሃኻ** bezaqa и (Ындэрта, Аксум) **ቤሃሃኻ** bəyzaqa против ст. **ቤጃኻ** bājjaqa ‘пожалуйста (при просьбе)’, (Мэкэле) **ብህይካ** bəzäyka против ст. **ብጀካ** [ʔ-] bəjəkka [nə-] ‘кроме, помимо; без’, (напр. Адуа, Фреуойни, север Агамэ) **ሐዚ** həzi против ст. **ሐጂ** həjji ‘сейчас’.

Чередования j/z и j/g не слишком типичны: (оба случая в Адди-Куала) **ገጃፍ** gājjiḥ (ст. **ገረፍ** gäzzif) ‘огромный, гигантский’, **ጀርፋፍ** järfaf (ст. **ገርፋፍ** gärfaf) ‘медленный, медлительный’.

Зафиксирован также необычный переход z→ž, несоизмеримо более типичный для амхарского формо- и словообразования: (Хумэра) **ፋጋገን** ʔagažän (ст. **ፋጋዘን** ʔagazän) ‘антилопа’.

Палатализация заднеязычного глухого /k/ с его переходом в /č/, присущая, в частности, некоторым тюркским и тибето-бирманским языкам, в тигринья встречается крайне редко: (Адди-Куала) **ቲድ!** čid! (ст. **ከድ!** kid!) ‘иди!, пошёл!, уходи!’, (Аксум, Адуа) **ቲዳነ ምህረት** čidanä məhrät (ст. **ከዳነ ምህረት** kidanä məhrät)⁴ ‘Завет Милости (завет, обет Иисуса Христа, состоящий в отпущении грехов всем, кто будет чтить вынесшую страдания Богородицу)’. Подвергаться палатализации так же редко может не только глухой /k/, но и его эйективный вариант /q/, переходящий в таком случае в эйективный /č/: (Адди-Рэмэц, Уолькайт) **ድንፌ** dəñči (ст. **ድንቂ** dənqī) ‘чудо’, ‘ладно, хорошо; чудесно, чудно’.

⁴ Представлены современное произношение и орфография этого сложного слова, исконным радикалом является ḥ, а не h; ср. геэзское и тигринское **ምሕረት** məhrät ‘милость, милосердие’, ‘прощение’.

2.2.4. Выпадение, эпентеза, ассимиляция

Довольно распространённым феноменом является выпадение /п/: (юж., ц.) **እሱ** əssu (ст. **ንሱ** nəssu) ‘он’, **እሳቶም** əssatom (ст. **ንሳቶም** nəssatom) ‘они’, (сев., ц., Агамэ) **እዳ** əda (ст. **እንዳ** ənda) ‘дом’, ‘заведение’, (Май-Цэбри) **የለ** yällä (наряду со ст. **የለን** yällän) ‘нет, не имеется’. Встречаются случаи выпадения /п/ с сопутствующими фонетическими изменениями: (Райя) **አሕና** aḥəna (ст. **ንሕና** nəḥna) ‘мы’.

В то же время имеются и обратные случаи возникновения /п/: (Май-Чоу) **ንወ** nəwwä (ст. **እወ** əwwä) ‘да’, (Майчоу, Корэм, оз. Ашэнге) **ንዩ** nəyu (ст. **እዩ** əyu) гл.-связка (3 л. м. ед. наст.). Кроме того, /п/ может возникать для благозвучия: (Мэкэле; регрессивная диссимиляция) **ትሽዓንተ** təšəntä (ст. **ትሽዓተ** təšəttä) ‘девять’. В особых случаях возникший вариант становится литературной нормой, а исходный приобретает статус территориального и даже просторечного варианта: (ст.; прогрессивная ассимиляция) **እና**- ənna- (< тер. напр. Адуа, Аксум, нерегулярно местами в Эритрее **እንዳ**- ənda-) в сочетании с перфектом переводится деепричастием несовершенного вида или наречием, напр., **እናሰላቸው** ነጥፍ ənnasäḥačə gʷäyüyü ‘бежать, смеясь’.

Выпадение /у/ отмечено во всех частях Тиграя и юго-восточных областях тигриньяязычного ареала Эритреи: (Сэнафе, Агамэ, Фрэуойни) **አ**- u (ст. **እዩ** əyu) гл.-связка (3 л. м. ед.), напр. **ከምአአ** kämʔuʔu (ст. **ከምአ** እዩ kämʔu ʔəyu) ‘это так’, **ንሳ ፅብቕቲ አ** nəssa şəbbəqti ʔa (ст. **ንሳ ጽብቕቲ እዩ** nəssa şəbbəqti ʔəyu) ‘она красивая’, **እም** om (ст. **እዮም** əyuom) гл.-связка (3 л. м. мн.), **እንታ አ?** ənta ʔu (ст. **እንታይ እዩ?** əntay əyu?) ‘что это?’, (Тэнбен, Адуа) **ፅንጨቲ** šənčäti (ст. **ፅንጨይቲ** šənčäyti) ‘дерево (материал)’, (Мэкэле) **እተ** ətä (наряду с **እተይ** ətäy) (ст. **እቶ** əto) ‘входи!’, (Мэхони) **እዙ ቐለዓ** əzu qolʔa (тер. **እዙይ** əzu) ‘этот ребёнок’, (Уолькайт) **ነሩ** nəru (ст. **ነይሩ** nəyru) ‘он был’, ‘[он] будучи’, (Уолькайт; комплементарное распределение должно быть установлено) **ናበ** nabä (ст. **ናበይ** nabäy) ‘куда’: ср. **ናበ**

ኸዱ? nabä kädü? (ст. **ናበይ ከይዱ** nabäy käydu?) ‘куда он пошёл?’, но **ናበይ ደኣ ኢኸ?** nabäy däʔa ʔika? ‘куда же ты идёшь?’.

В то же время засвидетельствованы случаи эпентезы /y/: (Бнтычо) **ገይሶ** gäyso (ст. **ገሶ** geso, **ገሾ** gäšo) ‘гешо (растение, веточки и листья которого используются при приготовлении домашнего пива и хмельного мёда аналогично семенам хмеля в пивоварении; корни его используются в народной медицине; *Rhamnus prinoides*)’, (Бнтычо) **ሀይዚ** häyzi (тер. **ሀዚ** häzi, **ሄዚ** hezi) ‘сейчас’. Случаи эпитезы /y/ тоже встречаются: (Корэм, оз. Ашэнге) **ሐሙሽተይ** ḥammuštäy (ст. **ሐሙሽተ** ḥammuštä) ‘пять’.

В числе случаев эпитезы, в т.ч. с сопутствующими изменениями, можно отметить, например: (Мэкэле) **ቅንጥሻራ** qəntəšara (ст. **ቃንጥሻ** qantəša) ‘гриб’, (Бндаббагуна, Мэкэле) **ኣታዮ** attayo (ст. **ኣታ** atta) межд. ‘эй [ты]! (при подзывании, оклике, обращении)’.

Абсолютно нехарактерное для тигринья выпадение /ç/, встречающееся, в частности, в диалектах идиома дахалик, засвидетельствовано по крайней мере одним случаем: (в окрестностях Адди-Гудом) **ኤሊ** ällä против (Бндэрта, Уодджэрат, Ацби) **ጨሊ** çällä ‘ладно, хорошо’.

2.2.5. Геминация

Диалектные различия, проявляющиеся в наличии и отсутствии удвоения, затрагивают в основном модели 1ə2[2ə]3а и 1ə2[ə3]3а4ä: **ፖርጫ** (Тиграй) mətṣa против (Эритрея) mətṣəṣa ‘выбор; альтернатива’, ‘выборы’, **ከርሻ** (Тиграй) ḥərša против (Эритрея) ḥəṣṣəṣa ‘пашня, поле’, ‘сельское хозяйство’, **ግብጎ** (Тиграй) amx. gəbṣa против (Эритрея) **ግብጃ** gəbbəjja (здесь также имеет место переход ž→j с удвоением последнего) ‘званный обед или ужин; званный вечер’, **ቅለጣፈ** (Тиграй) qəłtafä против (Эритрея) qələttafä ‘быстрота, скорость’. Как видно из примеров, в вариантах, употребляемых в Тиграе, геминация, как правило, отсутствует, однако возможны и исключения: **ግስጋስ** (Тиграй) gəsəggasä против (Эритрея) gəsgasä ‘прогресс, развитие’.

2.2.6. Метатеза

Явление метатезы в тигринских диалектах широко не распространено, но в некоторой степени всё-таки представлено, например: (Райя) ደኡ- уэጊ (ст. እዩ әуу) гл.-связка (3л. м. ед. наст.), (Мэкэле) ደብረዮ däbräyä (ст. ደርቦዮ därbäyä) ‘бросать, кидать’, ‘выбрасывать, выкидывать’, (Уыкро) እስካብ әskab или (Мэгаб) እሸካብ әškab (ст. ክሳብ kәsab) ‘до’.

2.3. Гласные

В южных и центральных диалектах среднепродуктивным является чередование ə/u: (Май-Чоу) 𐌎𐌕 dukk^{wa} (ст. 𐌎𐌕 dækk^{wa}) ‘деревянная табуретка (очень низкая)’, (Корэм, оз. Ашэнге) 𐌕𐌖𐌗𐌐 qurši (ст. 𐌕𐌖𐌗𐌐 qərši) общее обозначение какой-либо базовой денежной единицы, местной валюты, (Абий-Адди) 𐌕𐌖𐌗𐌐 kuləttiʔom (ст. 𐌕𐌖𐌗𐌐 kələttiʔom) ‘оба (3 л.)’, (Колла-Тэнбен) 𐌕𐌖𐌗𐌐 həṣa (ст. 𐌕𐌖𐌗𐌐 huṣa) ‘песок’.

Относительно продуктивным чередованием гласных в диалектах тигринья является ä/o: (Май-Цэбри) **አለ** allä (ст. **አሎ** allo) ‘есть, имеется’, (Май-Цэбри) **አይክነን** aykänän (ст. **አይክነን** aykonän) ‘это не...’, (Дугэм) **ሐሽት** ḥaššät (ст. **ሐሶት** ḥassot) ‘ложь’, (Колла-Тэнбен) **ከፍ በለ** käf bälä (ст. **ኮፍ በለ** kof bälä) ‘садиться; сидеть’, **ገበ** gäbo (ст. **ጎበ** gobo) ‘[маленькая] гора; высокий холм’. Свободное варьирование в одной и той же местности не исключено: (Ынтычо, Адуа) **መሶብ** mäsob и **መሶብ** mäsäb ‘мэсоб, корзина-стол’. Случаи лабиализации ä→o/ä имеют место как в Тиграе, так и в Эритрее: (Хаузен, Абий-Адди) **ሎሚን** lomin (ст. **ለሚን** lämin) ‘лайм; лимон’, (Адди-Куала) **ኖሩ** nogu и **ነሩ** näru (свободное варьирование; ст. **ነይሩ** näyru) ‘он был’, **ጎሩ** gogu и **ገሩ** gäru (свободное варьирование; ст. **ገይሩ** gäyru) ‘он сделал’. Это явление наблюдается также в случае о.м.с. 3 л. м. ед.: (Колла-Тэнбен) **የፈለጠይ** yäfältäy (ср. Мэкэле **የፈለጠይ** yäfältoy; ст. **አይፈለጠን** ayfältön) ‘я этого (его) не знаю’, **ክልተ ዓመት**

የመልአይ kələttä šamät yämäl?äy (ст. ክልተ ዓመት አይመልአን kələttä šamät aymäl?on) ‘ему ещё не исполнилось двух лет’.

Другим чередованием гласных в диалектах тигринья является ä/a: (Уодджэрат) አና ana (ст. አነ anä) ‘я’, (Биндаббагуна, Хумэра, юж., встречается тж. в Эритрее) ሃባ/ጸባ šaba (ст. ጸባ šäba) ‘молоко’, (Хыуанэ) ኻፈር kafär (ст. ከፈር käfär) ‘кэфэр (вид корзины, вмещает около 20 кг зерна)’, (местами в Агамэ) ነይ näy (ст. ናይ nay) генитивный маркер.

Чередование ә/а распространено, в частности, в центральных диалектах: (Май-Цэбри) እሎ әлло (наряду с вышеупомянутым አለ allä; ст. አሎ allo) ‘есть, имеется’, (Мэкэле) አሻት həššot (ст. ሓሻት həssot) ‘ложь’, ካሻ kašša (ст. ከሻ kəšša) ‘мешок’, (Абий-Адди) ሓዘ həzi и (тер. አዘ həzi) ‘сейчас’, አሩጭ həruč (ст. ሓርጭ hərač) ‘мукá’. Последний пример относится и к вышеупомянутому чередованию ә/у.

Чередование ә/ä тоже в некоторой степени распространено: (Мэкэле) ንግዲ nəgdi (ст. ነግዲ nəgdi) ‘торговля’, (юж., Адди-Грат, Ацби, Адуа) አዘ həzi и (Адуа) አዘ həzi ‘сейчас’. При сочетании предлога ን- nə- с указательным мест. እቲ әті обычно образуется форма ነቲ näti, однако территориально возможны случаи с сохранением /ә/: (ц., юж.) ንቲ nəti (ст. ነቲ näti) ‘того’, ‘тому’, ንቲአም nəti?om (ст. ነቲአም nəti?om) ‘тех’, ‘тем’.

В то же время зафиксированы и обратные случаи. Так, при сочетании предлога ን- nə- с п.м.с. 1 л. ед. -ይ -у обычно образуется форма ንአይ nə?ay, однако возможны случаи, когда ә переходит в ä: (Мэкэле) እአይ lä?ay (ст. ንአይ nə?ay) ‘меня’, ‘мне’.

Из прочих фонетических процессов можно отметить случаи неперехода -әу в -i, например, в глагольных формах, ср. ст. ይሰጧ уэsämmi ‘он называет’ (ሰመየ sämäyä ‘называть’) против (Колла-Тэнбен) አይጨንይ ауčännəy ‘это не воняет’ (тер. ጨነ čänäyä; ст. ጨነ čänäwä ‘вонять’).

Чередование о/а является редким: (Агамэ, Бндэрта) ቋሎ qalo (ст. ቆሎ qolo) ‘жаренные зёрна’, (Эфиопия) ቁፀር q^wäšäro против (Эритрея) ቁጸራ q^wäšära ‘встреча (условленная, назначенная), свидание’.

Из случаев протезы можно отметить: (БІндэрта, БІндаббагуна) **ḵḵḵ** anəḥna (ст. **ḵḵḵ** nəḥna) ‘мы’.

Случаи выпадения также встречаются: (юж., ц., Агамэ) **ḵ** da (< тер. **ḵḵ** əda < ст. **ḵḵḵ** ənda) ‘дом’, ‘заведение’.

В целом можно отметить, что набор гласных в одном слове в диалектах может быть самым разнообразным: (Хыуанэ, Колла-Тэнбен) **ḵ** čä, (север Агамэ, Адди-Куала) **ḵ** ča, (Ацби) **ḵ** či межд. ‘пошёл!, но! (возглас, которым понукают осла)’; (Нэбэлэт) **ḡḡ** gäba, (Колла-Тэнбен) **ḡḡ** gəba (ст. **ḡḡ** gaba) ‘зизифус колючий, унаби христовы тернии (дерево рода Зизифус; *Ziziphus spina-christi*)’, ‘унаби (мелкие съедобные плоды-костянки зизифуса колючего)’; (Мэкэле, Колла-Тэнбен, север Агамэ) **ḵḵ** ṣif, тер. **ḵḵ** ṣof (ст. **ḵḵ** ṣuf) ‘птица’; (Хумэра, Шире) **ḵḵḵ** ṭäsno, тер. **ḵḵḵ** ṭäsnī (ст. **ḵḵḵ** ṭäsnä) ‘тимьян, чабрец’.

3. Заключение

Фонологическая дифференциация диалектов тигринья очень богатая и проявляется в разнообразных явлениях: чередование, спирализация, палатализация, выпадение, эпентеза, ассимиляция, диссимиляция, геминация, метатеза и др.

Диалектные расхождения распространены практически во всём ареале тигринья, но особенно в его центральных и южных частях.

Тигринская диалектология по-прежнему остаётся одним из «белых пятен», упущений тигринистики. Степень разработанности проблемы диалектного членения языка тигринья очень низкая. Диалектная система тигринья исследовалась спорадически и на сегодняшний день изучена недостаточно. Этим вопросом так или иначе занимались и занимаются лишь единичные исследователи. Вопрос остаётся открытым. До сих пор соответствующие изоглоссы проведены лишь предварительно, отсутствует единая и всесторонне обоснованная диалектологическая номенклатура.

На страницах своей диссертации «Глагольная система тиграйского языка» Л.Э. Ганкин, характеризуя современное ему состояние тиграйского языкознания, констатировал, что язык тигринья «до

сих пор остаётся малоизученным» [Ганкин 1981, с. 12]. Несмотря на определённые достижения в этой области за последние годы, его высказывание, в особенности применительно к диалектологии тигринья, ещё и сегодня во многом справедливо.

Условные обозначения

амх.	—	амхарский язык
гл.	—	глагол
ед.	—	единственное число
ж.	—	женский род
л.	—	лицо
м.	—	мужской род
межд.	—	междометие
мест.	—	местоимение
мн.	—	множественное число
наст.	—	настоящее время
оз.	—	озеро
о.м.с.	—	объектный местоименный суффикс
п.м.с.	—	притяжательный местоименный суффикс
сев.	—	северные диалекты
ст.	—	(так называемый) стандартный тигринья
тер.	—	территориальный вариант
ц.	—	центральные диалекты
эф.	—	в эфиопском употреблении
юж.	—	южные диалекты

Литература

1. Ганкин Л.Э. *Глагольная система тиграйского языка*. Дисс. на соискание учёной степени канд. филол. наук. М.: МГУ, 1981. — 204 с.
2. Гутгарц Я.Н. *Русско-тиграйский тигринья русский разговорник и словарь መምህራ ዝርርብ ትግርኛ-ሩስያኛ ሩስያኛ-ትግርኛ ምስ መዝገበ ቃላት*

- (mämhari zərərrəb təgrəñña-rusyañña rusyañña-təgrəñña məs mǝzgäbä qalat). Москва: Наука-Вост. лит., 2017. — 452 с.
3. Гутгарц Я.Н. *Тигринья-русский словарь фундаментальной лексики መስረታዊ መዝገበ ቻላት ትግርኛ-ሩስያኛ* (mäsärrätawī mǝzgäbä qalat təgrəñña-rusyañña). Москва: ИВ РАН, 2021. — 600 с.
 4. Пожарицкая С.К. *Русская диалектология: Учебник*. изд. 2. М.: URSS, 2017. — 299 с.
 5. Amanuel Sahle. Tigrigna: a study in standardization // *Proceedings of the Ninth International Congress of Ethiopian Studies*. Moscow: Nauka, 1988. P. 15-27.
 6. Daniel Tekle-Maryam Tekkururay. ንላህጃታት ትግርኛ ከመይ ገይርና ኢና ኣብ ኣደ ስሩዕን ምዕሩይን ደረጃ ቋንቋ እነብዕሖም (nəlahjatāt təgrəñña kāmāy gäyrna ina ab ḥadä sərufən məsruyən dārājä qʷanqʷa ənəbsəḥom) // *Mekelle. Mäşnaʾtətat qāddamay simpoziyām qʷanqʷa təgrəñña*, 1998. P. 266-282.
 7. Fitzgerald, Colleen M. More on Phonological Variation in Tigrinya // *Proceedings of the XVth International Conference of Ethiopian Studies*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. P. 763-768.
 8. Gutgarts, Yaroslav / Busau, Filip. *Tigrinisch-Deutsch-Englisches Wörterbuch Tigrinya-German-English dictionary መዝገበ ቻላት ትግርኛ-ጀርመንኛ-እንግሊዝኛ* (mǝzgäbä qalat təgrəñña-järmänəñña-əngəlizəñña). Wiesbaden: Harrassowitz, 2022 [2023]. — 610 p.
 9. Kane, Thomas Leiper. *Tigrinya-English Dictionary I-II*, Springfield, VA: Dunwoody Press, 2000. — 2743 p.
 10. Leslau, Wolf. Observations sur quelques dialectes du Tigrigna (dialectes d'Akkele Gouzay, d'Adoua et du Hamasen) // *Journal Asiatique* 231, 1939. P. 61-115.
 11. Littmann, Enno. Tigriña-Texte im Dialekte von Tanbên // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* 16, 1902. P. 211-225.
 12. Praetorius, Franz. Ueber zwei Tigriñadialekte (von Hamasen, von Tanben) // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 28, 1874. P. 437-447.

13. Tsehaye Kiros Mengesha. *A Comparison of Wajerat Tigrigna vs. Standard Tigrigna*. Addis Ababa University: MA thesis, 2009. — 70 p.
14. Voigt, Rainer M. Südtigrinische Dialekte: das einfache und zusammengesetzte Präsens im Dialekt von May-Čäw (Tigray) // *Proceedings of the XVth International Conference of Ethiopian Studies*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. P. 893-898.
15. Voigt, Rainer M. Südtigrinische Dialekte: Phonologie und Personalpronomina im Dialekt von May-Čäw (Təgray) // *Egyptian, Semitic and General Grammar: Studies in Memory of H.J. Polotsky*, edited by Gideon Goldenberg and Ariel Shisha-Halevy, Jerusalem 2009. P. 169-183.
16. Yaqob Beyene. Le prepalatali nel dialetto tigrino del Saʿsiʿ (ʿAgamä) // *Annali del Istituto Orientali di Napoli* 32, 1972. P. 359-365.

Об одном примере миссионерской арабицы из Гвинеи: графика и функционирование

Артём Витальевич Давыдов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,

artdavydov@mail.ru, ORCID 0000-0003-3745-7859

Аннотация. В статье описываются графические особенности и функционирование арабографической миссионерской системы письма, используемой в Гвинее «Первопереводчиками Библии» для языка манинка.

Ключевые слова: манде, манден, манинка, арабское письмо, графика

A missionary Arabic-based writing system from Guinea: graphemics and functioning

Artem V. Davydov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,

artdavydov@mail.ru, ORCID 0000-0003-3745-7859

Abstract. The article describes graphemics and functioning of an Arabic-based writing system used for the Maninka language in Guinea by Pioneer Bible Translators.

Keywords: Mande, Manding, Maninka, Arabic script, graphemics

Введение

Типичной для Западной Африки является ситуация, когда один и тот же язык на единой территории пользуется двумя или более системами письма. Чаще всего это будут системы на арабской, латинской и какой-либо оригинальной основе. Например:

бамбара/бамана (Мали): латиница, арабица, письмо масаба†;

пулар-фульфульде (Западная Африка): латиница, арабица, письмо адлам;

манинка/малинке (Гвинея, Мали): латиница, арабица, письмо нко;

ваи (Гвинея): латиница, письмо вай.

Кроме того, одновременно могут использоваться разные варианты письма на одной и той же графической основе. Например, повсеместно во франкофонной Западной Африке уживаются официальные письменности для местных языков, ориентированные на международный фонетический алфавит и точность графемо-фонемных соответствий, и стихийные варианты латиницы, опирающиеся на использование принципов французской орфографии.

Христианские миссионеры склонны учитывать описанный графический плюрализм и выпускать свои издания параллельно на всех функционирующих в стране или регионе системах. Попытки использовать арабское письмо могут как учитывать, так и не учитывать сложившиеся региональные арабографические традиции.

Статья посвящена анализу одного характерного примера последнего рода, а именно миссионерской системе, созданной «Первопереводчиками Библии» (Pioneer Bible Translators) для языка манинка (тж. малинке; < манден < манде).

Как было отмечено выше, для манинка параллельно используются три системы письма: латиница, нко и арабика. Коротко рассмотрим каждую из них.

Латиница. Первые миссионерские публикации в латинской графике на языках манден относятся к концу XIX – началу XX вв. Практически все дошедшие до нас колониальные источники по языкам манден либо посвящены языку бамбара, либо созданы на нём [Galtier 1980, р. 256]; прочим языкам, включая манинка, уделялось мало внимания. Все современные орфографии языков манден на латинской основе, используемые в различных африканских государствах, восходят, так или иначе, к результатам международного семинара «Собрание группы экспертов для унификации алфавитов национальных языков», проходившего под эгидой ЮНЕСКО в 1966 году в Бамако (Мали). Впоследствии реформы орфографий имели место в каждой стране. Почти все латинографические системы игнорируют тональность языков манден.

Программы алфabetизации на латинице в Гвинее стартовали на трёх крупнейших языках (пулар, сусу и манинка) после 1966 г. Был разработан единый гвинейский алфавит для всех национальных языков страны. Нормы письменного языка манинка в латинской графике не слишком устоялись. Например, так и не было выбрано инварианта для диалектного чередования d/ɟ в интервокальной позиции,

низкий тон sporadически обозначается удвоением гласной, хотя это не закреплено в орфографической норме, и т.д. Во времена Второй Республики (1984–2008) имела место реформа, в результате которой орфографические нормы приблизились к малийским нормам для бамбара. Тем не менее старая гвинейская орфография продолжает sporadически использоваться до сих пор (например, кинематографистами – для записи названий фильмов на манинка).

Нко. Оригинальное письмо нко было создано в 1949 г. гвинейским просветителем Сулейманом Канте. Литературная традиция в графике нко сложилась на языке манинка, но претендует на общемандингскую роль. Созданию нко предшествовали долгие эксперименты с арабицей. Форма букв частично копирует арабские прототипы. Письмо буквенное, гласные записываются наряду с согласными. Верхние диакритические знаки (восемь общим числом) обозначают тоны (четыре в интерпретации Канте) и две степени долготы. Нижней диакритической точкой обозначается назализация. Подробно о графике нко и связанной с ней традицией фонологического описания см. [Давыдов 2009].

Арабица применительно к языкам манден – явление, относящееся преимущественно к рукописной традиции, но не к книгопечатанию. При этом языки манден в большей степени представлены в глоссах к арабским текстам, а не в качестве основного языка рукописей. Известно много локальных разновидностей арабицы, границы которых не всегда совпадают с языковыми или этническими, а также много индивидуальных систем, прекративших своё существование со смертью своих изобретателей. Наиболее развитая арабографическая традиция у манден существует на языке мандинка в Сенегале, Гамбии и Гвинее-Бисау. Достаточно подробно мандингская арабица описана в работах [Schaffer 1975; Vydrine 1998]; об арабографических традициях Западной Африки в целом см. [Добронравин 2000].

Анализ графики

Настоящее описание опирается на анализ текста из перевода на язык манинка библейской Книги пророка Ионы, опубликованного в 2011 году «Первопереводчиками Библии» в городе Канкане, Гвинея [YNS]. На Рис. 1 приведено факсимиле первой страницы изда-

ния. От представления в текстовом формате пришлось отказаться из-за недоступности шрифта, использующего символы, которые отсутствуют в Юникоде.

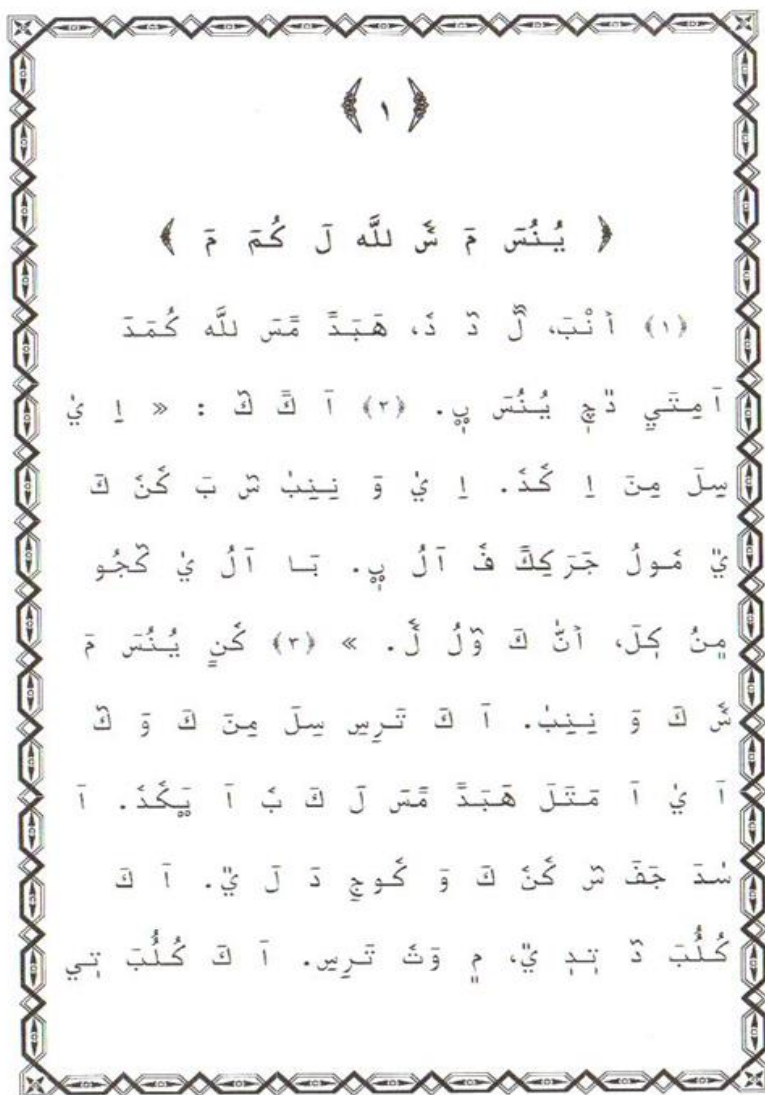

Рисунок 1. Факсимиле первой страницы [YNS].

Текст можно транслитерировать следующим образом:

yunusa ma sɔn ala la kuma ma
(1) anba, lon do dɔ, habadan mansa ala kumada
amitayi dence yunusa jɛ. (2) a kan ko: ”i ye
sila mina i kɔdɔ. i ye wa niniwa so ba kɔnɔ ka
yan mɔɔlu jarakikan fɔ alu jɛ. baa alu ye kojuu
minnu kɛla anne ka olu lɔn”. (3) kɔnin yunusa ma
sɔn ka wa niniwa. a ka tarisi sila mina ka wa ko
a ye a matala habadan mansa la ka bɔ a jɔkɔdɔ. a
seda jafa so kɔnɔ ka wa kɔɔji da la yan. a ka
kulunba do tɛdɛ yan, mɛn watɔ tarisi. a ka kulunba tii

‘(1) И было слово Господне к Ионе, сыну Амафиину: (2) встань, иди в Ниневию, город великий, и проповедуй в нем, ибо злодеяния его дошли до Меня. (3) И встал Иона, чтобы бежать в Фарсис от лица Господня, и пришел в Иоппию, и нашел корабль, отправлявшийся в Фарсис, отдал плату за провоз...’ (Книга пророка Ионы 1:1–3).

Уже из описываемого отрывка без особого труда высчитываются основные графемо-фонемные соответствия. Опустим весь алгоритм «дешифровки» из-за его банальности. Буквы, обозначающие относительно малочастотные согласные (پ /p/, ف /gb/), и малочастотные огласовки встречаются лишь на последующих страницах; в целях экономии места не будем приводить этот материал полностью.

Обозначения согласных изобразим в виде следующей таблицы, которая включает в себя весь их инвентарь (см. Таб. 1).

Для описываемой системы характерны точные соответствия между фонемами и графемами, не типичные для «народной» арабицы. Подобная точная система могла возникнуть не в последнюю очередь под влиянием латиницы и нко. Принцип её строго фонематический, арабские заимствования записываются в адаптированном виде. Буквы, обозначающие эмфатические (ض, ط, ظ), дентальные фрикативные (ث, ذ), ‘айн ع и гайн غ не используются.

Таблица 1.

	Лабиальные	Дентальные	Палатальные	Велярные	Лабиовелярные	Глоттальные
Глухие смычные	p پ	t ت	c چ	k ک		
Звонкие смычные	b ب	d د	j چ		gb گب	
Глухие фрикативные	f ف	s س				h ه
Сонанты	w و	l ل	y ي			
Дрожащий сонант		r ر				
Носовые сонанты	m م	n ن	ɲ ڻ			

Как видно, буквы پ /p/ и چ /c/ аналогичны таковым в персидской традиции. Буква گب для обозначения двухфокусного /gb/ представляет собой аналог фа с тремя точками; подобная буква впервые отмечается в раннем новоперсидском [Paul 2000]. Неожиданный выбор сделан для обозначения /ɲ/ – буква представляет собой подобие нунна без точки сверху, но с двумя маленькими окружностями (но не сукунами) снизу; символ отсутствует в Юникоде.

Систему обозначения гласных представим в виде следующей таблицы (см. Таб. 2). Удвоением обозначена вокалическая долгота, конечным *n* – назализация.

Таблица 2.

a	ā	an	ān	aa	ā	aan	ān
ε	ē	εn	ēn	εε	ē	εεn	ēn
e	ē	en	ēn	ee	ē	een	ēn

i	◌ِ	in	◌ِ◌	ii	يِ◌	iin	يِ◌◌
ɔ	◌َ◌	ɔn	◌َ◌◌	ɔɔ	وَ◌	ɔɔn	وَ◌◌
o	◌ِ◌	on	◌ِ◌◌	oo	وِ◌	oon	وِ◌◌
u	◌ُ◌	un	◌ُ◌◌	uu	وُ◌	uun	وُ◌◌

Из обозначений кратких гласных только дамма /u/ полностью совпадает по графической форме и фонетическому значению с арабским прототипом. /a/ обозначается горизонтальной верхней чертой, но не фатхой; /i/ – нижней горизонтальной чертой, но не кясрой. Огласовки для обозначения /ɛ/, /e/, /ɔ/, /o/ оригинальны по графической форме. Назализованные гласные обозначаются удвоением (танвином) базовых огласовок; танвин даммы представляет собой две даммы, изображённые друг над другом, но не обращённые друг к другу. Долгие гласные обозначаются присоединением к огласованным буквам букв алиф (/a/), йа (/i/, /ɛ/, /e/) и вав (/ɔ/, /o/, /u/). Долгие назализованные изображаются комбинацией описанных выше принципов.

Из этой стройной системы выбиваются по меньшей мере два написания. Приведём их с транслитерацией и транскрипцией:

Таблица 3.

Форма	Транслитерация	Транскрипция	Перевод
الله	l(?)llah	[ála]	‘бог’
أنا	(?)nne	[án nè]	‘(именно) мы’

Оба написания с трудом поддаются интерпретации. В первом случае (лексема ‘бог’) мы не имеем дело ни с неадаптированным арабским написанием (чего можно было бы ожидать), ни с фонетической записью (чего также можно было бы ожидать, исходя из общих закономерностей системы). Так или иначе, слово повторяется именно в такой форме на протяжении всей книги. Во втором случае

(сочетание местоимения 3 л. мн. ч. *án* с фокализатором *nè* ‘именно’) на первом алифе отмечается огласовка, не встречающаяся в других словах; графически она напоминает огласовку для /ɔ/, но направлена в другую сторону.

Функционирование и выводы

Как видно из всего вышеописанного, система представляет собой пример довольно глубокой адаптации арабицы к нуждам языка с фонологией, сильно отличной от арабской, а именно, языка с богатым вокализмом (отсюда дополнительные огласовки), относительно бедным консонантизмом (отсюда сокращение инвентаря согласных букв) и тонального. Несмотря на тональность, однако, система не содержит тонального маркирования даже под влиянием нко.

Если говорить о распределении функциональных сфер сосуществующих (и, отчасти, конкурирующих) для языка манинка в Гвинее систем письма, то его можно описать так. Использование латиницы в основном ограничено начальной школой и государственными программами по ликвидации неграмотности; она используется в связанных с этими программами изданиях. Нко покрывает практически все сферы, кроме официальной, где неизбежна роль французского языка и письма. При этом как литературный язык (а не только графическая система) нко испытывает сильную конкуренцию со стороны французского и арабского языков. Традиционная арабица используется в глоссах в арабоязычных рукописях и частных записях. Что касается рассмотренной оригинальной миссионерской арабографической системы, то [YNS] – единственный известный автору её образец. Едва ли стоит ожидать всплеска популярности этой системы и множества использующих её новых публикаций. Манинкаязычные гвинейские мусульмане в сфере родного языка склонны ориентироваться скорее на нко и традиционную арабицу, а христиане – на латиницу. По этой причине данная система в значительной мере не имеет адресата.

Источники

YNS – نَبِيُّنْ لَ تَرَكَ [Yunusa. Nabi Yunusa la tariku] = *Jonas en langue malinké*. Edition à tirage limité. Kankan: SIM et Traducteurs Pionniers de la Bible, 2011. — 16 p.

Литература

1. Давыдов А.В. Графика, фонетика и фонология языков манден в трудах лингвистической школы нко // *Африканский сборник 2009* / Отв. ред. В.Ф. Выдрин. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 289-295.
2. Добронравин А.Н. *Арабографическая литературная традиция Западной Африки*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб., 2000. — 360 с.
3. Galtier, G. *Problèmes dialectologiques et phonographématiques des parlers mandingues*. Thèse pour le doctorat de troisième cycle de linguistique. Paris: Université de Paris VII, 1980. — 449 p.
4. Paul, L. *PERSIAN LANGUAGE i. Early New Persian*. 2000. [электронный ресурс] URL: <https://iranicaonline.org/articles/persian-language-1-early-new-persian> (дата обращения 18.07.2023).
5. Shaffer, M. “*Pakao Book*”. *An Introduction to Pakao Expansion and Social Structure by Virtue of Indigenous Manuscript* // *African Languages/Langues Africaines*. Vol. 1, 1975. P. 96-123.
6. Vydrine, Valentin. *Sur l'écriture mandingue et mandé en caractères arabes (mandinka, bambara, soussou, mogofin)* // *Mandenkan*, N. 33. Paris: INALCO, 1998. — 87 p.

К этимологии тохарского A *āmsim* ‘?’

Илья Борисович Иткин

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

ilya.borisovich.itkin@gmail.com, ORCID 0000-0003-2143-6666

Аннотация. В предлагаемой заметке выдвигается гипотеза о том, что ἄπαξ λεγόμενον *āmsim* ‘?’, встретившийся в одном из тохарских A текстов, представляет собой заимствование из арабского *ḥamsīn* ‘горячий сухой и пыльный ветер, дующий из пустыни’. Данное предположение выглядит вполне допустимым с семантической и фонетической точки зрения, но путь проникновения арабского слова в Восточный Туркестан остается неясным.

Ключевые слова: тохарский A язык, арабский язык, заимствования, *Wanderwörter*

Towards the etymology of Tocharian A *āmsim* ‘?’

Ilya B. Itkin

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,

ilya.borisovich.itkin@gmail.com, ORCID 0000-0003-2143-6666

Abstract. In this short paper we put forward the hypothesis that the ἄπαξ λεγόμενον *āmsim* ‘?’, found in a Tocharian A text, is a borrowing from Arabic *ḥamsīn* ‘a hot dry and dusty wind blowing from the desert’. This presumption looks plausible enough both on semantic and phonetic ground, but the path of penetration of the Arabic word into East Turkestan remains unclear.

Keywords: Tocharian A, Arabic, borrowings, *Wanderwörter*

Анне Григорьевне Беловой с восхищением
и самыми добрыми пожеланиями

Тохарская А рукопись PK NS 1-6, хранящаяся во Французской национальной библиотеке в Париже, – один из немногих восточнотохарских документов не на буддийскую тематику. Трудный для интерпретации текст, по-видимому, содержит обсуждение различ-

ных магических практик; лист PK NS 1 по крайней мере частично посвящен толкованию снов.

Текст написан стихами. Предметом нашего рассмотрения служит пада (строка), начинающаяся в конце строки b1, занимающая целиком строку b2 и заканчивающаяся в начале строки b3. Эта пада состоит из 20 слогов и соответствует метрической схеме 5/5/5/5, т.е. содержит обязательные цезуры после 5-го, 10-го и 15-го слога. Ниже мы воспроизводим эту паду с пословным переводом (литературный перевод см. ниже); цезуры обозначены знаком '|':

ṣotre ākṣṇam=ci | ṣpām lyākaṣt āmsiṃ | tarpas ṣtāmāntu |
знак объясню тебе сон видел-ты ? пруды деревья
āsunt sne oko ♦
высохшие без плода

Слово *āmsiṃ* нигде более не встречается, никакого возможного соответствия в тохарском В оно также не имеет.

Между акшарами (слоговыми знаками) *ā* и *msiṃ* над строкой b2 четко виден крест – знак, которым редакторы тохарских рукописей обычно отмечали вносимые ими исправления. Однако, как справедливо указывают публикаторы текста PK NS 1 на сайте [CETOM] Ж.-Ж. Пино и Х. Фелльнер, “here there is no sign added. Furthermore, according to the metrical pattern there should no akṣara be missing”. Впрочем, знак креста при отсутствии каких-либо исправлений встречается в тохарских текстах нередко – возможно, он использовался как аналог помет типа «NB!» или «sic!». Соответственно, мы будем исходить из того, что форма *āmsiṃ* записана без ошибок.

По своему внешнему облику слово *āmsiṃ* едва ли может быть глаголом, скорее оно представляет собой наречие (но этот вариант кажется маловероятным с синтаксической точки зрения) или существительное.

В [Carling 2009, p. 41] выдвинуто предположение о том, что написание *āmsiṃ* (в словаре неточно *āmtsiṃ*) – “alternative form ... with syncope metri causa” слова *yāmutsi* ‘какая-то птица’. Однако даже независимо от того, что слово *yāmutsi*, скорее всего, обозначает не водоплавающую птицу – гуся или фламинго [Adams 2013, т. II, p. 532], а попугая [Peurot, Pinault, Wilkens 2019, p. 78], такая интерпретация представляется совершенно неправдоподобной [Itkin 2011, p. 247].

Сочетание *tarpas ṣtāmāntu āsunt sne oko* букв. ‘пруды [и] деревья, высохшие [и] без плода’ – пример особой распределительной конструкции, в которой вместо цепочки структурно идентичных синтагм $A_1 X_1, \dots, A_n X_n$ сначала перечисляются все элементы класса A , затем – все элементы класса X , ср., например, *wāryo wantyo wipo pāre[y](u) ////* (A 124 b5) ‘водой намоченная, ветром обдута’, букв. ‘водой [и] ветром намоченная [и] обдута’. Таким образом, рассматриваемая пада означает ‘Я объясню тебе знак: ты видел во сне ... высохшие пруды [и] бесплодные деревья’. Из этого следует, что слово *āmsiṃ* не входит в единый смысловой ряд со словами ‘пруды’ и ‘деревья’, а выступает как общее название описываемого явления (≈ засуха) или, возможно, объяснение его причины.

Мы предлагаем рассматривать тохарское A *āmsiṃ* как заимствование из арабского خمسين (*ḥamsīn*) ‘горячий сухой и пыльный ветер, дующий из пустыни’, букв. ‘пятьдесят [дней]’; по крайней мере с середины XIX века это слово известно и в русском языке в виде *хамсин*.

С семантической точки зрения такая гипотеза выглядит достаточно правдоподобной. Фонетические особенности тохарского слова также вполне объяснимы:

ар. $h \rightarrow$ тох. A $\emptyset$: в тохарских языках h встречается только в неосвоенных заимствованиях из санскрита и в некоторых междометиях;

ар. $a \rightarrow$ тох. A $\bar{a}$: точное фонетическое качество гласных, записывавшихся в тохарском брахми как a и $\bar{a}$, неизвестно. В тохарских A заимствованиях из санскрита имеются многочисленные случаи отражения a в виде $\bar{a}$ (встречается, хотя и очень редко, и обратное соотношение). Примером освоенного заимствования, демонстрирующего как опущение h , так и передачу a в виде $\bar{a}$, может служить тох. A *ārānt* ‘архат’ из скр. *arhant*;

ар. $\bar{i} \rightarrow$ тох. A i : в тохарских языках нет фонологического противопоставления $i \sim \bar{i}$;

ар. $n \rightarrow$ тох. A m : в обоих тохарских языках n на конце слова абсолютно регулярно переходит в назализацию предшествующего гласного (эта назализация как раз и обозначается так называемой «анусварой» – знаком в виде надстрочной точки, записываемым в транслитерации как $m̐$).

Безусловно, слабым местом данной гипотезы остается тот факт, что другие примеры арабизмов в тохарских языках неизвестны. Правда, следует отметить, что вопрос о возможных тохарско-арабских языковых связях, насколько мы можем судить, никогда в тохаристике не ставился. Кроме того, семантика слова *ḥamsīn* вполне позволяет отнести его к числу *Wanderwörter*. В таком случае естественным посредником между арабским и тохарским А могли бы выступать иранские языки, с носителями которых контактировали тохары, – в частности, бактрийский, согдийский, хотаносакский. К настоящему моменту нам не удалось найти свидетельств бытования в этих языках арабского *ḥamsīn*, однако нельзя исключать, что такие свидетельства будут обнаружены в дальнейшем.

Литература

1. Adams D.Q. *A dictionary of Tocharian B. Revised and greatly enlarged*. 2nd ed. Amsterdam – New York: Rodopi, 2013. — 964 p.
2. CEToM – *A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts* [электронный ресурс] URL: <https://cetom.univie.ac.at/>.
3. Carling G. (in collaboration with G.-J. Pinault and W. Winter). *A dictionary and thesaurus of Tocharian A. Volume 1: Letters a-j*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2009. — 204 p.
4. Itkin I.B. Compte-rendu de: Carling 2009 // *Tocharian and Indo-European Studies*. 2011. V. 12. P. 243-254.
5. Peyrot M., Pinault G.-J., Wilkens J. Vernaculars of the Silk Road – A Tocharian B–Old Uyghur Bilingual // *Journal Asiatique* 307.1. 2019. P. 65-90.

Комплемент *N*- в семитских и чадских глаголах

Ольга Валерьевна Столбова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
Stolbova.O@yandex.ru, ORCID 0000-0002-7589-2854

Аннотация. Цель статьи – привести доказательства существования комплемента («расширителя») *N*- в семитских и чадских глаголах. Показать, что присоединение комплемента коррелирует с изменением семантики «базовых» глаголов, и определить семантику производных форм.

Ключевые слова: семитские языки, чадские языки, глагол, двухсогласная ячейка, расширитель корня, комплемент *n*-

On verb extension *N*- in Semitic and Chadic verbs

Olga V. Stolbova

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
Stolbova.O@yandex.ru, ORCID 0000-0002-7589-2854

Annotation. The present paper is aimed to prove the existence of a root-extender/Wurzelaugment *n*- in Semitic and Chadic verbs. Some suggestions concerning the additional meaning brought about by the prefixation will be made.

Keywords: Semitic languages, Chadic languages, verb, basic form, root-extender, *N*-stem

Введение

Результаты многолетних исследований структуры семитского глагольного корня формулируются на сегодняшний день следующим образом: «Согласно широко распространенной точке зрения, доминирующий характер трехсогласной структуры семитского глагольного корня не отражает исконной прасемитской картины, но является результатом развития более древней системы, допускавшей существования значительного количества корней с двумя согласными» [Коган 2009, с. 47]. Затем исходная двухсогласная ячейка могла быть

расширена за счет присоединения аффикса или «расширителя корня/комплемента».

Далее мы рассмотрим, как в семитских и чадских¹ глаголах представлен один конкретный комплемент (а именно – *n-*), о котором говорится в работе фон Зодена [Soden 1968].

По мнению фон Зодена, не подлежит сомнению, что у значительного количества глаголов в семитских языках изначально биконсонантная основа расширена за счет комплемента² *n-*. В связи с этим возникает вопрос, какова функция этого «расширителя» и сопровождается ли его присоединение изменениями семантики глагола.

Одной из таких функций префикса *n-* фон Зоден считает «направительную» (“das *N* ist ein richtungbestimmendes Element” [Soden 1968, S. 177]), поскольку префикс представлен в глаголах, передающих различные варианты семантики «толкать» (“Verben, die ‘stossen’ in verschiedenen Abarten bedeuten” [Soden 1968, S. 177]).

В подтверждение своей гипотезы автор приводит следующие примеры:

Akkadian *nkp*, Ugaritic *ngh*, Hebrew, Aramaic *ngh*, *ngp*, Syraic *nqš* ‘to push’.

Ugaritic *ngh* ‘to butt each other; Hebrew *ngh* ‘to gore’, Aramaic *ngh* ‘to butt, gore’.

Akkadian *nakāsum* ‘abschlachten’, Aramaic *nks* ‘to slaughter, to kill’.

Arabic *nqp* ‘to break, split’, Geez *nqf* ‘to peel bark, separate’, Ethiopian ‘to break off, tear off’.

Hebrew, Aramaic *ntš* ‘tear off, in pieces’ [Soden 1968, S. 177-178].

Гипотеза фон Зодена подверглась критике со стороны Н. Коувенберга [Kouwenberg 2004], по мнению которого, «направительная» семантика префикса недостаточно аргументирована. Коувенберг полагает, что доказательством может служить только существование трехсогласных корней *n-R₁R₂* с «направительной» се-

¹ Чадские (чад.), семитские (сем.), египетский, берберские (берб.), кушитские (куш.) и омотские (омот.) языки образуют афразийскую макросемью.

² В источниках на немецком языке используется термин “Wurzelaugment”, на английском языке – “root extender” или “root-building element”.

мантикой и корней R_1R_2 – с нейтральной, не направительной (“not directional”). Например, «если кроме корня $ND^?$ ‘to put down, положить’ в аккадском языке был бы корень $D^?$ ‘to lie (on the ground), лежать (на земле)’». Но похоже, что это не так»³. Аргументация Коувенберга логична, но, к сожалению, такие жесткие правила («если А, то Б») редко полностью реализуются на материале одного и того же языка. Кроме того, неясно, какой «нейтральный» глагол может соответствовать таким явно «направительным» глаголам, как «толкать» или «протыкать».

Более точную трактовку семантики релевантных глаголов в семитских языках можно найти в работе А.Г. Беловой: «Глагольные корни $n-R_1R_2$ обозначают движение или действие, направленное или распространяющееся от его источника или исходной точки». И далее: «Идентичные значения корня без n - и с комплементом n - не исключают возможной модификации значения по направлению и распространению» [Белова 2004, с. 97-98].

Этот тезис подтверждается следующими примерами:

Afrasian $*pəč-$ ‘плевать’ ~ Arabic nft ‘плюнуть, выплюнуть; jeter dehors la salive’.

Afrasian $*tVh$ ‘рвать, рубить, бить’ ~ Hebrew (D-stem) nth ‘разбить на части’, Aramaic (D-Stem) nth ‘вырывать, отрывать’.

Arabic qll , Syraic qal ‘поднимать, нести’ ~ Arabic nql ‘нести, переносить’.

Сем. $*pl$: Ugaritic $špl$, Hebrew $šapel$, Arabic sfl , etc. ‘быть внизу’ ~ Ugaritic, Aramaic npl , Hebrew $nāpal$ ‘опускаться, падать’ [Белова 2004, с. 98].

Далее на многочисленных примерах мы покажем, что не только в семитских, но и в чадских языках биконсонантная основа может быть расширена за счет комплемента n -. Кроме того, семантический сдвиг, коррелирующий с присоединением комплемента, также подтверждает гипотезу А.Г. Беловой [Белова 2004, с. 97-98].

³ “This argument would only be valid if we also had forms of the same root with n - that are not directional, for instance if beside the root $ND^?$ ‘to put down’ there was a root $D^?$ ‘to lie (on the ground)’, or the like. This does not seem to be the case” [Kouwenberg 2004, p. 344].

Существенно, что поскольку в современных чадских языках существует запрет на сочетания согласных в начальной позиции, присоединение префикса привело к изменениям на фонологическом уровне, а именно – к возникновению преназализованных (двухфокусных) согласных (ⁿg, ⁿd, ⁿz, ⁿt, ⁿs, ⁿc и т.д.). Эта трансформация подробно описана в [Newman, Ma 1996]. Авторы полагают, что сочетания сонорный + согласный в начальной позиции могут быть реконструированы для прото-чадского уровня. Далее некоторые чадские языки полностью утратили сонорный. В остальных языках назальные «слились» (“fused”) со следующим согласным, образовав преназализованные фонемы⁴.

Важно отметить, что утратили сонорный только зап.-чадский язык хауса, центр.-чадские (группы котоко и музгу) и вост.-чадские (группа дангла-муби). Но и в этих языках есть немногочисленные исключения. Во всех остальных языках сохранились звонкие преназализованные, а в небольшом числе центр.-чадских (группы марги и хиги) – также и глухие преназализованные: ⁿt, ⁿs, ⁿc. Кроме того, в языке бувал *n* перед глухим согласным стал силлабообразующим (на что указывает наличие тона) и сохранился (например, *ɪtāt* ‘to cut by pulling apart’ и под. Заметим, что силлабические назальные (*m*, *n*) характерны для префиксов имен в чадских языках.

Лексический материал, подтверждающий изложенные гипотезы

Собранный нами материал представлен в виде двух столбцов. В левом приводятся «базовые» глаголы вида R_1R_2 . В правом – соответствующие им «расширенные» за счет комплемента, т.е. – $n-R_1R_2$. В таблице названия языков даны в латинице с заглавной буквы. Значение дается по источнику. Список источников по чадским языкам см. в [Столбова 2020, с. 230-239]. Необходимый комментарий фоно-

⁴ Proto-Chadic had “sequences of initial nasal plus consonant. We postulate that this nasal was an independent phoneme, and not just a component of a phonetically complex unit. Some Chadic languages have since lost these initial nasals entirely. In others the nasals have fused with the following consonant to form prenasalized phonemes” [Newman, Ma 1996, p. 225].

логического характера дается в сносках. Чадская лексика приводится в следующем порядке: западная ветвь, центральная, восточная.

1. Центр.-чад. Gizey, Masa, Ham <i>gè</i> ‘envoyer, send’; вост. Kera <i>gè</i>, Ngam <i>gáy</i>, Mobu <i>gəye</i> ‘envoyer qqn’, Kaba, Nancere – <i>g^wi</i>, Tobanga <i>gīye</i>, Lele <i>gùý</i> ‘envoyer’.	Зап.-чад. Kulere <i>ᵑg^wè</i> Bokos <i>ᵑga</i> ‘to drive’. Сем. Arabic <i>ngh</i> ‘chasser qqn en l'accablant d'injures; to chase someone showering insults’ [BK 1980, v. 2, p. 1209].
2. Зап.-чад. Karekare <i>daf</i> ‘übersiedeln, relocate’.	Сем. Hebrew <i>nādap</i> ‘to drive away’, Ugaritic <i>ndp</i> ‘to expel’ [LsG 1987, p. 386], Ugaritic <i>ndp</i> ‘to throw’ [DUL 2015, p. 612].
3. Зап.-чад. Hausa <i>túurà</i> ‘to push, knock against’, Kirfi <i>tuur-</i>, Gera <i>túurà-</i>, Miya <i>tuwrə</i> ‘to push’; вост. Dangla <i>tùrè</i> ‘pousser avec force’. Сем. Akkadian <i>tarû</i> ‘to lead away, take along (animals)’ [CAD 2006, p. 245]. Омот. группа мао <i>*tur/l-</i> ‘to push’ Mao Hozo <i>tuli</i>, Sezo <i>tule</i>, Mao <i>tuure</i> [Bnd 2003, p. 356].	Сем. Ugaritic <i>ntr</i> ‘to banish’ [DUL 2015, p. 643].
4. Зап.-чад. Dott <i>bəl</i> ‘to drive away’; центр.-чад. Bana <i>vəli</i> ‘envoyer, to send’ (< <i>*w/ybl</i>). Сем. Ugaritic <i>ybl</i> ‘to carry, bring, take’, Hebrew <i>ybl</i> ‘to bring’ [DUL 2015, p. 935, Белова 2004, с. 98].	Центр.-чад. Kilba <i>^mbəllà</i> ‘to push’⁵, Podoko <i>^mbála</i> ‘to depart, send, throw’, Mafa <i>^mbál</i> ‘éloigner, chasser, to drive away’. Сем. Sabaic <i>nbl</i> ‘to dispatch, send someone on a mission’ [SD 1982, p. 90, Белова 2004, с. 98].

⁵ Носовой согласный в составе преназализованного ассимилируется губно-му согласному: *n+bVC-* > *mbVC-* > *^mbVC*.

5. Зап.-чад. Tangale <i>daage</i> ‘to push, knock down, overturn’; центр. Mofu <i>-dæg-</i> ‘pousser, appuyer, bousculer, forcer, push, press’.	Центр.-чад. Gude <i>ⁿdəg^wa</i> ‘butt with head, gore with horns’.
6. Зап.-чад. Miya <i>asə-səyo</i>; центр. Dzeraw <i>sé</i> ‘serrer, to squeeze’; вост. Ndam <i>sow</i> ‘to squeeze out pus’, Migama <i>sí-sáw</i> ‘damer, to ram’. Сем. Akkadian <i>se²û</i> ‘to press down’ [CAD 2004, p. 229].	Вост.-куш. Somali <i>ansa⁶ay</i> ‘to push’ [LIS 1987, p. 15].
7. Центр.-чад. Bana <i>cək^wa</i> ‘to pack full by pounding; butt heads together’, Ouldem <i>càk^wày</i> ‘pousser, to push’, Muyang <i>cuk</i> ‘packed together’.	Центр.-чад. Bura <i>ⁿcika</i> ‘to push (down, in)’, Buwal <i>ḡcòk^w</i> ‘to push’.
8. Зап.-чад. Hausa <i>dáfà</i> ‘to press upon the ground with one hand’; центр. Mafa <i>dúdíf-</i> ‘appuyer fortement sur un objet dur, to press’.	Зап.-чад. Karfa <i>ⁿdúf</i> ‘to push’. Cf. Karekare <i>ⁿdàfu</i> ‘to destroy, collapse’.
9. Зап.-чад. Bolewa <i>gòppu</i> ‘to strike with a whip’, Zaar <i>gúf</i> (ideofon) ‘hitting with a thud’. Когнатом чадского глагола может быть: Сем. Arabic <i>gyf</i> ‘frapper, to strike’ [BK 1980, v. I, p. 362].	Центр.-чад. Muyang <i>^ggāf</i> (идеофон) ‘butting (with horns)’. Сем. Hebrew <i>ngp</i> ‘stossen, schlagen, to push, beat’ [KB 1958, p. 594], Aramaic <i>ngp</i> ‘to push’ [Soden 1968, S. 177].

⁶ Случаи сохранения сочетания сонорный+шумный согласный с помощью протетического гласного отмечены в языке хауса и некоторых вост.-чадских.

10. Зап.-чад. a. Ngas <i>paal</i> ‘to lie down’, b. Ngas, Mushere <i>pál, pal</i>, Chip, Mwaghavul, Mupun <i>pal</i>, ‘to fall’ (возможно, < *<i>npl</i>, ср. сем.). Вост.-куш. Sidamo <i>ofoll-</i> ‘to sit down’ [KS 2007, p. 121].	Сем. Hebrew <i>npl</i> ‘to fall, lay down’ [KB 1958, p. 264f], Ugaritic, Aramaic <i>npl</i> ‘to fall’ [DUL 2015, p. 626] Akkadian <i>napālu</i> ‘to fall’ < WSem [CAD 1980, p. 277].
11. Зап.-чад. Duwai <i>fəgo</i>, Bade (dialects) <i>fāgu, əvgu</i> ‘to fall’; центр. Sharwa <i>fūg</i>, Jimjimen <i>fuīč</i>, Tsuvan <i>fužɛ</i> ‘to fall’.	Зап.-чад. Warji <i>vay-</i>, Kariya <i>voo</i> ‘to throw’ центр. Gude <i>vugə-də</i> ‘to throw far away’ (< <i>v-</i> < <i>nv-</i> < <i>nf-</i>). Сем. Mehri, Jibbali <i>nfǧ</i> ‘to throw’ [JnM 1987, p. 283, JnJ 1982, p. 182].
12. В данном случае нам пока не удалось обнаружить соответствующий глагол C₂C₃ (с семантикой «класть» или «падать»). Отметим, что В. Леслау постулирует родство семитских глаголов «бросать» и «толкать» (см. №9) [LsG: 391].	Зап.-чад. Kirfi <i>ⁿgaaf-</i>; центр. Buwal <i>ⁿg^wōf</i> ‘to throw’. Сем. Jibbali <i>ngef</i> ‘to throw away, reject’ [JnJ 1982, p. 183], Arabic <i>nagaf</i> ‘to winnow’, Soqotri <i>negof</i> ‘to disperse’ Geez <i>ngf</i> ‘to shake off, brush away, throw down’ [LsG 1987, p. 391].
13. Вост. чад. Bidiya <i>gàl</i>, Migama <i>gáláw</i> ‘to fall down’, Mabire <i>gale</i> ‘to fall’.	Зап.-чад. Galambu <i>ⁿg^wál-àalá</i> ‘to throw’, Gera <i>ⁿg^wál-mí</i> ‘to throw, to shoot’.
14. Центр.-чад. Daba <i>sər</i>, Bana <i>sərə</i> ‘déshabiller, to undress, take off clothes’; вост. Migama <i>sòorò</i> ‘déshabiller’, Bidiya <i>soor</i> ‘déshabiller, écorcher, to undress, to peel’, Dangla <i>sòrè</i> ‘dévêtir, to undress’.	Сем. Arabic <i>nsr</i> ‘ôter, écorcher; déchirer et ouvrir, to remove, strip off, tear up and open’ [BK 1980, v. 2, p. 1248].
15. Центр.-чад. Margi <i>zàdú</i> ‘to take off’.	Центр.-чад. Podoko <i>ⁿžád</i> ‘arracher qqch qui être collé ou attaché; to remove smth fixed or stuck’, Cuvok <i>mé-ⁿžǣy</i> ‘arracher to tear off’, Ouldem <i>ⁿzàd</i> ‘arracher, déraciner, to uproot’.

16. Центр.-чад. Moloko <i>tah</i> ‘to reach out’, Gude <i>taahə</i> ‘to stand with legs far apart’. Южно-куш. Alagwa, Burunge <i>taatah</i> ‘to stretch out, extend’ [Kies 2003, p. 263].	Сем. Arabic <i>nth</i> ‘tirer, extraire, arracher, to pull out, extract, tear off’ [BK 1980, v. 2, p. 1192]. Центр.-чад. Fali Kiriya <i>ⁿtəhə</i> ‘to pull’.
17. Центр.-чад. Makari <i>sku</i> ‘to stretch’.	Центр.-чад. Higi Pskye <i>ⁿsikə</i> ‘to pull’.
18. Зап.-чад. Mangas <i>zik</i> ‘to pull’; центр. Daba <i>zək</i> ‘tendre la main, to stretch a hand’.	Зап.-чад. Karekare <i>ⁿzaku</i> ‘to pull, draw out, extract’, Ngamo <i>ⁿzəkô</i> ‘to draw out, extract’.
19. Зап.-чад. ngas group <i>*tál</i> ‘to pluck (fruit), harvest’, Karekare <i>tálu</i> ‘to pluck’, Kulere <i>tal</i> ‘ziehen, to pull’; центр. Ouldem <i>-tālāy</i> ‘sarcler, to weed’, Buduma <i>tāllu-</i> ‘traîner, to drag’. Сем. Akkadian <i>talālu</i> ‘to draw a bow’ [CAD 2006, p. 91].	Сем. Arabic <i>ntl</i> ‘tirer à soi, to pull to oneself’ [BK 1980, v. 2. p. 1194].
20. Омот. Kac’ama <i>buk’-</i> ‘to harvest the grain’, Wolaita <i>buucc’-</i> ‘to pluck, harvest’ [LmW 1997, p. 314].	Зап.-чад. Bocos <i>^mbuk faláh</i>, Karfa <i>^mbúk</i> ‘to weed’; центр. Azumeina <i>^mbokà</i> ‘to extract’.
21. Зап.-чад. Hausa <i>tsìigaa</i> ‘to pluck, pull out or off’; Tala <i>sugi</i> ‘to pull’; вост. Tobanga <i>soge</i> ‘to pull’ (< чад. <i>*cVg/h-</i>).	Сем. Hebrew <i>ns^ʿ</i> ‘to pull out’ [KB 1958, p. 620], Jibbali <i>nsġ</i> ‘to pull out (hair)’ [JnJ 1982, p. 192].
22. Зап.-чад. Bolewa <i>tàawu</i> ‘to cut across’, Miya <i>tíy</i> ‘to cut, chop’; центр. Hdi <i>taay</i> ‘to split’, Daba <i>tàw</i>, Gidar <i>taw</i> ‘to cut’; вост. Lele <i>tèy</i> ‘to cut, chop’.	Центр.-чад. Margi <i>ⁿtwá</i> ‘to split in-two’, Bura <i>ⁿta</i> ‘to cut, incise, split in-two, crack’. Сем. Akkadian <i>nētu</i> ‘to chop’ [CAD 1980, p. 198], Geez <i>nat^ʿa</i> ‘to be split open, divided in two’ [LsG 1987, p. 407].

23. Зап.-чад. Ngamo <i>ga'à</i> 'to slaughter', Bolewa <i>gaa</i> 'to cut grass with sickle' [GAB], Maka <i>gày-</i> 'to cut with knife'; центр. Lamang <i>y^wa</i> 'to cut grass'; вост. Lele <i>gày</i> 'se fendre, to split (intransitive)'.	Сем. Arabic <i>nḥ^ς</i> (a) 'égorger un animal, to slaughter an animal' [BK 1980, v. 2, p. 1222].
24. Зап.-чад. Mwaghavul <i>saa</i> 'to cut (off), fall (trees)', Mupun <i>sāa</i> 'to chop'; центр. Logone <i>ša-</i> 'to chop into pieces', Kuseri <i>šəyà</i>, Afade <i>ts'à</i> 'to split'.	Центр.-чад. Makari <i>ⁿša</i> 'to chop into pieces'.
25. Зап.-чад. Bolewa <i>gamu</i> 'to prune (tree)'; центр. Ouldem - <i>gūm</i>, Mafa <i>gūm-</i> 'tailler, façonner du bois, to cut'.	Центр.-чад. Mofu <i>^ɲgəm-</i> 'couper en deux (bois, tige de mil), partager en coupant, to cut-in-two, divide by cutting', Gisiga <i>^ɲgom</i> 'to cut (crops)'.
26. Центр.-чад. Gisiga <i>ḱəge⁷</i> 'to pierce'.	Сем. Arabic <i>nšġ</i> 'percer avec une lance, to pierce with a spear' [BK 1980, v. 2, p. 1263].
27. Зап.-чад. Monguna <i>tûl</i> 'to prick, stab', Pero <i>túò</i>, Tala <i>tulu</i>, Zaar, Mangas, Syanci <i>tul</i> 'to pierce', Zul <i>tuli</i> 'bore a hole'; центр. Gude <i>tələ</i> 'to make hole in smth', Buduma <i>tel</i> 'stecken, to stick in'. Куш. Bedauye <i>tela</i> 'durchboren, stechen, to pierce' [RnB 1895, p. 226].	Центр.-чад. Bura <i>ⁿtul</i> 'to bore holes', Chibak <i>ⁿtili</i> 'to pierce'.

⁷ С помощью знака *ḱ* в литературе по чадским языкам обозначается звонкая латеральная фрикативная фонема, с помощью знака *t* – глухая. Чадским неэмфатическим латеральным соответствует *ṣ* в арабском языке.

28. Зап.-чад. Ngamo <i>gab-kò</i> ‘to poke in ribs, to tickle’; центр. Daba <i>gbik</i> ‘enfoncez (l'ongle), to plunge (claw)’; вост. Lele <i>gib</i> ‘percer, to pierce’.	Центр.-чад. а. Daba <i>ⁿgàb</i> ‘percer, to pierce’, b. Faliu Kiriya <i>ⁿgùbá</i> ‘to plant’, Gude <i>ⁿguḅá</i> ‘to plant by pushing seedling into the ground’, Daba <i>ⁿgàḅ</i> ‘transplanter, to transplant’.
29. Центр.-чад. Mafa <i>déḷ</i> ‘enfoncez un clou, clouer’, Mbuko <i>daḷay</i> ‘clouer, to nail’.	Центр.-чад. Mbuko <i>ⁿdaḷ</i> ‘percer, to pierce’, <i>ⁿdaḷay</i> ‘clouer, to nail’.
30. Вост.-куш. Somali <i>dalooli</i> ‘to pierce’ [LIS 1987, p. 105], Burji <i>dul-</i> ‘to bore through, pierce’ [SsB 1982, p. 58].	Сем. Geez <i>ndl</i> ‘to pierce, bore, perforate’, Tigre <i>nädla</i> ‘to pierce’ [LsG 1987, p. 386]. Там же: Вост.-куш. Saho <i>nadol</i> ‘to make a hole’ (< сем.)
31. Зап.-чад. Mupun <i>ḃwét</i> ‘to pour’; центр. Gizey, Masa, Ham, Musey <i>ḃát</i> ‘couler (fleuve), to flow (river)’, Dari <i>ḃāt</i>, Dzepaw <i>ḃát</i> ‘couler’⁸.	Сем. Arabic <i>nbṭ</i> ‘soudre (se dit de l'eau qui sort de la source), to spurt (water flowing from the source)’ [BK v 2, p. 1185].
32. Вост.-чад. Dangla <i>bùgō</i> ‘arroser, verser de l'eau’.	Сем. Aramaic (Judaic) <i>nbg</i>, Arabic <i>nbg</i> «вытекать, бить струей (о гное из нарыва, бить ключом (о воде))» [Белова 2004, с. 101].
33. Зап.-чад. Tangale <i>puze</i>, Ngizim <i>bàziyú</i> ‘to expectorate, spray water from mouth’.	Центр.-чад. Hdi <i>^mbəzay</i> ‘to drip (liquid)’⁹.

⁸ Метатеза эмфазы в чадских языках: **bVt-* > *ḃVt-*.

⁹ Поскольку ни в чадских, ни в семитских языках глагольный префикс *m-* не зафиксирован, можно предположить ассимиляцию префикса *n-*, т. е. *^mbəzay* < *ⁿbəzay* < *n-bVz-* (см. сноску 6).

34. Зап.-чад. Kupto <i>tùfěy</i>, Fyer <i>tùf</i>; центр. Bura <i>tifu</i>, Bana <i>tfə</i>; Gude <i>tifi</i>, Daba <i>tīf</i>, Mofu <i>-təf-</i>, Masa <i>túf</i>; вост. Kera <i>túfi</i>, Dangla <i>tùpá</i>, etc. ‘to spit’. Егип. <i>tf</i> ‘ausspeien, to spit out’ [EG 1971, v. 5, p. 297]. Сем. <i>*tpp/*tp</i> ‘to spit’ [LsG 1987, p. 571]. Куш. Bedauye <i>tuff</i>, <i>tūf</i>; вост. <i>*tuf-</i> ‘to spit’ [Sasse 1978, p. 10], агав. <i>*təf-</i> ‘to spit’ [ApAg 2006, p. 128].	Центр.-чад. Kilba <i>ⁿtəfà</i>, Margi <i>ⁿtəfù</i>, Fali Kiriya <i>ⁿtəfə</i>, Lamang <i>untfa</i>, Buwal <i>ntèf</i>, <i>àntèf</i> ‘to spit’. Егип. <i>ntf</i> ‘den Garten, Acker begiessen, to water a garden, field’ [EG 1971, v. 5, p. 356]. Сем. Argoba <i>əntəf ala</i> ‘to spit out’ [LsG 1987, p. 571]. См. также <i>*təf-</i> ‘to spit’ [AA 1995, p. 10, №152].
35. Зап.-чад. Hausa <i>àrereyà</i> ‘loud laughter, ecstatic cries’, Kupto <i>yíriri</i> ‘yelling’. Сем. Akkadian <i>arūrūtu</i> ‘shouting (to express complaint)’ [CAD 1968, p. 324], Arabic <i>ʾrr</i> ‘crier (avec insolence et effronterie); to cry’ [BK 1980, v. 1, p. 22].	Сем. Akkadian <i>naʾārum</i> ‘to roar’ [Soden 1968, S. 176, CAD 1980, p. 7].
36. Центр.-чад. Gizey, Masa, Musey, Ham, Lew, Marba <i>bák</i> ‘dire, parler, to say, talk’; вост. Sokoro <i>bókio</i> ‘sprechen, reden, to speak, talk’.	Зап.-чад. Jimi <i>^mbwokai</i> ‘to call’. См. сноску 8. Сем. Akkadian <i>nbq</i> ‘schreien, to cry’ [Soden 1968, S. 176].
37. Зап.-чад. Ngamo <i>gillā</i> ‘to yell, shout’, Paa <i>gəla</i> ‘to tell’, Guruntum <i>gyuli</i> ‘to call’.	Центр.-чад. Ouldem <i>-^ggùlā</i> ‘crier; gronder, to cry, scold’, Logone <i>^ggul</i> ‘begrüssen, to greet’.
38. Зап.-чад. Hausa <i>gáyà</i> ‘to tell; центр. Zulgo <i>g^wa</i> ‘dire, penser, to say, Makari <i>ga</i> ‘to tell, speak’; вост. Mobu <i>gágé</i> ‘discuter, to discuss’. Егип. <i>ḡwy</i> (< <i>*gwy</i>) ‘rufen, to call’ [EG 1971, v. 5, p. 550]. Омот. Dime <i>gee-mu</i>, Ari <i>gai-</i>, Galila <i>gay</i> ‘to say’ [Bnd 2003, p. 57].	Центр.-чад. Glavda <i>ⁿgg^w</i> ‘to answer’, Ouldem <i>^ggày</i> ‘dire; penser, to say, think’. Егип. <i>nḡ</i> ‘fragen, to ask’, <i>nḡnd</i> ‘fragen’ [EG 1971, v. 2, p. 370, 382].

39. Зап.-чад. Hausa <i>gáazà</i> ‘yelling, shouting’; центр. Bana <i>g(ə)zə</i> ‘to speak, declare’.	Центр.-чад. Mada <i>^hgáz</i> ‘(speak) loudly, crying’, Mofu <i>-^hg^wá^hguz-</i> (частичная редупл.) ‘grogner, se plaindre, gémir, to cowl, complaint’.
40. Центр.-чад. Gizey, Masa, Musey, Ham, Lew, Marba <i>dè</i> ‘dire, parler, to say, talk’; вост. Mokilko <i>dè</i> (или <i>-édè?</i>) ‘dire’. Куш. Bedauye <i>di</i> ‘sagen, nennen, to say, call’ (defect. v.) [RBd 1895, p. 55].	Зап.-чад. Mburku <i>ⁿd-</i>, Diri <i>ⁿda</i>, Miya <i>aⁿd-</i> ‘to say, speak’; центр. Dghwede <i>ⁿdiy^a</i> ‘to say’, Ouldem <i>ⁿdāwāy</i>, Malgwaⁿ<i>da</i>, Glavda <i>ⁿday</i> ‘to ask’. Сем. Arabic <i>ndw</i> ‘appeler qqn, to call’ [BK 1980, v. 2, p. 1229].

Комментарий к таблице

Примеры 1-5. Присоединение префикса может коррелировать с усилением «направительной» составляющей семантики глагола: ‘посылать, переселять, вести’ > ‘гнать, толкать’ или с изменением направления движения: ‘приносить’ > ‘посылать’ (пример 4). В двух случаях семантика у глаголов в R_2R_3 и nR_2R_3 практически идентична (а именно, ‘гнать, толкать’).

В примерах 6-9 префикс коррелирует с семантическим сдвигом от ‘давить, бить’ к ‘бодать, толкать’.

Примеры 10-13. Можно предположить семантический сдвиг от ‘падать, класть’ к ‘бросать, выбрасывать’. В примере 10 допустима вторичная утрата назального: **npl* > *pl* ‘падать’, поскольку в языках этой группы глухие преназализованные и сочетания сонорный+шумный невозможны в глагольном анлауте. В примере 11 нерегулярный рефлекс губного согласно (*v-*, а не *f-*) появился в результате ассимиляции и редукции префикса: **nfVɣ-* > *nvVɣ-* > *nVɣ-*.

Примеры 14-15. Семантический сдвиг: ‘снимать (одежду)’ > ‘срывать, сдирать, отрывать’.

Примеры 16-21. В первых трех случаях наблюдается семантический сдвиг от ‘растягивать, тянуться’ к ‘тянуть, вытаскивать отрывать’. Далее семантика практически идентична: ‘тянуть, полоть, срывать’ > ‘полоть, тянуть, вырывать’.

Примеры 22-25. Семантический сдвиг от более нейтрального ‘резать’ к ‘разрезать, расколоть надвое, на куски’ (в чадских и в семитских языках).

Примеры 26-30. Семантический сдвиг практически отсутствует, тем не менее можно предполагать первоначальную семантику ‘колоть, тыкать’ (и ‘протыкать’) > ‘протыкать’.

Примеры 31-34. Семантический сдвиг от ‘течь’ к ‘бить струей’, в египетском ‘плевать’ > ‘поливать’.

Некоторые выводы

Собранный материал подтверждает гипотезу А.Г. Беловой о семантике глаголов с префиксом *n-* в семитских и чадских языках: действие или движение, направленное от исходной точки. Существенно, что в большинстве случаев «базовый» глагол уже имел в своей семантике «направительную» составляющую, которая была усилена в производном глаголе, см. несколько характерных примеров:

сем. Akkadian *tarû* ‘to lead away, take along (animals)’ и Ugaritic *ntr* ‘to banish’;

центр.-чад. Margi *zèdû* ‘to take off’ и Podoko *ʔzàd*, Ouldem *ʔzàd* ‘to tear off, uproot’.

Среди собранного материала нашлось и несколько примеров, частично удовлетворяющих приведенному выше требованию Коувенберга – наличие форм без префикса и с префиксом в одном языке, а именно:

центр.-чад. Daba *gbik* ‘enfoncer (l'ongle), to plunge (claw)’ и Daba *ʔgàb* ‘percer, to pierce’;

центр.-чад. Mbuko *daḡay* ‘clouer, to nail’ и Mbuko *ʔdaḡ* ‘percer, to pierce’.

См. также следующие формы в близкородственных языках:

центр.-чад. Mafa *gúm-* ‘tailler, façonner du bois, to cut’ и Mofu - *ʔgəm-* ‘couper en deux (bois, tige de mil), partager en coupant, to cut in two, divide by cutting’.

Второму требованию Коувенберга – нейтральная, не направительная (“not directional”) семантика исходного глагола – (отчасти) удовлетворяют только глаголы ‘ложиться, садиться’ (пример 10), все

остальные «базовые» глаголы в той или иной мере включают в свою семантику «направительную» составляющую.

Основная семантика префикса – действие или движение, направленное от исходной точки – коррелирует с большим количеством глаголов «говорения» (примеры 35-40). Очевидно, что в этой группе в принципе не может быть никакого семантического сдвига между R_2R_3 и nR_2R_3 .

Заметим, что у арабского глагола *ndw* из примера 40 есть альтернативная этимология: **ʔnd* ‘to ask, cry’: вост.-чад. Bidiya *ʔinād, ʔindū*, Dangla *indē* ‘to ask’, вост.-куш. Somali *naadi* ‘to announce, cry’ [LIS 1987, p. 405]. Иными словами, *ndw* можно рассматривать как «базовый» глагол без префикса.

В заключение заметим, что среди кушитских и омотских когнатов лишь один глагол можно рассматривать как производный с префиксом *n-*, а именно – вост.-куш. Somali *ansaʕay* ‘to push’ (пример 6). Соответственно, на данный момент мы не можем полагать, что префикс *n-* восходит к праафразийскому уровню¹⁰. Для окончательного вывода необходимо более тщательное исследование на материале кушитских, омотских и берберских языков.

Сокращения

агав. – агавский
вост. – восточный
егип. – египетский
зап. – западный
куш. – кушитский

омот. – омотский
редупл. – редупликация
сем. – семитский
центр. – центральный
чад. – чадский

Источники

AA 1 – Diakonoff, Igor, Belova, Anna, Militarev, Alekander and Victor Porkhomovsky. Comparative Historical Afrasian Dictionary // *St-Petersburg Journal of African Studies* 4, 1995. P. 7-38.

¹⁰ О префиксе в египетском языке см. [Conti 1980].

- ApAg – Appleyard, David. *A Comparative Dictionary of the Agaw Languages*, Köln: Köppe, 2006. — 200 p.
- BK – Biberstein-Kazimirski, Alfred de. *Dictionnaire arabe-français*. Paris: Maisonneuve et Co, 1860. Vol. I. — 1392 p., vol. II — 1638 p.
- Bnd – Bender, Lionel. *Proto-Omoti Phonology and Lexicon*. Carbondale: Southern Illinois University, 2003. — 376 p.
- CAD – Gelb, Ignace J., Landsberger, Benno, Oppenheim, Leo and Erika Reiner, eds. *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Glückstadt: J. J. Augustin. V. 1 (2). 1968. — 552 p., V. 11 (1). 1980. — 406 p., V. 15. 1964. — 452 p., V. 18. 2006. — 530 p.
- DUL – Olmo Lete, Gregorio del and Joaquin Sanmartin. *A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition*. Leiden/Boston: Brill, 2015. V. 2. — 989 p.
- EG – Erman, Adolf and Hermann Grapow. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Berlin: Akademie, 1971. V 2. — 262 p. V. 5 — 368 p.
- HfM – Hoffmann, Carl. *A Grammar of the Margi language*. London: Oxford University Press, 1963. — 287 p.
- JnJ – Johnstone, Thomas M. *Jibbali Lexicon*. London: Oxford University Press, 1982. — 336 p.
- JnM – Johnstone, Thomas M. *Mehri Lexicon*. London, University Press, 1987. — 676 p.
- KB – Köhler, Ludwig and Walter Baumgartner. *Wörterbuch zum hebräischen alten Testament*. Leiden: Brill, 1958. — 1044 p.
- Kies – Kiessling, Roland and Maarten Mous. *The Lexical Reconstruction of West-Rift Southern Cushitic*. Köln: Köppe, 2003. — 184 p.
- KS – Kawachi Kazuhiro. *A Grammar of Sidaama (Sidamo). A Cushitic Language of Ethiopia*. Ann Arbor, 2007. — 842 p.
- LIS – Luling, Virginia. *Somali-English Dictionary*. Wheaton: Dunwoody, 1987. — 313 p.
- LmW – Lamberti Marcello and Roberto Sottile. *The Wolaytta Language*. Köln: Köppe, 1997. — 563 p.

- LsG – Leslau, Wolf. *Comparative Dictionary of Ge'ez*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1987. — 813 p.
- RBd – Reinisch, Leo. *Wörterbuch der Beḍāuye-Sprache*. Wien: Alfred Hölder, 1895. — 372 p.
- SD – Beeston, Alfred F. L, Ghul, M.A., Müller, W.W. and Jacques Ryckmans. *Sabaic Dictionary*. Louvain-la-Neuve: Peeters, 1982. — 173 p.
- Ss – Sasse, Hans-Jurgend. The Consonant Phonemes of Proto-East-Cushitic. *Afroasiatic Linguistics*, 7 (1), 1978.
- SsB – Sasse, Hans-Jurgend. *Etymological Dictionary of Burji*. Hamburg: Buske. 1982. — 256 p.

Литература

1. Белова А.Г. *Сравнительно-исторический аспект многозначности корнеслова арабского языка*. М.: ИВ РАН, 2004. — 251 с.
2. Дьяконов И.М. Афразийские языки // *Языки Азии и Африки*. Т. 4. Книга 1. *Семитские языки* / под ред. И.М. Дьяконова и Г.Ш. Шарбатова. М.: Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 5-75.
3. Коган Л.Е. Семитские языки // *Языки мира. Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки* / под ред. А.Г. Беловой, Л.Е. Когана, С.В. Лёзова, О.И. Романовой. М.: Academia, 2009. С. 15-112.
4. Столбова О.В. *Лексическая база данных по чадским языкам. Выпуск VI. Chadic Lexical Database. Issue VI. 2020*. [электронный ресурс] URL: <https://book.ivran.ru/book?id=5106&from=1129> (дата обращения 26.04.2023).
5. Conti, Giovanni. Studi sul biletterismo in semitico et in egiziano 1. Il tema verbale N1212 // *Quaderni di Semitistica* 9. 1980. — 144 p.
6. Kouwenberg, Norbertus J.C. Assyrian light on the history of the N-stem // Jan G. Dercksen, ed., *Assyria and Beyond. Studies presented to Mogens Trolle Larsen*. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 2004. P. 333-352.
6. Newman, Paul and Roxana Ma. Comparative Chadic: Phonology and Lexicon // *Journal of African Languages*. 1996. Vol. 5 (3). P. 218-251.

7. Soden, Wolfram von. N als Wurzelaugment im Semitischen // *Studia Orientalia in memoriam Caroli Brockelmann*. Halle-Wittenberg: Wissenschaftliche Beiträge der Martin-Luther Universität, 1968. P. 175-184.

Внешние параллели к изолированной аккадской лексике (новые данные)

Ольга Валерьевна Столбова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

Stolbova.O@yandex.ru, ORCID 0000-0002-7589-2854

Аннотация. В статье представлен очередной список чадских когнатов к изолированной (не имеющей семитской этимологии) лексике аккадского языка. Только внешние параллели могут подтвердить афразийское происхождение такой лексики, поскольку аккадский язык образует одну из двух ветвей семитской семьи (восточную), а к западной относятся все остальные языки. Далее приводятся не только чадские когнаты, но и несколько кушитских, омотских и берберских параллелей к изолированным аккадским глоссам.

Ключевые слова: семитские языки, аккадский язык, чадские языки, когнат, этимология, классификация

External cognates to isolated Akkadian glosses (new data)

Olga V. Stolbova

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,

Stolbova.O@yandex.ru, ORCID 0000-0002-7589-2854

Annotation. The paper continues the search of Chadic parallels to Akkadian glosses lacking any Semitic etymology. The need of such a support is provoked by the specific branching of the Semitic family, namely, into Akkadian (East Semitic) and the rest of the languages (West Semitic). Thus, only external cognates can prove the Semitic and Afro-Asiatic origin of isolated Akkadian glosses. In addition to Chadic parallels this issue includes a few cognates from other Afro-Asiatic languages (Berber, Cushitic, Omotic).

Keywords: Semitic languages, Akkadian, Chadic languages, cognate, etymology, classification

Введение

Словари аккадского языка содержат довольно большое количество лексики, не имеющей семитской этимологии. Попытка найти когнаты для таких глосс в родственных семитским чадских языках оказалась на наш взгляд вполне удачной. Первые результаты исследования (по материалам аккадского и чадских языков) отражены в статье, опубликованной в сборнике памяти И.М. Дьяконова [Столбова 2002]. Количество изолированных аккадских лексем, для которых удалось обнаружить чадские когнаты, приближается к ста.

Дополнительный стимул для продолжения исследования появился в связи с тем, что семитологи наконец-то достигли консенсуса в вопросе о классификации семитской семьи. Согласно общепринятому теперь мнению, семитская семья делится на две ветви. К восточной относятся аккадский и эблаитский языки, к западной – все остальные¹. Понятно, что в такой ситуации только внешние когнаты могут подтвердить афразийское (АА) и семитское происхождение изолированной аккадской лексики. История классификации семитских языков подробно описана в монографии Л.Е. Когана [Kogan 2015].

В статье представлены результаты очередного этапа исследования – поиска внешних параллелей для изолированных аккадских глосс. На этот раз круг поиска был расширен за счет лексики других АА языков. Хотя наша база данных по берберским, кушитским и омотским языкам далеко не полна, удалось найти несколько когнатов за пределами чадской ветви. Понятно, что параллели сразу в нескольких ветвях АА семьи являются более надежным доказательством АА и семитского происхождения изолированной аккадской глоссы.

Лексический материал структурирован следующим образом: аккадская форма, далее когнаты в чадских и других АА языках. Чад-

¹ “Most scholars, I think, are at least agreed on the most basic split of the family into two main branches, East Semitic comprising Akkadian and Eblaite and West Semitic comprising everything else” [Huehnergard 2006, p. 2].

ская лексика может предваряться реконструкцией под звездочкой. Значения лексем даются по источникам, с переводом с немецкого и французского языков на английский. Список источников по чадским языкам см. в [Столбова 2000, с. 230-239]. Лексика аккадского и других АА языков дается со ссылкой на источник. Названия языков даны в латинице с заглавной буквы. Чадская лексика приводится в следующем порядке: зап. ветвь, центр., вост.

Изолированные аккадские глоссы и внешние параллели

1. Akkadian *darāru* ‘to spin’ (the verb refers to the spinning of a cocoon)² [CAD 1959, p. 110].

Центр.-чад. Higi Futu *"dur-tò* ‘to weave, plait’, Higi Baza *"dur-dò* ‘to plait’, Higi Nkafa *"dur-šê* ‘to weave’, Dghwede *"dùrayà* ‘to plait’ [Kr 1981], Malgwa *"dàra* ‘flechten, to plait’, Lamang *"dara* ‘to plait’, Mofu - *"dər-* ‘tresser (natte), to plait a mat’, Baka *"dar* ‘tresser; to plait’.

Берберский Iznasen, Ntifa *der* ‘tresser une cord; to braid a rope’, Figig *der* ‘tricoter; tresser, to knit, plait’ [NZ 1998, p. 375].

2. Akkadian *darāru* ‘to become free (of a task), to move about freely, to run off’ OB, SB “Most of the references point to a meaning ‘to move around freely and at will’, said of humans and animals”. [CAD 1959, p. 109].

Зап.-чад. Ngamo *dàràrà* ‘allowing animals to wander freely to forage’.

3. Akkadian *itkû, utkû* (a wooden peg) [CAD 1960, p. 298].

Чад. **takVw-/tawVk-* ‘stick, peg’: центр.-чад. Lamang *tik^wa* ‘stick’, Kuseri *n-taku* ‘peg’, Logone *m-takua* ‘clou, pointe’; вост.-чад. East Dangla *tòoko*, Mokilko *tòokó* ‘la navette, челнок’.

4. Akkadian *pādu* ‘to fetter, put in fetters, imprison, to keep prisoner’ OB, MB, SB [CAD 2005, p. 8], ‘einschliessen, gefangen setzen; to lock in, capture’ [AHw 1972, p. 244].

Зап.-чад. **fud/t-*: Ngas *fut* ‘stocks for the feet’, Goemay *fiut* ‘log of wood to which prisoners were attached in the old days’, *fiut* ‘log with

² В словарях значение плохо документированных глосс стоит в скобках.

holes in it for the feet; chain', *lu fiut* 'prison' = 'house of stocks' (*lu* 'house'). С фонетической точки зрения сопоставление правомерно. АА глухие губные (**p* & **f*) различаются в чадских языках, но их рефлексy совпали в прасемитском. Во многих чадских языках в позиции абсолютного конца слова реализуются лишь глухие шумные фонемы.

5. Akkadian *parû* 'to speak insultingly, to insult' OA, Mari, *parûtu* 'insulting speech, insult' [CAD 2005, p. 209].

Зап.-чад. Bolewa *pûuru* 'to revile, abuse', Dera *pàapàré* 'to punish, scold', центр.-чад. Malgwa *pàrdà* 'beleidigen; to insult'.

6. Akkadian *pû* (*pa'u*, *pu'u*) OA, OB 'chaff, husks (of grain, plants), straw' [CAD 2005, p. 471], 'Spreu; chaff' [AHw 1974, p. 310]. Фон Зоден полагал, что это имя связано с глаголом **nfy* 'просеивать': Akkadian *napû* (OB) 'to sift, sieben', Geez, Mehri, Aramaic *nfy* [AHw 1972, p. 178].

Зап.-чад. Bolewa *puuyò* 'bran, remnants of grain husks after sifting out flour'; центр.-чад. Bura *puha* 'to winnow grain', Bana *pхə* 'vanner' < **puh*.

7. Akkadian *palîlu* (a textile) OA, Mari [CAD 2005, p. 66], 'ein Stoff, Leinen; material, linen' [AHw 1972, p. 252].

Куш. Burji *fel-o* 'loincloth' [SsB 1982, p. 70], омотские (сев.-зап. Ometo) **ap* 'VI' 'clothing' [BndO 2003, p. 141]. О классификации омотских языков см. [BndO 2003, p. 1]. Чадских параллелей не обнаружено.

8. Akkadian *tê'u* 'to wall up (with bricks), to cover' MB, SB [CAD 2006, p. 377].

Чад. **tVw*/²- 'to build': зап. Zul *tú'è* 'build', Boko, Daffo, Sha *ta'* 'build (house)'; центр. Lamang *ta* 'erect (fence, shelter)', Zulgo *tàd'* 'bâtir, construire en mettant des poignées de boue l'une sur autre; to build by throwing clay balls one after another'.

См. также производные имена в зап.-чад. языках: Daffo *mà-tá'* 'Bauhandwerker, craftsman, the one who builds houses' (имя деятеля) и Mwaghavul *tuwan* 'place where blocks for building were moulded' (имя места).

Ongota *taw-* 'to build', *ta(w)i* 'to build for oneself' [Sàva, Tosko 2000, p. 124]. Онгота – это вымирающий язык Эфиопии, относительно генетической принадлежности этого языка было высказано несколько гипотез – нило-сахарский, омотский, отдельная ветвь АА

семьи. Более подробно см. [Sàva, Tosko 2000, p. 65]. Авторы склоняются к тому, что Ongota относится к кушитской или омотской ветви АА семьи. На такую же аффилиацию языка Ongota указывают и лексические параллели, между языком Ongota и другими АА.

9. Akkadian *tāpu* ‘to be attentive, pursue smth’ (‘be attentive to the one before you’) SB [CAD 2006, p.197].

Зап.-чад. **tap-* ‘to care, help’: Hausa *tàfaafà* ‘to help (especially. with money)’, (cf. центр.-чад. Bura *tópâ* ‘borrow, lend (money)’), Ngas *táp* ‘to care, be careful, look after, pay attention’, Mwaghavul *táp* ‘to be meticulous, careful, to watch out for, to protect’, *tap pee* ‘keep watch over a place’, Mupun *táp* ‘take care of, do carefully’, Fyer *tap* ‘sorgen für; take care of’.

10. Akkadian *terik-tu* (a reed object: palisade, shield) OB [CAD 2006, p. 354].

Вост.-чад. **turk-* ‘secco, fence’: Mawa *turuka* ‘secco’, Sokoro *túrka* ‘Matte zur Einzäunung, mat for a fence’, Ubi *turgà* ‘secco’, East Dangla *túrki*, *tùrkù* ‘palissade en paille tressée, plaited fence’, Migama *tórókó* ‘cloture de la case; a fence around the house’, Jegu *tork* ‘fence’, Birgit *tùrkó* ‘secco’.

Сопоставление не вполне надежно, потому что чад. ‘ограда’ может быть производным именем с суффиксом *-k-*. Однако пока нам не удалось найти в этих же языках соответствующий глагол.

11. Akkadian *tebû* ‘to get up, rise, begin to do’ OAkk on [CAD 2006, p. 306].

Зап.-чад. Hausa *túbà* ‘to commence’, Tangale *tobi* ‘to start, begin’.

12. Akkadian *tutunu* (a vessel) Emar [CAD 2006, p. 499].

Чад. **tVn-* ‘kind of pot’: зап. Hausa *tántáanii* ‘a ball of prepared clay and chaff for making into a pot’, Bure *tùndò* ‘cooking pot’; центр.-чад. Zulgo *tátáywa* ‘calebasse’, Dari *tèñāi* ‘jarre, marmite à terre; jar, clay pot’; вост.-чад. Mabire *tun* ‘marmite; pot’.

13. Akkadian *tattiku* ‘dribble, dripping’ SB [CAD 2006, p. 299], *tiku* ‘dripping, shower’ OB, SB [CAD 2006, p. 404, AHW 1974, p. 288].

Чад. **tVk(Vw)-* ‘a drop; to drip’: зап. Goemay *tak* ‘droplets’, Ngas *ták* ‘to pour into’; центр.-чад. Bana *ték^wú* ‘goutte; a drop, *ték^w-tékú* ‘goutter, to drip’, Daba *ték^w* ‘goutter, pleuvoir très peu; to drip, to rain very little’; Zulgo *tik^w* ‘goutter; to drip’.

14. Akkadian *telī-tu* (a musical instrument) [CAD 2006, p. 329, AHW 1974, p. 286].

Поскольку в словаре не уточняется, какой именно музыкальный инструмент имеется в виду, можно предложить следующие параллели в чадских языках: вост.-чад. Migama *tèlò* ‘flute’; зап.-чад. Miya *titelúw* ‘cornstalk flute’.

15. Akkadian *terû* ‘to extract, squeeze or press out liquid; to ooze’ OB, MB [CAD 2006, p. 103], ‘massieren, to massage’ [AHw 1974, p. 319].

Вост.-куш. **t’uur-* ‘to milk’ > Kambata, Sidamo, Burji *t’uur-* [Hds 1989, p. 99].

Зап.-чад. (производный глагол) Karekare *tìr-dû*, Ngizim *tàr-dû* ‘squeeze out (pus from boil)’.

Некоторые выводы

Надежность представленных сопоставлений основывается на семантической близости (тождестве) и точных фонетических соответствиях. Заметим, что в нашем списке отсутствуют экспрессивные глаголы (бить, резать и пр.), а превалируют конкретные имена существительные. Удалось найти когнаты к нескольким плохо документированным аккадским глоссам с недостаточно точно установленным значением.

Поиск параллелей к изолированным аккадским глоссам за пределами чадской ветви можно считать достаточно успешным. Дальнейшая работа в этом направлении открывает новые возможности для подтверждения семитского происхождения изолированной аккадской лексики.

Сокращения

АА – Afro-Asiatic
АА – афразийский
вост. – восточный
зап. – западный
куш. – кушитский

омот. – омотский
сев. – северный
сем. – семитский
центр. – центральный
чад. – чадский

Условные обозначения лингвистических периодов (аккадский язык)

OA – старо-ассирийский
OAkk – старо-аккадский
OB – старо-вавилонский
MB – средне-вавилонский
SB – стандартный вавилонский

Источники

- AHw – Soden, Wolfram von. *Akkadisches Handwörterbuch*. Wiesbaden: Harrassowitz, V. II. 1972. — 500 p., V. III. 1974. — 536 p.
- Bnd – Bender, Lionel. *Proto-Omotc Phonology and Lexicon*. Carbondale: Southern Illinois University, 2003. — 376 p.
- CAD – Gelb, Ignace J., Landsberger, Benno, Oppenheim, Leo and Erika Reiner, eds. *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Glückstadt: J. J. Augustin. V. 3. 1959. — 216 p., V. VII, 1960, V. 13. 2005. — 592 p., V. 18. 2006. — 530 p., V. 19. 2006. — 199 p.
- Hds – Hudson, Grover. *Highland East Cushitic Dictionary*. Hamburg: Buske, 1989. — 430 p.
- Kr – Kraft, Charles, *Chadic Wordlists*. 1981. [электронный ресурс] URL: <https://clics.clis.org/contribution/kraftchadic> (дата обращения 02.10.2023).
- NZ – Naït-Zerrad, Kamal, *Dictionnaire des racines berbères II*. Paris-Louvain: Peters, 1998. — 282 p.
- SsB – Sasse, Hans-Jurgend. *Etymological Dictionary of Burji*. Hamburg: Buske, 1982. — 256 p.

Литература

1. Столбова О.В. Аккадско-чадские лексические параллели // *История и языки Древнего Востока. Памяти И. М. Дьяконова* / под ред. В.А. Лившица, И.Н. Медведской, В.А. Якобсона. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. С. 268-280.
2. Столбова О.В. *Лексическая база данных по чадским языкам. Выпуск VI. Chadic Lexical Database. Issue VI. 2020.* [электронный ре-

супс] URL: <https://book.ivran.ru/book?id=5106&from=1129> (дата обращения 26.04.2023).

3. Huehnergard, John. Proto-Semitic and Proto-Akkadian // Guy Deutscher, Norbertus J.C. Kouwenberg, eds., *The Akkadian Language in its Semitic Context*. Leiden: Peeters, 2006. P. 1-18.
4. Kogan, Leonid. *Genealogical Classification of Semitic*. Boston/Berlin: de Gruyter, 2015. — 750 p.
5. Savà, Graziano and Mauro Tosco. *A sketch of Ongota, a dying language of Southwest Ethiopia* // *Studies in African Languages* 29 (2). 2000. — 136 p.

**Стороны света и системы пространственной ориентации
в геэзе и южноаравийских эпиграфических языках:
к постановке проблемы***

Сергей Алексеевич Франсузов

Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия,
serge.frantsouzoff@yahoo.fr, ORCID 0000-0003-3945-8898

Аннотация. Статья посвящена проблеме появления терминов пространственной ориентации в языке геэз под влиянием южноаравийских эпиграфических языков, прежде всего сабейского и майн-ского. Показано, что обитатели Африканского Рога заимствовали у представителей древнейшей цивилизации традицию использовать в качестве сторон света (в основном севера и юга) некоторые топонимы, в результате чего их значения зависели от положения наблюдателя. Эта архаичная система сохранялась в классическом эфиопском языке (геэзе) на протяжении средневековья и в ряде эфиосемитских языков дожила до наших дней.

Ключевые слова: язык геэз, южноаравийские эпиграфические языки, сабейский язык, майнский язык, стороны света

**Cardinal Directions and Systems of Spatial Orientation
in Ge‘ez and Epigraphic South Arabian Languages:
Formulating the Problem**

Serge A. Frantsouzoff

Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg, Russia,
serge.frantsouzoff@yahoo.fr, ORCID 0000-0003-3945-8898

Abstract. The article deals with a problem of the emergence of terms of spatial orientation in the Ge‘ez language under the influence of Epigraphic South Arabian languages, especially Sabaic and Minaic. It is demonstrated that the inhabitants of the Horn of Africa borrowed from

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-18-00493, выполняемый на базе Санкт-Петербургского государственного университета.

the representatives of the civilization of ancient Yemen a tradition to use some toponyms as cardinal directions (mostly the north and the south), so that their meanings depended on the place of an observer. This archaic system was preserved in the Classical Ethiopic language (Ge‘ez) during the Middle Ages and has survived up to the present day in several Ethiosemitic languages.

Keywords: Ge‘ez language, Epigraphic South Arabian languages, Sabaic language, Minaic language, cardinal directions

Стали искать, где восток и где запад.
Вспомнили, как начальник однажды говорил:
«Если хочешь сыскать восток, то встань глазами
на север, и в правой руке получишь искомое».
(М.Е. Салтыков-Щедрин. Повесть о том, как
один мужик двух генералов прокормил)

При знакомстве с произведениями эфиопской словесности на языке геэз вызывает удивление наличие терминов, каждый из которых мог использоваться для обозначения противоположных сторон света, скажем севера и юга. Так, в Хронике Иоанна Никиуского, памятнике ранневизантийской историографии, составленном в конце VII в. в Египте видным деятелем Коптской Церкви, по всей видимости, по-гречески и дошедшем до нас в переводе с арабского на геэз, выполненном в 1601 г.¹, в разделе, представляющем собой переложение «Романа о Камбизе» (см. [Weninger 2007, p. 298]), говорится (гл. LI, § 31): «Камбиз напал на этот город (Саис – С.Ф.) вторично, взял его и разрушил, как и все города Нижнего Египта в северном направлении (*zä-mängälä däbub*; ср. [Zotenberg 1883, p. 392; Charles 1916, p. 39] – С.Ф.), пока не достиг побережья соленого моря (= Средиземное море)». Интересно, что в недавнем английском переводе это выражение истолковано как “in the direction of South”, а под соленым морем (“a salty lake”) предлагается понимать Меридово озеро в Фаюмском оазисе [Elagina 2018, p. 63, n. 279]. И хотя прежняя интерпретация этого фрагмента кажется куда более

¹ См. об этом, в частности: [Французов 2010а; Французов 2010б; Французов 2017].

вероятной, нельзя полностью исключать и ту, что предложена Дарьей Елагиной. Во всяком случае, в качестве словарного значения имени нарицательного *däbub* приводится ‘north, south’ [Leslau 1991, p. 119]. Восходит же этот термин, который мог обозначать две стороны света, к топониму Дэбуб (Däbub), относившемуся к населенному пункту в округе Вэдждэрат (см. [Tarekegn Gebreyesus Kaba 2010]) на юге области Тиграй (Рис. 1), так что для эритрейцев и большинства тиграйцев он оказывался на юге, а для остальных обитателей исторической Эфиопии на севере (Рис. 1). К сожалению, пока не выяснено, чем Дэбуб выделялся (в археологическом или ином отношении) среди других городов и селений Тиграя.

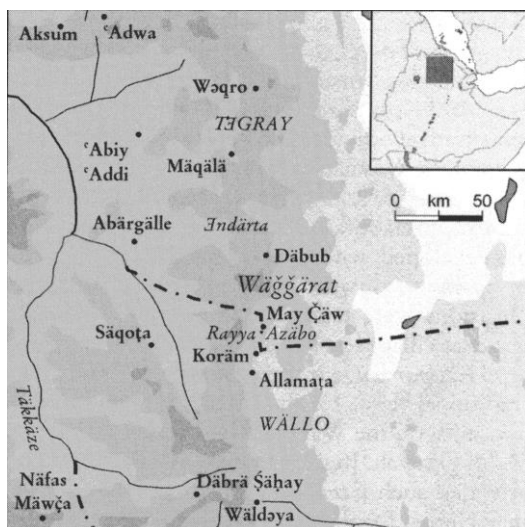

Рисунок 1. Местоположение поселения Дэбуб [Tarekegn Gebreyesus Kaba 2010, p. 1075].

Значения ‘юг, север’, а также ‘северный ветер’ закрепились также за словом *sämen* [Leslau 1991, p. 503], восходящим к названию расположенной к югу от Тиграя обширной горной страны Сымен (Рис. 2), служившей в позднее средневековье, по свидетельству эфиопской христианской историографии, убежищем для «жидовствующих» сектантов фалаша.

Рисунок 2. Местоположение горной страны Сымен [Quirin 2023, p. 611].

Откуда же пришла в гезз традиция обозначать стороны света по населенным пунктам и/или областям? Ее, как и во многие другие сферы культуры, обитатели северо-восточной части Африканского Рога восприняли от представителей древней южноаравийской цивилизации. По крайней мере, нет сомнений в том, что топоним *šar'*, обозначавший Грецию² [Leslau 1991, p. 563], происходит от майнского термина для одной из сторон света – *ḏr'* [Praetorius 1919], который Никола Родоканакис идентифицировал как 'запад' ([Rhodokanakis 1917, S. 70, 72]; ср. [Arbach 1993, I, p. 31]) и который обнаруживается также в сабейской эпиграфике [SD, p. 42]. Однако соотнести его с определенным топонимом, этнонимом или именем нарицательным пока не удалось³. В то же время понятно, что

² Точнее, страны, где говорили по-гречески, т.е. Византию и то, что от нее осталось.

³ Вслед за Н. Родоканакисом Альфред Бистон пытался связать *ḏr'* с классическим арабским выражением *ضربت الشمس* *ḏaru' at al-shams* 'the sun was near setting', однако данная этимология остается сомнительной.

располагавшийся на западе *dr'* при перемещении наблюдателя на территорию Северо-Восточной Эфиопии оказывался скорее на севере, где располагались в средние века грекоговорящие области. Впрочем, такое смещение значения термина для стороны света отмечено и в Южной Аравии. Так, считалось, что наименование города Йасилл (*Ytl(-m)*, городище Барāкиш) в маинских текстах использовалось для обозначения востока, а в сабейских – запада ([Rhodokanakis 1917, S. 82; Beeston 1948, p. 177-179]; см. Рис. 3).

Рисунок 3. Древнейшее государство Маин (сер. VII – сер. I вв. до н.э.) и его окружение [Robin, Brunner 1997, F/G4/5].

Следует отметить, что Г.М. Бауэр, тщательно проработавший вопрос о пространственной ориентации в майнских текстах, пришел к выводу, что по населенным пунктам обозначались, скорее, второстепенные стороны горизонта. Так, в комментарии к надписи Гр 326 он предложил следующие отождествления:

- $M'n = dr'$ – «северо-запад»;
- $l'l$ – «северо-восток»;
- Ytl – «юго-восток»;
- fs' – «юго-запад» [Бауэр, Лундин 1998, с. 122].

Что же касается основных сторон света, то термины для востока и запада (изначально восхода и захода солнца) являются общесемитскими. На Африканском Роге они впервые отмечены в эфиосабейских надписях VIII-VII вв. в форме $mšrq(-hy)/w-m'rb(-hy)$ [RIÉth 2/1, 4/3-4, 5 B/1, 6/2, 8/4, 9/7]. По всей видимости, из них они перешли в геэз (ср. [Leslau 1991, p. 534, 69]). Термины же $š'mt$ и $ymnt$ для областей севера и юга (буквально лежащих ошуюю и одесную для наблюдателя, повернувшегося к восходящему солнцу), вероятно, сложились в южноаравийских эпиграфических языках позже, когда контакты древнего Йемена и Эфиопии прервались более чем на полтысячелетия (с VI в. до н.э. по II в. н.э.), и потому в геэз они не попали ⁴. Вот и пришлось носителям языка геэз пользоваться архаичными обозначениями сторон горизонта по заимствованным из Южной Аравии и местным топонимам.

Условные обозначения

- Гр – Грязневич (сиглы надписей, найденных А. Грязневичем [Бауэр, Лундин 1998])
- RIÉth – Recueil des inscriptions de l'Éthiopie (сиглы надписей из [Bernard, Drewes, Schneider 1991]; [Drewes, Kropp, Stroomer 2019])

⁴ Корень $š'M$ в геэзе не засвидетельствован вовсе, а имя нарицательное $yətn$ 'десница' в значении 'юг' [Leslau 1991, p. 627] встречается довольно редко.

Источники

- Charles 1916 – *The Chronicle of John, Bishop of Nikiu*, transl. from Zotenberg's Ethiopic text by R. H. Charles. London; Oxford, 1916. — XII, 216 p.
- Leslau 1991 – *Leslau W. Comparative Dictionary of Ge'ez (Classical Ethiopic). Ge'ez-English / English-Ge'ez with an index of the Semitic roots*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1991. — XLIX, 813 p.
- Zotenberg 1883 – “Chronique de Jean, évêque de Nikiou”, texte éthiopien publié et traduit par H. Zotenberg, in: *Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque nationale et autres bibliothèques, publiés par l'Institut national de France*, t. 24, 1ère partie (1883). P. 125-608 (offprint's pagination: 5-488).

Литература

1. Бауэр, Лундин 1998 – Материалы экспедиции П.А. Грязневича 1970–1971 гг. Ч. 2: Бауэр Г.М., Лундин А.Г. *Эпиграфические памятники древнего Йемена* / Отв. ред. П.А. Грязневич, А.В. Коротаев, С.А. Французов. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1998. — 320 с.
2. Французов С.А. Иоанн, еп. Никиуский // *Православная энциклопедия*. Т. XXIII. М., 2010. С. 371-372.
3. Французов С.А. Хроника Иоанна Никиуского: некоторые особенности языка и содержания // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия III: Филология. 2010. Вып. 4 (22). С. 77-86.
4. Французов С.А. Греко-византийские реалии в эфиопском тексте Хроники Иоанна Никиуского // *Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXXIX: Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвященной памяти Алисы Владимировны Банк (1906–1984)*. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2017. С. 328-332.

5. Arbach M. *Le maḏābīen : Lexique – Onomastique et Grammaire d'une langue de l'Arabie méridionale préislamique. Thèse de doctorat – Nouveau régime* / Sous la direction de Ch. Robin. Vol. I: Lexique maḏābīen. Aix-en-Provence, 1993 (неопубликованная диссертация).
6. Beeston A.F.L. East and West in Sabæan Inscriptions // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1948. P. 177-180.
7. Beeston et al. 1982 – Beeston A.F.L., Ghul M.A., Müller W.W., Ryckmans J. *Sabaic Dictionary (English-French-Arabic) / Dictionnaire sabéen (anglais-français-arabe)*. Louvain-la-Neuve: Édition Peeters; Beyrouth: Librairie du Liban, 1982 (Publication of the University of Sanaa, YAR). — XLI, 175, 16 p.
8. Bernard E., Drewes A.J., Schneider R. *Recueil des inscriptions de l'Éthiopie des périodes pré-axoumite et axoumite* / Introduction de Fr. Anfray. T. I: *Les documents*. T. II: *Les planches*. Paris: Diffusion de Boccard, 1991. — 641 p., 233 pl.
9. Drewes A. *Recueil des inscriptions de l'Éthiopie des périodes pré-axoumite et axoumite*. T. III: Traductions et commentaires. B. Les inscriptions sémitiques / texte révisé et adapté par M. Kropp, édité par M. Kropp et H. Stroomer. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. — XV, 722 p.
10. Elagina D. *The Textual Tradition of the Chronicle of John of Nikiu: Towards the Critical Edition of the Ethiopic Version. A dissertation submitted to the Faculty of Humanities at the Universität Hamburg for the degree of Doctor of Philosophy*, Hamburg, 2018 (диссертация, свободно представленная в Интернете). — CV, 125 p.
11. Quirin J. Sæmen // Siegbert Uhlig in cooperation with Alessandro Bausi, eds., *Encyclopaedia Aethiopica*. Vol. 4. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. P. 611-613.
12. Praetorius F. Äthiopisch ጽሕፈት Griechenland // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 73. 1919. P. 244.
13. Rhodokanakis N. *Studien zur Lexicographie und Grammatik des Altsüdarabischen*. II. Heft. Wien: In Kommission bei A. Hölder, 1917 (Sitzungsberichte der Philosophisch-historische Klasse der

- Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, 185 Bd., 3. Abh.). — 191 p.
14. Robin Ch., Brunner U. Map of *Ancient Yemen / Carte du Yémen Antique*. 1 : 1 000 000. München: Staatliches Museum für Völkerkunde, 1997.
 15. Tarekegn Gebreyesus Kaba. Wäggärat // Siegbert Uhlig in cooperation with Alessandro Bausi, eds., *Encyclopaedia Aethiopica*. Vol. 4. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. P. 1075-1076.
 16. Weninger S. St. John of Nikiu // Siegbert Uhlig, ed., *Encyclopaedia Aethiopica*. Vol. 3. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. P. 298-299.

Социолингвистические факторы развития общих грамматических черт в арабских диалектах Магриба

Вера Львовна Цуканова

Марбургский университет, Германия,
zukanova@mail.ru, ORCID 0009-0005-0769-2438

Аннотация. В статье рассматриваются типы языковых контактов в Северной Африке в период распространения арабского языка. На основании анализа заимствований в грамматике и лексике современных диалектов автор стремится восстановить хронологию взаимовлияния различных идиомов. Предлагается постулировать наличие разговорного койне в XI-XIII вв., позволившее распространить более древние инновации по всей территории стран Магриба.

Ключевые слова: арабский язык, Магриб, языковые контакты

Sociolinguistic factors in the development of the common grammar features in the Arabic dialects of Maghreb

Vera L. Tsukanova

Marburg University, Germany,
zukanova@mail.ru, ORCID 0009-0005-0769-2438

Abstract. The article approaches the types of language contacts in North Africa at the time of the spread of the Arabic language. Based on the analysis of borrowings in the grammar and vocabulary of modern dialects, the author strives to restore the chronology of the mutual influence of various vernaculars. It is proposed to postulate the presence of a colloquial koine in the 11th –13th centuries, which enabled the spread of earlier innovations throughout the territory of the Maghreb countries.

Keywords: Arabic language, Maghreb, language contacts

Деление арабских диалектов на западную (магрибскую) и восточную (машрикскую) является в данный момент общепринятым¹.

¹ Я посвящаю эту статью Анне Григорьевне Беловой, преподававшей нам курсы по истории и теории арабского языка и впервые познакомившей меня с лингвистическим подходом к развитию арабских диалектов. Пользуясь

Основной изоглоссой между ними служит выражение префикса 1 лица ед. ч. в имперфекте: *n-* в магрибских диалектах vs. *ʔ-* или ноль перед гласным в машрикских. Граница между двумя группами проходит в Египте – по западной части Дельты Нила к северу от Сахары и между Нигером и Мали в субсахарском регионе (где арабский является языком меньшинств и распространен неравномерно по территории этих стран, диалект западной группы в Мали не соприкасается с диалектом восточной группы в Нигере). На все диалекты западной группы оказали влияние берберский и латинский субстраты и французский суперстрат. Кроме того, в процессе заселения Северной Африки арабами существенным фактором, оказавшим влияние на формирование местных диалектов, стали две волны эмиграции: первая – «дохилальская» (VIII век н.э.), осевшая преимущественно в городах, и вторая – заселение бедуинскими племенами Бану Сулайм и Бану Хилаль сельских и пустынных регионов (начиная с XI века). В период между VIII и XI вв. арабский оставался языком городских и военных элит Северной Африки, тогда как основная часть населения говорила на различных берберских языках, а на средиземноморском побережье также на местных романских языках, позднее вымерших (см. [Aguade 2018]).

Существует несколько грамматических явлений, характерных для западных диалектов, часть из которых можно отнести к изоглоссам, отделяющим западную группу от восточной, тогда как другую часть можно лишь назвать общими архаизмами или тенденциями. Описание этих явлений можно найти в работах [Cantineau 1960; Marçais 1977; Белова 1999; Aguade 2018].

В области фонетики такой тенденцией, типичной для всех магрибских диалектов, является выпадение кратких гласных в открытых слогах, сокращение долгих гласных и связанная с этим перестройка слоговой структуры. Ряд фонетических явлений встречается только в некоторых западных диалектах, к каковым относится увеличение числа эмфатических согласных и переход простых согласных в эмфатические, например **r > ʀ*, **b > β* и пр., а также аффрикатизация **t > tʃ* и деаффрикатизация **ǧ > ʒ*.

случаем, хочу выразить Анне Григорьевне мое глубочайшее почтение и благодарность как человеку и как ученому.

В области морфологии, как было сказано выше, характерной чертой магрибских диалектов является префикс *n-* в 1 лице ед. ч. имперфекта, который отражает перестройку парадигмы имперфекта в сторону большей симметрии. В городских диалектах (Таб. 1) показателем форм мн.ч. стал суффикс *-u* во всех лицах, в то время как в классическом арабском языке и во всех восточных диалектах префикс *n-* выражает кумулятивно лицо и число (1 мн.ч.). В бедуинских диалектах, где сохраняются формы ж.р. мн.ч. 2 и 3 лица со своим особым окончанием, форма 1 мн.ч. выровнялась по формам м.р. других лиц. В таблицах 1 и 2 это явление проиллюстрировано городскими и бедуинскими диалектами Египта (машрикский тип) и Туниса (магрибский тип), парадигмы приведены согласно работам [Woidich 1990; Gibson 2009; de Jong 2011; Ritt-Benmimoun 2014].

Таблица 1. Парадигмы имперфекта в городских диалектах восточной и западной групп.

Лицо	Диалект Каира		Диалект г. Туниса	
	Sg	Pl	Sg	Pl
1	<i>a-ktib</i>	<i>ni-ktib</i>	<i>ni-ktib</i>	<i>ni-ktb-u</i>
2 м.р.	<i>ti-ktib</i>	<i>ti-ktib-u</i>	<i>ti-ktib</i>	<i>ti-ktb-u</i>
2 ж.р.	<i>ti-ktib-i</i>			
3 м.р.	<i>yi-ktib</i>	<i>yi-ktib-u</i>	<i>yi-ktib</i>	<i>yi-ktb-u</i>
3 ж.р.	<i>ti-ktib</i>		<i>ti-ktib</i>	

Таблица 2. Парадигмы имперфекта в бедуинских диалектах восточной и западной групп.

Лицо	Диалект синайских бедуинов		Диалект тунисских бедуинов	
	Sg	Pl	Sg	Pl
1	<i>i-ktib</i>	<i>ni-ktib</i>	<i>ni-ktib</i>	<i>ni-kətb-u</i>
2 м.р.	<i>ti-ktib</i>	<i>ti-kitb-uw</i>	<i>ti-ktib</i>	<i>ti-kətb-u</i>
2 ж.р.	<i>ti-kitb-iy</i>	<i>ti-kitbi-n</i>	<i>ti-kətb-i</i>	<i>ti-kətb-in</i>
3 м.р.	<i>yi-ktib</i>	<i>yi-kitb-uw</i>	<i>yi-ktib</i>	<i>yi-kətb-u</i>
3 ж.р.	<i>ti-ktib</i>	<i>yi-kitb-in</i>	<i>ti-ktib</i>	<i>yi-kətb-in</i>

Магрибские диалекты имеют специфичные глагольные префиксы *ka-*, *ta-* и *lā-* (маркеры дуратива), отличающиеся от их восточных аналогов *ʕam(māl)* и *gāʕ(id)*. Для западной группы также характерно использование XI породы для выражения инхоатива от прилагательных, в то время как в восточной группе для этого используется или IX порода, как и в современном литературном арабском, или другие модели (например, II порода в египетско-суданской группе или модель *fōʕal* в кувейтском диалекте).

Существует большое количество знаменательных лексических единиц, характерных для магрибских диалектов. Ниже приведены примеры из Атласа арабских диалектов [Behnstedt and Woidich 2011-2021], при каждом из которых указан том и номер карты.

- ‘вдова’: вост. *armala*, также *ʕazaba*; зап. (за искл. хассанийя) *hažžāla* (возможно, от корня ʔ-ğ-l, I:20),

- ‘ящерица’: вост. *siḥliyya* и производные от того же корня, также *ḥardōn*; зап. *azallam*, *zalmūmiyya* и другие производные от заимствованного берберского корня *z-l-m* (I:124),

- ‘черепаха’: восточные диалекты демонстрируют большое разнообразие *tirsa*, *suḥḥufa*, *ḥmisa*, *ragga*, *kurkaʕa* и некоторые другие; зап. *fakrūn(a)* и производные от него (берберское заимствование) (I:128),

- ‘лягушка’: также лексическое разнообразие в машрикских диалектах, основные лексемы – *ḍufdaʕa*, *ʕagʕagah*, *qurr*; зап. *žrāna* (берберское или романское заимствование или их контаминация, I:129a),

- ‘финики’ (собр.): вост. *tīn*, также *ḥamāt*, *balas*; зап. *kaṛmūs* (возможно, восходит к *karm-* ‘виноградник, сад > финиковые деревья’ с латинским окончанием, I:169),

- ‘кухня’: вост. *maṭbaḥ*; зап. *kūzīna*, *kučīna* и другие заимствования из романских языков (II:200),

- ‘нож’: основная лексема в вост. диал. *sikkīn(a)* и производные от нее; в зап. диал. основной лексемой является *mūs* (из более раннего ‘брита, лезвие’, II:213a),

- ‘идти’: основная лексема в вост. диал. *ṛāḥ*; в зап. диал. *maša* (обе лексемы унаследованы из арабского праязыка, III:312a),

- ‘готовить еду’: вост. *ṭabaḥ*; зап. *ṭayyab* (семантический сдвиг из более раннего ‘приправлять, делать вкусным’, III:339),

- ‘черный’: осн. вост. *aswad*; осн. зап. *akḥal* (обе лексемы унаследованы из арабского праязыка, III:339),

- ‘завтра’: осн. вост. *bukra*; осн. зап. *ḡad* и производные от него (обе лексемы унаследованы из арабского праязыка, IV:460a).

В области служебной лексики магрибскими инновациями можно считать следующие лексические единицы, характерные для большинства диалектов западной группы:

- рефлексивное местоимение *ṛās* ‘себя’, восходящее к общеарабскому значению ‘голова’ (IV:471a),

- указательные местоимения мн.ч., восходящие к частице **dū* с различными наращениями, например, тунис. *haḍuma* ‘эти’ [Magidow 2016],

- презентативная частица *ṛā* ‘вот!’,

- числительные *ṣūṣ* / *zūz* ‘два’ < **zawḡ* ‘пара’ и *tasṣud* ‘девять’ < контаминация **tisfa* ‘девять’ и *tasṣud* ‘ты будешь счастливым’ [Aguade 2018],

- относительное местоимение *iddi* < **il-di* < **al-di* [Al-Jallad 2020],

- частица принадлежности *di* ~ *d* ~ *dyāl*, характерная для дохилальских и смешанных диалектов, которая, возможно, восходит к латинскому предлогу **dē* [Heath 2015].

Следует, однако, отметить, что многие лексические изоглоссы не совпадают с делением на восточную и западную группы. Что касается распределения базисной лексики, автору настоящей статьи известна только одна работа [Ratcliffe 2020], в которой обсуждаются лексемы из стословного списка в различных арабских диалектах. Согласно этой публикации, магрибские диалекты демонстрируют более высокий процент расхождений с классическим арабским языком по параметрам как базисной лексики, так и грамматики по сравнению с восточными диалектами.

Дохилальские диалекты в чистом виде в настоящее время встречаются только в старых городах Магриба и некоторых сельских районах; к ним принадлежат также все еврейские диалекты Северной Африки, носители которых в основном эмигрировали в Из-

раиль, мальтийский язык, а также вымершие диалекты мусульманской Испании и Сицилии. На хилальских диалектах в чистом виде говорят арабоязычные бедуины Магриба, к ним относится и мавританский диалект хассанийя. Многие оседлые диалекты Марокко, Алжира и Туниса представляют собой смешанный тип, возникший в результате контактов дохилальских и хилальских слоев. Можно говорить о том, что большинство грамматических и лексических инноваций западноарабских диалектов характерны либо для дохилальских говоров, либо для хилальских. В смешанных диалектах черты тех и других перемешаны. Часть инноваций возникла и распространилась в конкретном географическом регионе в позднейшее время, поэтому мы можем говорить о диалекте конкретной страны или области. Однако некоторые черты характерны для всех вариантов западных диалектов, включая рано отделившиеся от основного языкового континуума дохилальские диалекты Аль-Андалуса и Мальты.

Рассматривая общемагрибские инновации, обратимся прежде всего к проблеме возникновения и распространения новой парадигмы имперфекта (ср. Таб. 1 и 2). Ее географическое распространение и историческое происхождение были рассмотрены в работах [Owens 2003; Corriente 2011; Heath 2015; Behnstedt 2016; Behnstedt and Woidich (2005 и 2018)]. Не вызывает сомнения, что данная инновация возникла довольно рано, потому что она зафиксирована в андалусском диалекте и в мальтийском языке, принадлежащих к дохилальской группе. Местом ее возникновения предполагают Йемен [Corriente 2011] или Египет [Owens 2003]. Йеменская инновация тем более вероятна, что формы 1 лица ед. ч. с приставкой *n-* характерны для периферийных йеменских диалектов [Behnstedt and Woidich 2018, p. 75]². Вкрапления инновационной парадигмы в периферийные диалекты Верхнего Египта относят за счет магрибского влияния, то есть обратной миграции некоторых племен в Египет [Behnstedt 2016: p. 29]. Инновационная парадигма характерна также и для западносуданских диалектов, распространенных в Дарфуре, Чаде и Нигерии, при этом в Нигерии два типа парадигм находятся в свободном варьировании. Следует учитывать, что на диалектах западносуданской группы говорят потомки выходцев из Египта. Крайне

² Согласно личному сообщению Л.Е. Когана, такие формы встречаются также и в арабском диалекте о. Сокотра.

маловероятно (вопреки [Heath 2015]), что выравнивание первого лица могло независимо развиваться в предках как дохилальских, так и постхилальских диалектов, поскольку этого не произошло ни в одном другом семитском языке, который сталкивается с той же проблемой асимметричной парадигмы. Это, однако, означает, что нововведение, возникшее в относительно небольшой диалектной группе носителей, было адаптировано численно преобладающим населением племени Бану Хилаль и новыми носителями арабского языка, которые впоследствии перешли на арабский язык с берберских.

Данная системная перестройка системы в целом свидетельствует об упрощении языковой структуры, произошедшей в результате быстрого языкового сдвига. В магрибских диалектах существуют и другие языковые явления, которые можно отнести к упрощениям. Так, например, в городских диалектах Туниса отсутствуют формы женского рода 2 л. ед. ч. В большинстве магрибских диалектов происходит полное или частичное устранение пассивно-антикаузативных пород с приставкой *n-* (порода VII в традиционной терминологии) и инфиксом *-t-* (порода VIII), не вписывающихся в общую систему, и замена их на породу с префиксом *t-* (*t-faʕal*) по аналогии с пятой (*t-faʕʕal*) и шестой (*t-fāʕal*) породами.

Подобное упрощение языковой структуры зафиксировано в истории английского языка. В статье [Dawson 2003] описан сценарий, по которому древнеанглийский язык потерял многие черты германской морфологии: род и склонение у имен, изменение глаголов по лицам и числам, морфологически выраженные наклонения. Между 800 и 1000 гг. н.э. Англия пережила эпоху завоевания викингов, говоривших на близкородственном древнескандинавском языке. Древнеанглийский и древнескандинавский являлись, по всей видимости, взаимопонимаемыми. При этом древнескандинавский представлял собой язык престижного меньшинства, а на древнеанглийском говорило менее престижное большинство. В результате население городов, в которых проживали обе группы, стало говорить на койне, в котором смешивались черты обоих наречий. Вначале оно использовалось как язык общения между двумя группами, а затем стало диалектом, распространилось на большую территорию и оказало влияние на формирование стандартного английского языка. Одним из самых известных заимствований из древнескандинав-

ского в английский является местоимение 3 л. мн. ч. *they* (ср.-англ. **θei* < др.-сканд. *θeir*, ср. др.-англ. *hīe*, *hēo*).

Другим примером койне, сложившимся в результате контактов близкородственных языков, служит русский язык, развившийся в его современном литературном виде в результате контактов древненовгородского и стандартного древнерусского. Поэтому в русском языке мы наблюдаем смешение фонетики, лексики и морфологии двух исходных идиомов [Burlak 2013]. В этой же статье С.А. Бурлак отстаивает идею о том, что по результатам языковой конвергенции можно восстановить социолингвистическую ситуацию языковых контактов. Попробуем осуществить это для ситуации, сложившейся на территории Северной Африки в XI–XIII веках.

Мы видим сосуществование четырех языков в вышеозначенном регионе в XI веке. На первом из них говорят арабы первой волны (А), живущие в городах, на другом – арабские бедуины (В), на третьем – берберское население (С), четвертым участником языковой ситуации выступает письменный классический арабский язык (D). Идиомы А, В и D близкородственны и очевидным образом взаимопонимаемы, так как с момента их разделения прошло пока не так много времени. Идиом С является представителем родственной, но уже очень давно отделившейся ветви, связанной с арабским языком только на уровне макросемьи. Идиомы А и В не взаимопонимаемы с С, носители С также не понимают D без специального обучения. В идиоме А произошли к этому времени некоторые инновации: новый тип парадигмы имперфекта, переход на XI породу для инхотативов от прилагательных, заимствование некоторых лексических единиц из берберских языков. Его носители образуют престижное меньшинство в регионе. В идиоме В до прихода в Северную Африку также произошли изменения, характерные для бедуинских арабских диалектов, основным из которых является озвончение увулярного согласного **q* > *g*, а также различные лексические сдвиги. Идиом В начинает взаимодействовать, с одной стороны, с близкородственным и престижным А, а с другой, с существенно отличающимся и непрестижным идиомом С.

Несмотря на большую престижность А по отношению к В, этот диалект не выступает литературной нормой арабского языка, так как ей является классический арабский язык. Поэтому, когда носители

А и В общаются между собой, образуется разговорное койне, включающее в себя черты обоих близкородственных языков, подобно тому, как это произошло в средневековой Англии. Это койне еще не становится общим языком для городских и сельских жителей, но его черты проникают в оба типа диалектов. Через некоторое время (точные даты установить сложно) носители берберских языков, воспринимающие арабский как язык государства и религии, массово (хотя и не полностью) и довольно быстро переходят на вариант В, уже включающий в себя результат влияния А. Этот языковой сдвиг влечет за собой дальнейшее упрощение языковой структуры: помимо закрепления симметричной парадигмы имперфекта происходит также симметризация системы пород. К другим результатам берберского влияния относятся сокращение гласных и ассимиляция согласных по признаку фарингализации.

В течение позднейшей истории, во-первых, продолжается процесс койнезации А и В, что приводит к распространению диалектов смешанного типа в Марокко, Алжире и Тунисе. Во-вторых, существенную роль начинают играть французский и испанский – языки колонизаторов. Помимо обычного влияния, какое обычно оказывают суперстраты – а именно заимствования из них различной культурной лексики – мы видим следы более глубокого взаимодействия: так, считается, что исчезновение форм 2 л. ж.р. в Тунисе произошло именно под влиянием французского языка. Тем не менее даже там, где живут франко-арабские билингвы, этот тип языкового влияния коренным образом отличается от койнезации, возможной только при контактах близкородственных языков.

Литература

1. Белова, А.Г. *Очерки по истории арабского языка*. М.: Восточная литература, 1999.
2. Al-Jallad, Ahmad. *A Manual of the Historical Grammar of Arabic*. Unpublished manuscript. 2020. [электронный ресурс] URL: https://www.academia.edu/38100372/Al_Jallad_A_Manual_of_the_Historical_Grammar_of_Arabic (дата обращения 25.08.2023).

3. Aguade, Jordi. The Maghrebi dialects of Arabic // Holes, Clive, ed., *Arabic historical dialectology*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 29-63.
4. Behnstedt, Peter., & Woidich, Manfred. *Wortatlas der arabischen Dialekte*. Vols. I-IV. Leiden: Brill, 2011-2021.
5. Behnstedt, Peter. The niktib-niktibu issue revisited // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*? 2016. № 106. P. 21-36.
6. Behnstedt, Peter, and Manfred Woidich. *Arabische Dialektgeographie. Eine Einführung*. Leiden: Brill, 2005.
7. Behnstedt, Peter, and Manfred Woidich. The formation of the Egyptian Arabic dialect area // Holes, Clive, ed., *Arabic Historical Dialectology: Linguistic and Sociolinguistic Approaches*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 64-95.
8. Burlak, Svetlana. Languages, DNA, relationship and contacts // *Journal of Language Relationships*. 2013. № 9. P. 55-67.
9. Cantineau, Jean. *Cours de phonétique arabe*. Paris: Klincksieck, 1960.
10. Corriente, Federico. The emergence of western Arabic: a likely consequence of creolization // Embarki M., Ennaji M., eds., *Modern trends in Arabic dialectology*. Trenton: The Red Sea Press, 2011. P. 39-46.
11. Dawson, Hope C. Defining the outcome of language contact: Old English and Old Norse // *OSU Working Papers in Linguistics* 57, 2003. P. 40-57.
12. Gibson, Maik. Tunis Arabic. // Kees Versteegh, ed., *Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics*, Vol. 4. Leiden: Brill, 2009. P. 563-571.
13. Heath, Jeffrey. D-possessives and the origins of Moroccan Arabic // *Diachronica* 1, 2015. P. 1-33.
14. de Jong, Rudolf E. *A Grammar of the Bedouin Dialects of Central and Southern Sinai*. Leiden: Brill, 2011.
15. Marçais, Philippe. *Esquisse grammaticale de l'Arabe Maghrébin*. Paris: Maisonneuve, 1977.
16. Magidow, Alexander. Diachronic Dialect Classification with Demonstratives. // *Al-Arabiyya*, 2016. Vol. 49. P. 91-115.

17. Owens, Jonathan. Arabic Dialect History and Historical Linguistic Mythology // *Journal of the American Oriental Society* 123, 2003. P. 715-740.
18. Ratcliffe, Robert R. The glottometrics of Arabic: Quantifying linguistic diversity and correlating it with diachronic change // *Language Dynamics and Change*, 2020. P. 1-29.
19. Ritt-Benmimoun, Veronika. *Grammatik des arabischen Beduinendialekts der Region Douz (Südtunesien)*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014.
20. Woidich, Manfred. *Materialen zur Kenntnis des Kairenisch-Arabischen*. Amsterdam: Instituut voor het Moderne Nabije Oosten. Universiteit van Amsterdam Press, 1990.

II. Полевые исследования

Нивхи и нивхский язык Сахалина в 2023 г.

Павел Валерьевич Гращенко

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
pavel.gra@gmail.com, ORCID 0000-0001-9754-2452

Аннотация. Нивхский (прежнее название – гиляцкий) язык демонстрирует яркий набор грамматических и лексических свойств, сочетание которых редко как для языков России, так и для языков мира. К сожалению, существование и выживание нивхского языка на сегодня находится под серьезной угрозой из-за стремительно снижающегося количества нивхоговорящих людей. В рамках данного исследования автором в июле-августе 2023 г. была предпринята поездка в Сахалинскую область Российской Федерации с целью протоколирования количества говорящих в разных частях о. Сахалин, уровня их владения языком, установления того, насколько оставшиеся носители поддерживают коммуникацию на родном языке и т.д. Результатом работы стали данные о количестве носителей для разных диалектов нивхского языка в разных населенных пунктах Сахалинской области.

Ключевые слова: нивхский язык, социолингвистика, языки на грани исчезновения, языки России

The Nivkhs and the Nivkh language of Sakhalin in 2023

Pavel V. Grashchenkov

Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia,
pavel.gra@gmail.com, ORCID 0000-0001-9754-2452

Abstract. The Nivkh (the former name – Gilyak) language demonstrates a wide set of grammatical and lexical properties, whose combination is rare both for the languages of Russia and for the languages of the world. Unfortunately, today the existence and survival of Nivkh is under serious threat due to the rapidly decreasing number of Nivkh-speaking people. In July-August of 2023 the author undertook a trip to

the Sakhalin region of the Russian Federation in order to record the number of speakers in different parts of Sakhalin, the level of their language proficiency and to establish how much the existing group of native speakers support communication in their native language, etc. This investigation results in the data on the number of native speakers for different dialects of the Nivkh language in different settlements of the Sakhalin region.

Keywords: the Nivkh language, sociolinguistics, endangered languages, languages of Russia

1. Нивхский язык и его сохранность по имеющимся источникам¹

Согласно [Груздева 1997], во Всесоюзной переписи 1989 г. приводятся такие цифры: всего в стране насчитывался 4681 человек, считающий себя нивхом, из них 23,3% говорили на родном языке. По переписи 2010 г., в стране проживало 4652 нивха, родным языком владело 198 человек, см. [Итоги Всероссийской переписи 2010].

Согласно переписи населения 2020-2021 гг., [Итоги Всероссийской переписи 2020], в России насчитывается 4709 нивхов, владение родным языком подтвердили 683 человека. На вопрос об «использовании родного языка коренными малочисленными народами Российской Федерации» отвечали 4148 нивхов, из них 248 подтвердили использование родного языка.

Если отталкиваться от распределения нивхского населения по населенным пунктам Сахалина, согласно данным [Итоги Всероссийской переписи 2002], больше всего людей, определяющих свою национальность как «нивх», проживает в следующих населенных пунктах: с. Некрасовка (602 из 1156 ч.), с. Чир-Унвд (201 из 292 ч.), с. Рыбное (60 из 86 ч.) Еще одно место традиционного проживания

¹ Автор выражает глубокую признательность всем жителям о. Сахалин, оказавшим помощь во время поездки. Прежде всего хочется поблагодарить Людмилу Александровну Винюкову, Алену Викторовну Кавозг, Ольгу Евгеньевну Рожнову и Зою Слежакову, Альбину Сергеевну и Федора Сергеевича Мыгун; Владимира Иннокентьевича Перевалова и Наталью Константиновну Чайка, а также – всех носителей языка, с кем довелось пообщаться за время поездки.

нивхов — пгт. Ноглики, население которого на данный момент — ок. 10 тыс. ч., из них от нескольких десятков до нескольких сотен являются этническими нивхами.

Относительно разделения нивхского языка на диалекты есть следующие точки зрения. Так, в [Крейнович 1937] говорится о двух диалектах, амурском и сахалинском. Часть нивхов до сих пор проживает в Амурской области и говорит на амурском диалекте, отличающемся от языка нивхов восточного Сахалина. То же разделение на два диалекта признают и некоторые современные носители, см. ниже. Иногда для сахалинских диалектов выделяют несколько вариантов: восточный и западный сахалинский [Gruzdeva 2004], восточно-сахалинский, северно-сахалинский и южно-сахалинский [Недялков, Отаина 2012; Груздева 1997]. На сегодняшний день вряд ли можно говорить о разных вариантах сахалинского нивхского, на о. Сахалин представлено два диалекта: собственно сахалинский и амурский (подробнее см. ниже).

Генетически нивхский не имеет явных родственных языков и определяется в (региональную) группу палеоазиатских. Нивхский язык обладает рядом свойств, потенциально сближающих его с тюркскими и монгольскими языками (порядок слов, частично — состав падежей, активное использование конвербов при образовании сложной предикации), с японским (наличие счетной классификации, класс стативных глаголов...); однако все эти свойства могут объясняться и ареальным влиянием языков друг на друга (ср. счетную классификацию как ареальную особенность языков Юго-Восточной Азии).

Исследования нивхского языка начались еще во времена Российской империи, среди первых ученых, занимавшихся им, были Л.Я. Штернберг и Б.О. Пилсудский. Огромный вклад в изучение нивхского языка и нивхского этноса внес уже в советское время Е.А. Крейнович. Грамматические описания создавались во второй половине прошлого и в нынешнем веке В.М. Панфиловым, В.П. Недялковым, Е.Ю. Груздевой и другими советскими и российскими учеными. Важно, что в написании научных и методических работ по нивхскому языку принимали активное участие и сами носители, здесь в первую очередь надо упомянуть Г.А. Отаину, Ч.М. Таксами, В.М. Санги, М.Г. Тэмину и др. Письменность для нивхского языка была впервые составлена Е.А. Крейновичем в начале 1930-х гг., из-

начально она была на латинице, впоследствии письменность была переведена на кириллическую основу В.Н. Савельевой.

С точки зрения грамматического строя (см. [Панфилов 1962; 1965]) нивхский язык демонстрирует множество черт, редких типологически и порой не представленных либо крайне редких в языках России. Кроме упомянутых счетной классификации (см. [Крейнович 1932]) и отсутствия грамматического класса прилагательных (его заменяют стативные глаголы, см. [Отаина 1978]), можно назвать еще и такие черты, как: инкорпорация в глагольной и именной группе; фонологическое различие начала основ у переходных и непереходных глаголов; активное использование редупликации для передачи множественного значения у имен / интенсивности действия или признака у предикатов; рудименты двойственного числа; наличие развитой системы семантических падежей при немаркированных субъекте и объекте; отсутствие порядковых числительных, использование конвербов в роли вершины независимого предложения и т.д.

2. Современные носители нивхского языка в населенных пунктах Сахалина: полевое исследование

В рамках настоящего исследования, представляющего результаты полевой поездки 2023 г., нами была поставлена задача собрать информацию о количестве носителей в населенных пунктах о. Сахалин, установить уровень их владения языком, уточнить активность существующей в настоящий момент коммуникации на нивхском языке и т.д.

2.1. Носители села Чир-Унвд (восточный диалект)

В настоящий момент в селе проживает менее 200 жителей, почти все относят себя к нивхам. Людей, владеющих нивхским языком, двое: женщина 72 лет и женщина 81 года. Обе выучили нивхский язык в детстве от родителей в возрасте до 7 лет. В школе и интернате, где они учились после 7 лет, разговаривали только по-русски.

У первого носителя трое детей и пять внуков. Дети по-нивхски не говорят, но могут понимать, внуки знают лишь отдельные слова. У второго носителя – 5 детей, 9 внуков, 3 правнука. Все дети говорят

по-русски, одна из дочерей может понимать и читать по-нивхски. Те из потомков, кто ходил в кружок национального творчества, знают некоторые нивхские слова.

Оба носителя между собой говорят на родном языке, равно как и по-русски. Других контактов на нивхском в Чир-Унвде они не имеют. В Ногликах и других местах проживания нивхов, куда они приезжают, общение также может происходить по-нивхски. Свой диалект они определяют как «восточный», «тымовский» (по названию административного центра Тымовское) и считают его взаимопонимаемым с диалектом в Ногликах и отличающимся от «охинского» (= амурского) варианта языка.

2.2. Носители в поселке городского типа Ноглики (восточный диалект)

В ходе полевой поездки удалось пообщаться с группой носителей, составивших так называемое «языковое гнездо»² – группу по интересам, внутри которой люди пытаются общаться между собой по-нивхски. В беседе участвовали около 15 человек, для части из которых нивхский язык являлся родным. По словам информантов, нивхский язык является родным примерно для 10 человек, возраст которых – от 60 до 87 лет. Еще около пяти человек (возраст также превышает 60 лет) приобщились к нивхскому в рамках занятий в «языковом гнезде». Такие люди знают и могут употреблять отдельные нивхские слова. Особо стоит упомянуть В.М. Санги (87 лет), также участвовавшего в беседе, который является энтузиастом родного языка и культуры, написал на нивхском языке множество художественных произведений разного жанра, записывал устные нарративы, озвучивал словари, участвовал в другой просветительской деятельности.

По словам носителей пгт. Ноглики, их диалект является «сахалинским» (т.е. восточным) и противопоставлен «охинскому», который является амурским (они называют его также «шмидтовским» по

² Идея возрождения языка через создание «языковых гнезд» была предложена от Хельсинского университета Е.Ю. Груздевой (см. о ней <https://iling-ran.ru/web/ru/scholars/gruzdeva>), ведущим на сегодняшний день специалистом по нивхскому языку, в рамках программ ревитализации.

названию п-ова Шмидта, северной оконечности о-ва Сахалин). Вопрос о существовании других диалектов сахалинского нивхского (восточно-сахалинского, северно-сахалинского, южно-сахалинского), В.М. Санги прокомментировал так: различия между такими вариантами языка есть, но они находятся на уровне говоров, а не диалектов. По его словам, собственно сахалинский диалект – един и противопоставляется амурскому (в том числе амурскому Охинского р-на Сахалина).

Вопрос про общение с другими жителями Ноглик или общение за пределами данного населенного пункта был прокомментирован участниками беседы следующим образом. По их словам, родители, бабушки и дедушки собравшихся прежде общались между собой на родном языке – так выучило язык подавляющее большинство присутствовавших. Сейчас при встрече с другими нивхами, говорящими на языке, может происходить переход на родной язык, однако и между собой они общаются в основном по-русски. С детьми и внуками оставшиеся носители могут общаться с употреблением отдельных нивхских слов, но не более. В рамках усилий по ревитализации в детском саду в Ногликах есть комната, где проходят занятия на нивхском языке (их проводит воспитательница, родным языком для которой является ульчский). В школе Ноглик готовится программа нивхского языка для начальных классов, на данный момент есть факультативные занятия нивхским языком.

По словам носителей в пгт. Ноглики, в школах и детских садах преподавания нивхского языка или на нивхском языке раньше не велось. Однако во времена существования так называемых «туземных районов» (с 1930 г. до Великой Отечественной войны) нивхский язык активно употреблялся в быту во всех видах деятельности, что, видимо, связано еще и с тем, что на том этапе сохранялся традиционный (охота, рыболовство, собирательство) уклад жизни нивхского этноса.

На вопрос о том, в каких населенных пунктах проживают или проживали носители, у которых тот же язык / диалект, были названы: Чир-Унвд, Трамбаус, Поронайск, Венское. Для Чир-Унвда была названа цифра в 6 носителей (в действительности их осталось два, см. выше); нивхоговорящие в Трамбаусе (Александровск-Сахалинский район) и Венском (Ногликский городской округ), скорее всего,

уже умерли. В Поронайске (центр Поронайского городского округа) может проживать еще один человек, говорящий на том же языке.

2.3. Носители сел Некрасовка и Рыбное и г. Южно-Сахалинск (амурский диалект)

Примерно в третьей четверти XX в. нивхи, расселенные на северной части о. Сахалин вдоль его западного побережья и жившие там небольшими поселениями, были перемещены на север, в основном в с. Некрасовка. Часть нивхов с этого побережья, называемого еще «рыбновским», уехала в Поронайск, часть – в Южно-Сахалинск. Село Некрасовка на данный момент – самый представительный с точки зрения количества проживающих нивхов населенный пункт: из примерно одной тысячи человек населения нивхов – около половины. Это заметно даже невооруженным глазом по количеству людей монголоидного типа на улицах села.

В данном селе, равно как и ранее по северо-западному берегу острова, распространен амурский диалект. Иногда говорят о третьем, так называемом «шмидтовском» диалекте как варианте амурского. Шмидтовским диалект называется потому, что ранее говорящие на нем нивхи проживали на п-ве Шмидта, части Сахалина, расположенной к северу от Охи и Некрасовки и простирающейся на север острова вплоть до мыса Марии и мыса Елизаветы, т.е. до самых крайних оконечностей острова. Сейчас п-ов Шмидта практически необитаем. Некоторые носители в Некрасовке отмечают различия между собственным амурским диалектом и шмидтовским, называя их, впрочем, несущественными, «некоторые слова различаются, а так – один язык».

Всего в с. Некрасовка удалось пообщаться с семьей (потенциальными) носителями. Возраст – от 60 до 77 лет. Количество людей, которые в данном населенном пункте способны говорить на родном языке, все опрошенные оценивают как один-два десятка человек³, все такие потенциальные носители – женщины старше 70 лет. Кроме этого информантам удалось вспомнить одного-двух

³ Скорее всего, людей, обладающих реальной языковой компетенцией, меньше двадцати.

пожилых мужчин, знающих язык. Все носители выучили язык в семьях, а после поступления в школу стали говорить в основном по-русски. У всех опрошенных есть дети и внуки, никто из младших родственников не говорит на родном языке.

В с. Некрасовка есть школа (всего учеников разных возрастов – 95 человек), в школе для начальных классов ведется преподавание родного языка. Кроме этого действует организация по сохранению традиционной культуры, есть небольшой музей.

С. Рыбное находится примерно в 60 км от с. Некрасовка, дорога по воде составляет около 4 часов, по суше – не менее 8. Языковая ситуация в с. Рыбное была записана со слов жителей с. Некрасовка, связанных с администрацией Охинского р-на. В Рыбном постоянно проживают 9 семей, есть также сезонный приток рыбаков. Детей, проживающих в Рыбном постоянно, нет; снабжение электроэнергией – по расписанию⁴. По свидетельству жителей Некрасовки, в Рыбном может быть от одного до нескольких человек, потенциально говорящих на амурском диалекте нивхского языка, но основное общение проходит на русском.

Как уже было сказано, часть носителей амурского диалекта переселилась на юг Сахалина. В рамках полевой поездки в г. Южно-Сахалинск удалось пообщаться с работающими в Сахалинском государственном областном краеведческом музее Ф.С. Мыгуном, бывшим главным редактором газеты «Нивх диф» (Нивхское слово), и А.В. Хурьюн, которая является главным редактором этой газеты сейчас. Газета издается на амурском диалекте. По признанию самих интервьюируемых, лишь А.В. Хурьюн является полноценным носителем, Ф.С. Мыгун осваивал язык уже во взрослом возрасте. При этом, по меткому замечанию А.В. Хурьюн, даже тех носителей, которые усвоили родной язык с раннего детства, вернее было бы определить как понимающих язык, но не говорящих на нем. Всего в Южно-Сахалинске может находиться несколько (скорее всего, не более 3-4) человек, говорящих на одном из диалектов нивхского языка, но общение между собой никто в городе не практикует. В Поронайске и других населенных пунктах юга острова активных носителей сегодня, скорее всего, уже нет.

⁴ Необходимо отметить, что вообще наличие электричества для Сахалинской области является нормой, многие населенные пункты газифицированы.

3. Заключение: статус нивхского языка в наши дни и что мы можем для него сделать

Можно сказать, что всего носителей нивхского языка обоих диалектов на о. Сахалин сейчас насчитывается несколько (не более 3-4) десятков, причем активными носителями, видимо, нельзя назвать никого из них. Во всех населенных пунктах, где отмечено сколько-нибудь значительное количество нивхоговорящих, пропорции носителей нивхского по сравнению с русскоговорящим населением – крайне незначительны. Ни в одном из населенных пунктов с существенным количеством нивхского населения нивхский язык не является языком регулярного бытового общения.

Вследствие различных причин (часто – перевода для обучения в школу или интернат) нивхский язык даже тех носителей, для которых он является первым и родным, приобрел статус херитажного, ср. похожую ситуацию для андаманских языков, см. [Abbi, Som, and Das 2007]. Важно при этом отметить, что исчезновение нивхского языка проходит: а) в условиях сохранения культуры и национальной идентичности и б) в ситуации, когда престиж самого языка никак не страдает. Первое обстоятельство, сохранение культуры и этнической идентичности, активно поддерживается как «сверху» (организацией праздников и фестивалей малых народов Севера, проведением конкурсов на этнические темы и т.п.), так и «снизу» (среди нивхов – большое количество энтузиастов родной культуры, принимающих участие в перечисленных мероприятиях, создающих кружки, национальные творческие коллективы и т.д.) В пользу второй особенности, достаточно высокого престижа нивхского языка в местах традиционного проживания нивхов, говорит множество книг, издающихся немногими оставшимися говорящими на языке людьми, наличие языковых групп, издание газеты «Нивх диф» (Нивхское слово), наличие фольклорных коллективов, таких как «Нивхинка» в Ногликах и «Кыхкых» (Лебедь) в Некрасовке и т.д.

В социуме нет идеи о «второсортности» родного языка, его вытеснение из жизни нивхов происходит, к сожалению, «естественным» образом: создалась ситуация, когда в семьях становилось проще говорить на русском, который неизбежно будет востребован в дальнейшем. Возможно, что среди факторов, вынудивших

поколение младше 60 лет перестать употреблять родной язык, были также активные миграции по Сахалину, сложность нивхской грамматики и другие обстоятельства. При этом в 80-х гг. в Ногликах и Некрасовке было организовано преподавание языка в младших классах, в Некрасовке оно есть и сейчас, есть языковые занятия в детских садах. В рамках языковых гнезд «Нивхинка» и «Кыхкых» осуществляются попытки общения между носителями старшего поколения. Увы, к серьезным результатам эти усилия не приводят – для сохранения языка необходимо полноценное общение в семье, которое де-факто прервано.

Если пытаться предлагать какие-либо меры, которые способствовали бы ревитализации нивхского языка, то здесь, кажется, были бы уместны два основных направления деятельности. Во-первых, это создание больших корпусов текстов на разных диалектах нивхского, создание параллельных нивхско-русских корпусов и т.п. Во-вторых, кажется перспективным привлечение новейших разработок в области так называемых «больших языковых моделей» (Large Language Models, LLM). С учетом имеющихся сегодня нейросетевых технологий, представляется разумным «обучить» на нивхских данных системы искусственного интеллекта, что будет являться попыткой (хотя бы частичной) сохранения языковой компетенции носителей. Соответственно, сейчас необходимо создавать на языке большие объемы текстов, сопровождаемых разного рода разметкой. В рамках таких проектов неизбежно будут проблемы, связанные с отсутствием строго кодифицированной письменности, наличием диалектных вариантов и т.д. Тем не менее задача создания нивхских корпусов представляется вполне решаемой и полезной как для «консервирования» языка, так и для последующего возрождения: помимо нейросетевых технологий, корпусные данные будут полезны при обучении языку новых носителей.

Литература

1. Итоги Всероссийской переписи 2002 [электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11162>.
2. Итоги Всероссийской переписи 2010 [электронный ресурс] URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results.html.

3. Итоги Всероссийской переписи 2020 [электронный ресурс] URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Predislov_VPN-2020.docx (Том 5 Национальный состав и владение языками).
4. Груздева Е.Ю. Нивхский язык // *Языки мира. Палеоазиатские языки*. – М., 1997. С. 139-154.
5. Крейнович Е.А. *Фонетика нивхского языка*. М.-Л., 1937. — 125 с.
6. Крейнович Е.А. *Гиляцкие числительные*, Л., 1932. — 24 с.
7. Недялков В.П., Отаина Г.А. *Очерки по синтаксису нивхского языка*. М.: Знак, 2012. — 304 с.
8. Отаина Г.А. *Качественные глаголы в нивхском языке*. М: Наука, 1978. — 128 с.
9. Панфилов В.З. *Грамматика нивхского языка*. Ч. 1. М: Наука, 1962. — 262 с.
10. Панфилов В.З. *Грамматика нивхского языка*. Ч. 2. М: Наука, 1965. — 265 с.
11. Anvita Abbi, Bidisha Som and Alok Das. Where Have all the Speakers Gone? A Sociolinguistic Study of the Great Andamanese // *Indian Linguistics*; 68.3-4. 2007. P. 325-343.
12. Gruzdeva, E. Numeral Classifiers in Nivkh // A.Y. Aikhenvald (ed.), *Language Typology and Universals: Nominal Classification*. (Sprachtypologie und Universalienforschung 57(2–3)). Berlin: de Gruyter, 2004. P. 300-329.

Модели образования каузативов в языке куллуи

Анастасия Сергеевна Крылова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
krylova_anastasi@bk.ru, ORCID 0000-0002-2286-3304

Аннотация. Статья представляет классификацию морфологических типов каузативного словообразования в индоарийском языке куллуи, анализ чередования корневых гласных и случаев метатезы в корне при образовании каузативов. Каузативы куллуи, по сравнению с другими индоарийскими языками, весьма своеобразны благодаря морфонологическим процессам преобразования корня.

Ключевые слова: индоарийские языки, язык куллуи, каузатив, морфонология

Causative derivation models in Kullui

Anastasia S. Krylova

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
krylova_anastasi@bk.ru, ORCID 0000-0002-2286-3304

Abstract. The paper presents morphological classification of the causative derivation types in Kullui and analyzes root vowel alterations and root metathesis cases in the causative derivation. Causative verbs in Kullui in comparison with other Indo-Aryan languages are very peculiar due to the morphonological processes of root transformation.

Keywords: Indo-Aryan languages, Kullui language, causative, morphophonology

Введение

Данная статья основана на материалах, собранных автором и её коллегами в ходе полевой работы в регионе распространения индоарийского языка куллуи в долине Куллу в индийском штате Химачал-Прадеш, см. [Мазурова 2018]. Лексический материал был частично получен от нескольких информантов в экспедициях 2014-2022 гг., однако детальное исследование каузативного словообразования было проведено автором в 2023 в ходе работы с инфор-

мантом из д. Наггар. Куллуй – слабо описанный индоарийский язык группы химачали, не имеющий официального статуса и письменного стандарта, число его носителей – около 200 тысяч человек.

Как и в других индоарийских языках, в куллуй распространены каузативные глаголы, и сами по себе модели их образования сходны с аналогами, например, в хинди¹. Морфологические типы каузативов в хинди были подробно описаны в работе [Липеровский 1984, с. 24]. Группы «однокорневых», в терминологии Липеровского, глаголов, включают в себя от двух до четырёх членов. Большинство каузативов первой степени образуются с помощью суффикса *-ā-*, при этом происходит сокращение и сужение долгого корневого гласного (*dēkhnā* ‘смотреть’ – *dikhānā* ‘показывать’). Каузативы второй степени, как правило, имеют суффикс *-vā-*, при этом корень подвергается тем же преобразованиям, что и в каузативе первой степени (*dikhvānā* ‘поручать показывать’). Имеется и бессуффиксальная модель, обычно связанная с глаголами с пассивным или инактивным значением, в ней происходит удлинение корневого гласного и его расширение (*marna* ‘умирать’ – *mārna* ‘убивать’). Различие типов чередования в суффиксальных и бессуффиксальной модели связано с происхождением этих чередований. Чередование бессуффиксальной модели наследует древнеиндийским морфонологическим чередованиям в корне при образовании каузативов, тогда как чередование в суффиксальных моделях образования связано с редукцией гласных при переносе ударения (появившегося уже в среднеиндийский период) с корня на суффикс.

В куллуй каузативы обладают рядом особенностей:

1. В отличие от хинди, в куллуй только одна ступень каузативного словообразования.

¹ Каузативы в различных индоарийских языках исследованы в морфо-логическом, синтаксическом, семантическом и этимологическом ключе многими индологами, например [Липеровский 1984, с. 24-47, Смирнов 1976, с. 350-355, Хохлова 2010, Masica 1991, р. 315-321, Hendriksen 1986, р. 149-156]. В данном исследовании мы не ставили перед собой цели глубокого исследования семантики и синтаксиса каузативов, их переводы даны исходя из одного или нескольких данных носителями контекстов.

2. В результате акцентных особенностей куллуи, каузативное словообразование порождает омонимичные пары глаголов.
3. Смещение ударения в ряде случаев приводит к метатезе в корне, что значительно влияет на фонетический облик каузативного глагола.

Таким образом, специфика морфонологии куллуи приводит к тому, что при небольшом количестве каузативных словообразовательных моделей образованные по ним глаголы могут достаточно сильно внешне отличаться от первичных.

Некоторые особенности морфонологии

Прежде чем описывать модели словообразования, следует вкратце дать читателю представление о ряде морфонологических процессов куллуи:

1. В слове куллуи имеется четыре акцентных позиции, из которых в описании каузативов важны ударная, околоударная (непосредственное соседство с ударными гласным или отделение от него фонемой *h*) и безударная. В ударной позиции различаются фонемы *a*, *e*, *i*, *u*, *o*, *ε*, *ə*. В околоударной различимы *u*, *i*, *ə*, при этом в непосредственном соседстве с ударным гласным *u* записывается нами как *w*, *i* как *j*. При переносе ударения гласные, оказавшиеся в околоударной позиции, подвергаются следующим изменениям: *a*, *ə*, *ε* > *ə*; *e*, *i* > *i*; *o*, *u* > *u*. В безударной позиции все гласные переходят в *ə*.
2. Все неударные позиции можно разделить на сильные и слабые по правилу, аналогичному правилу Гавлика в славянских языках: при подсчёте начиная с последнего слога назад первая позиция считается слабой, следующая за слабой – сильная, следующая за сильной – слабая. В предударных слогах счёт начинается заново. В сильных позициях *ə* сохраняется, за исключением начальной позиции (позиции абсолютного начала слова или в некоторых случаях после начального *h*-). В слабых *ə* имеет тенденцию исчезать, если это не приводит к неудобопроизносимости кластера.

3. Иногда тенденция к исчезновению слабого *ə* приводит к метатезе согласных таким образом, чтобы при исчезновении *ə* кластер был удобен для произношения.
4. В некоторых случаях метатеза в сочетаниях *#VC* или *#hVC* в начале слова переводит гласный из безударной позиции в околоударную (*#CV*, *#CVh*). В этом случае гласный не исчезает, а сохраняется: *e*, *i* в виде *i/j*, *o*, *u* в виде *u/w*: *úkaṭṇa* ‘подниматься’ – *kwáṭṇa* ‘поднимать’, *hérna*² ‘смотреть’ – *riháṇa* ‘показывать’. Примеры с гласными *ə*, *ε*, *a* в аналогичных позициях демонстрируют противоречивые тенденции – в части случаев метатезы не происходит, в части она происходит не совсем стандартным образом (эти примеры будут рассмотрены ниже).

Бессуфиксальная модель

Прежде всего, можно выделить бессуфиксальную архаическую модель, восходящую к древнеиндийскому корневому чередованию, принявшему следующий вид:

$$u > o$$

Первичный глагол	Каузатив
<i>ts^huṭṇa</i> ‘скрываться’ < др.-инд. * <i>kṣuṭṇyatē</i> ‘выпускается’ ³	<i>ts^hoḍṇa</i> ‘покидать’ < др.-инд. <i>kṣōṭṇayati</i> ‘бросает’ ⁴

² Варианты *-n/-ṇ-* инфинитивного суффикса распределены следующим образом: *-n* используется после основ, оканчивающихся на *г*, *ṛ*, *ṛ^h*, *ḷ*, *ṇ*, а *-ṇ-* – после других основ. В случае основ, оканчивающихся на *ṇ*, возможна также ассимиляция последнего согласного основы *ṇ > n*.

³ Здесь и далее, если не указано иное, этимологии приведены по [Turner 1962-1966, 1969-1985]. Знак * перед праформой, согласно условным обозначениям источника, указывает, что реконструированная форма не зафиксирована в ведийских и санскритских памятниках.

⁴ Чередование *t > ḍ/ṛ* в конце корня связано с рефlekсами др.-инд. *t* в кластере и интервокальном положении. Различие *ḍ/ṛ* в куллуи, как и во многих индоарийских языках, не вполне фонологично, хотя в большинстве случаев они имеют разное происхождение (др.-инд. *-t-*, *-ḍ-* > куллуи *ṛ*,

<i>dzuṛna</i> ‘соединяться’ < др.-инд. <i>yuṭati</i> ‘соединяется’	<i>dzoṛna</i> ‘соединять, собирать’ < др.-инд. <i>*yōṭayati</i> ‘соединяет’
<i>tṣuṛna</i> ‘ломаться’ < др.-инд. <i>trūṭyati</i> ‘ломается’	<i>tṣoṛna</i> ‘ломать’ < др.-инд. <i>trōṭāyati</i> ‘ломает’
<i>k^hulṇa</i> ‘открываться’ < ср.-инд. <i>*khull-</i> ‘открываться’	<i>k^holṇa</i> ‘открывать’ < ср.-инд. <i>*khōll</i> ‘открывать’
<i>tuṛna</i> ‘поворачиваться’ < др.-инд. <i>tuṭāti</i> ‘ломает, перемалывает’	<i>toṛna</i> ‘поворачивать’ < др.-инд. <i>mōṭayati</i> ‘ломает, перемалывает’
<i>rukṇa</i> ‘останавливаться’ < ср.-инд. <i>*rukk</i> ‘останавливаться’ ⁵	<i>rokṇa</i> ‘останавливать’ < ср.-инд. <i>*rōkk</i> ‘останавливать’

i > e

Первичный глагол	Каузатив
<i>p^hirna</i> ‘вертеться’ < др.-инд. <i>*phirati</i> ‘вертится’	<i>p^herna</i> ‘поворачивать’ < др.-инд. <i>*phērayati</i> ‘поворачивает’

ɔ > a

Первичный глагол	Каузатив
<i>dz^hɔṛna</i> ‘падать’ < др.-инд. <i>*jhaṭati</i> ‘падает’	<i>dz^haṛna</i> ‘сбрасывать, сбивать с ног’ < др.-инд. <i>*jhāṭayati</i> ‘роняет’
<i>mɔrna</i> ‘умирать’ < др.-инд. <i>māratē</i> ‘умрет’	<i>maṛna</i> ‘бить, убивать’ < др.-инд. <i>mārāyati</i> ‘убивает’
<i>tsɔrṇa</i> ‘пасться’ < др.-инд. <i>cāratī</i> ‘пасётся’	<i>tsaṛna</i> ‘пасти’ < др.-инд. <i>cārāyati</i> ‘пасёт’
<i>q^hɔṛna</i> ‘падать, разливаться’ < др.-инд. <i>*dhalati</i> ‘падает’	<i>q^haṛna</i> ‘опрокидывать, разливать’ < др.-инд. <i>*dhālayati</i> ‘роняет’

др.-инд. *-dd-* > *q*). Глагольная пара *ts^huṭṇa* – *ts^hoḍṇa* в куллуи, по-видимому, заимствована из другого индоарийского идиома, так как историческая фонетика куллуи предполагает иной звуковой облик этих глаголов: *t^huṭṇa* – *t^hoṭṇa*.

⁵ В словаре [Turner 1962-1966, 1969-1985] имеется только **rōkk* как переходный вариант корня, однако из ряда приводимых им примеров (Н. *rukṇā* ‘to be stopped’, WPaḥ.ktg. *rukṇō* ‘to stop, be stopped’, J. *rukṇu*) можно сделать вывод о восстановлении для среднеиндийского уровня непереходного глагола с нулевой ступенью чередования в корне).

Кроме того, исторически к этой же модели можно отнести семантически разошедшуюся и не осознаваемую носителями пару:

Первичный глагол	Производный глагол
<i>dzə/na</i> ‘завидовать, ревновать’ < др.-инд. <i>jvālati</i> ‘горит, сияет’	<i>dza/na</i> ‘жечь’ < др.-инд. <i>jvālayati</i> ‘жжёт’

Не все такие пары восходят к собственно древнеиндийским. Например, в паре *pə/na* ‘расти, воспитываться’ – *pa/na* ‘держаться, воспитывать’ < др.-инд. *pālāyati* ‘хранит, защищает’ *pə/na* является вторичным образованием по аналогии, так как этимология *pālāyati* не предполагает, что гласный первого слога может быть чередующимся элементом глагольного корня [Turner 1962-1966, 1969-1985, p. 459]. Ещё несколько осознаваемых носителями пар глаголов являются результатами сближения этимологически разных глаголов, примыкающими к этой модели, что заметно и по их фонетическому несоответствию общим правилам чередования:

Первичный глагол	Каузатив
<i>bikṇa</i> ‘продаваться’ < др.-инд. <i>vikrīyatē</i> ‘продаётся’	<i>betsṇa</i> ‘продавать’ < др.-инд. <i>*vētyayati</i> ‘назначает цену’
<i>raṣṇa</i> ‘пропадать’ < др.-инд. <i>rīṣyati</i> ‘страдает’ (корневой гласный изменился, видимо, под влиянием контаминации с <i>rahṇa</i> ‘терять’)	<i>rahṇa</i> ‘терять’ < др.-инд. <i>*rāpayati</i> ‘отпускает’, <i>h</i> , видимо, в результате контаминации с <i>hārayati</i> ‘теряет’
<i>p^huṭṇa</i> ‘взрываться’ < др.-инд. <i>*sphuṭyati</i> ‘взрывается’	<i>p^ha/na</i> ‘взрывать’ < др.-инд. <i>phālayati</i> ‘взрывает’

В случае двусложных глагольных основ удлинение второго слога в бессуфиксальной модели приводит к сдвигу ударения и ослаблению корневого гласного. Поскольку все немногочисленные двусложные глаголы, образующие каузатив по этой модели, начинаются на гласный, ослабление корневого гласного приводит к метатезе, в результате которой он попадает в околоударную позицию и сохраняется в виде глайда (*u*, *o* > *w*):

Первичный глагол	Каузатив
<i>ukə/na</i> ‘подниматься’ < др.-инд. * <i>utkalati</i> ‘выходит, поднимается’	<i>kwa/na</i> ‘поднимать’ < др.-инд. <i>utkālayati</i> ‘выводит’
<i>osṇa</i> (перфектив <i>os/u</i> , основа <i>osə/(-)</i> ‘спускаться’ < др.-инд. * <i>avasalati</i> ‘спрыгивает’	<i>swa/na</i> ‘спускать’ < др.-инд. * <i>avasālayati</i> (у Тёрнера этимологии нет, праформа восстановлена автором статьи самостоятельно)
<i>ubə/na</i> ‘кипеть, вариться’ < др.-инд. * <i>ubbal</i> ‘кипеть’	<i>bwa/na</i> ‘кипятить, варить’ < др.-инд. * <i>ubbāl-</i> ‘кипятить’
<i>utsə/na</i> ‘облезать, лупиться’ < др.-инд. <i>uccaṭati</i> ‘отходит’	<i>tswa/na</i> ‘лущить, чистить’ < др.-инд. <i>uccāṭayati</i> ‘отгоняет’

Сюда же относится и случай *udzə/na* ‘разрушаться’ (др.-инд. **ujjaṭati* ‘вырывается с корнем’) – гипотетический каузатив ***dzwa/na* ‘портить’ (др.-инд. **ujjāṭayati* ‘вырывает с корнем’, однако зафиксировано только отглагольное имя *dzwaṛ* ‘потрава всходов скотом’). В одном случае, однако, метатезы не произошло, информант дал пару глаголов, полностью параллельную соответствующей паре в хинди: *utərna* ‘спускаться’ (< др.-инд. *ūtṭarati* ‘спускается’) – *utarna* ‘спускать’ (< др.-инд. *utīārayati* ‘спускает’). Форма перфекта ***twaru* от предположительного каузативного глагола ***twarna* была отвергнута информантом на основании омонимии с существительным *twaru* ‘человек, родившийся в воскресенье’.

Основная модель с суффиксом -а-

Наиболее продуктивный каузативный суффикс в куллуи – -а-, с его помощью образовано около двух третей глаголов. При этом все без исключения каузативные суффиксы куллуи содержат долгий гласный, что автоматически приводит к переносу ударения на суффикс. Поэтому все суффиксальные модели образования влекут за собой одни и те же морфонологические изменения в корне, уже не связанные с древнеиндийскими, а напрямую вытекающие из переноса ударения. Вначале мы проиллюстрируем происходящие процессы на примере образований с суффиксом -а-, а затем рассмотрим другие, менее распространённые случаи. Поскольку чередования глас-

ных в корне в суффиксальных моделях связаны не с древнеиндийской морфонологией, а с ударением, развившимся в индоарийских языках в среднеиндийский период и действующим в куллуи на синхронном уровне, далее в этимологиях, за исключением отдельных сложных случаев, нет необходимости. Происхождение самого суффикса *-a-* связано со ср.-инд. каузативным показателем *-āve-*, и, далее, с др.-инд. каузативным показателем *-āraṇa-*, см. [Masica 1991, p. 318].

Односложные основы: в закрытых основах типа *CVC(C)* корневой гласный, оказываясь в слабой безударной позиции, переходит в *ə*, а если требование удобопроизносимости этому не противоречит, как правило, исчезает вовсе.

Первичный глагол	Каузатив
<i>badzŋa</i> ‘звучать (о музыкальном инструменте)’	<i>bədzəŋa</i> ‘играть (на музыкальном инструменте)’
<i>bədzŋa</i> ‘ударяться’	<i>bədzəŋa</i> ‘ударять’
<i>buŋŋa</i> ‘ткать’	<i>bŋəŋa</i> ‘поручать ткать’
<i>bəfŋa</i> ‘садиться’	<i>bəfəŋa</i> ‘сажать’
<i>bəŋŋa</i> ‘становиться’	<i>bŋəŋa</i> ‘делать’
<i>bɛɽ^hna</i> ‘увеличиваться, размножаться’	<i>bɛɽ^həŋa</i> ‘увеличивать, разводить’
<i>bətsŋa</i> ‘спасаться’	<i>bətsəŋa</i> ‘спасать’
<i>b^hɛgŋa</i> ‘бежать’	<i>b^həgəŋa</i> ‘прогонять’
<i>b^həkŋa</i> ‘гореть’	<i>b^həkəŋa</i> ‘жечь’
<i>dzəmŋa</i> ‘замерзать’	<i>dzəməŋa</i> ‘замораживать’
<i>dzitŋa</i> ‘побеждать’	<i>dzətəŋa</i> ‘помогать побеждать’
<i>q^hə/ŋa</i> ‘падать, разливаться’	<i>q^hə/əŋa</i> ‘ронять, разливать’
<i>qɽŋa</i> ‘бояться’	<i>qɽəŋa</i> ‘пугать’
<i>g^hɛŋŋa</i> ‘снижаться’	<i>g^həŋəŋa</i> ‘уменьшать’
<i>g^ho/ŋa</i> ‘смешивать’	<i>g^h/əŋa</i> ‘поручать смешивать’
<i>hə/ŋa</i> ‘пахать’	<i>hə/əŋa</i> ‘поручать пахать’
<i>harna</i> ‘терпеть поражение’	<i>hərəŋa</i> ‘наносить поражение’
<i>kətŋa</i> ‘прясть’	<i>kətəŋa</i> ‘поручать прясть’
<i>kaɽŋa</i> ‘резать’	<i>kəɽəŋa</i> ‘поручать резать’
<i>k^hɛŋkŋa</i> ‘звенеть (издавать звон)’	<i>k^hənkaŋa</i> ‘звенеть чем-либо’

<i>k^hel^hna</i> ‘играть’	<i>k^hla^hna</i> ‘побуждать играть’
<i>kerna</i> ‘делать’	<i>kra^hna</i> ‘поручать делать’
<i>lang^hna</i> ‘пересекать’	<i>la^hng^hana</i> ‘помогать пересечь’
<i>lik^hna</i> ‘писать’	<i>la^hk^hana</i> ‘диктовать’
<i>le^hna</i> ‘драться’	<i>la^hra^hna</i> ‘стравливать’
<i>le^hna</i> ‘ложиться’	<i>la^hta^hna</i> ‘класть’
<i>ma^hna</i> ‘молотить’	<i>ma^hna^hna</i> ‘поручать молотить’
<i>ni^hna</i> ‘полоть’	<i>ni^hna^hna</i> ‘поручать полоть’
<i>na^htsa^hna</i> ‘танцевать’	<i>na^htsa^hna</i> ‘побуждать танцевать’
<i>pa^hdz^hna</i> ‘всходить о растениях’	<i>pa^hdz^hna</i> ‘растить’
<i>pu^hdza^hna</i> ‘добираться’	<i>pa^hdza^hna</i> ‘доставлять’
<i>pa^hk^hna</i> ‘готовиться’	<i>pa^hka^hna</i> ‘готовить’
<i>pa^hes^hna</i> ‘застрывать’	<i>pa^hsa^hna</i> ‘заталкивать’
<i>pa^hra^hna</i> ‘учиться’	<i>pa^hra^hna</i> ‘учить’
<i>re^hna</i> ‘учить наизусть’	<i>ra^hna</i> ‘побуждать учить наизусть’
<i>sa^hd^hna</i> ‘приглашать’	<i>sa^hd^hna</i> ‘приглашать через кого-то’
<i>sa^hdza^hna</i> ‘быть нарядным’	<i>sa^hdza^hna</i> ‘украшать’
<i>si^hk^hna</i> ‘отодвигаться, уходить’	<i>sa^hka^hna</i> ‘отодвигать’
<i>si^hk^hna</i> ‘изучать’	<i>sa^hk^hna</i> ‘учить’
<i>si^hna</i> ‘слышать’	<i>sa^hna</i> ‘рассказывать, исполнять’
<i>sa^hra^hna</i> ‘падать’	<i>sa^hra^hna</i> ‘сбрасывать’
<i>ti^hk^hna</i> ‘пускать корни’	<i>ti^hka^hna</i> ‘проращивать’
<i>ta^hng^hna</i> ‘вешать’	<i>ta^hng^hna</i> ‘поручать повесить’
<i>ti^hek^hna</i> ‘уставать’	<i>ti^heka^hna</i> ‘утомлять’
<i>ti^hen^hka^hna</i> ‘звенеть (о предмете)’	<i>ti^hen^hka^hna</i> ‘звенеть чем-либо’
<i>ti^ham^hna</i> ‘быть установленным’	<i>ti^hama^hna</i> ‘устанавливать’
<i>ti^hap^hna</i> ‘обмазывать (стену глиной)’	<i>ti^hapa^hna</i> ‘поручать обмазывать’
<i>ti^hurna</i> ‘бежать’	<i>ti^hra^hna</i> ‘прогонять’
<i>ti^hla^hna</i> ‘качаться’	<i>ti^hla^hna</i> ‘качать’
<i>ti^horna</i> ‘пересекать’	<i>ti^hora^hna</i> ‘помогать пересечь’
<i>tsa^hk^hna</i> ‘пробовать’	<i>tsa^hk^hna</i> ‘давать пробовать’
<i>tsa^hna</i> ‘качаться’	<i>tsa^hna</i> ‘качать’
<i>tsirna</i> ‘пилить’	<i>tsira^hna</i> ‘поручать пилить’

То же происходит и с прикрытым гласным второго слога двусложных основ, при этом он в слабой позиции всегда исчезает, так как слогораздел проходит между первым и вторым элементами образовавшегося кластера. Гласный первого слога оказывается в сильной безударной позиции и сохраняется в виде *ə*:

Первичный глагол	Каузатив
<i>bədəlɲa</i> ‘меняться’	<i>bədlaɲa</i> ‘менять’
<i>bʰeɾəkɲa</i> ‘жаловаться’	<i>bʰəɾkaɲa</i> ‘настраивать кого-то против кого-то’
<i>dʰeməkɲa</i> ‘пугаться’	<i>dʰəmkaɲa</i> ‘угрожать’
<i>kʰeɾəkɲa</i> ‘издавать стук’	<i>kʰəɾkaɲa</i> ‘стучать чем-либо’
<i>pəɾɪkɲa</i> ‘прыгать’	<i>pəɾkaɲa</i> ‘бить’ (семантика изменена, тем не менее этимологическая связь прозрачна для информанта)
<i>tseməkɲa</i> ‘сиять’	<i>tsəmkaɲa</i> ‘заставлять сиять’

В немногочисленных открытых основах корневые гласные, оказываясь в околударной позиции (в непосредственном соседстве с ударным гласным), подвергаются следующим изменениям:

o > w

Первичный глагол	Каузатив
<i>dʰoɲa</i> ‘мыть’	<i>dʰwaɲa</i> ‘поручать мыть’
<i>dʰoɲa</i> ‘носить’	<i>dʰwaɲa</i> ‘поручать носить’
<i>roɲa</i> ‘плакать’	<i>rwaɲa</i> ‘заставлять плакать’
<i>soɲa</i> ‘спать’	<i>swaɲa</i> ‘усыплять’

i > j

Первичный глагол	Каузатив
<i>bʰiɾiɲa</i> ‘драться (о быках)’	<i>bʰəɾjaɲa</i> ‘стравливать’
<i>dziɲa</i> ‘жить’	<i>dzjaɲa</i> ‘спасать жизнь’
<i>godzʰiɲa</i> ‘прятаться’	<i>gədzʰjaɲa</i> ‘прятать’
<i>piɲa</i> ‘пить’	<i>pjaɲa</i> ‘поить’

Начальный гласный в двусложной основе закономерно исчезает:

Первичный глагол	Каузатив
<i>uɾəkɲa</i> ‘спотыкаться’	<i>ɾəkɲa</i> ‘ставить подножку’

Также имеются четыре глагола, каузативы которых нарушают общие правила чередования гласных, и, по-видимому, заимствованы из хинди:

Первичный глагол	Каузатив
<i>ulɬɲa</i> ‘переворачиваться’	<i>ulɬaɲa</i> ‘переворачивать’ (вместо **lɛɬɲaɲa)
<i>uɖɲa</i> ‘летать’	<i>uɾaɲa</i> ‘прогонять птицу’ (вместо **ɖwaɲa)
<i>hɔsɲa</i> ‘смеяться’	<i>hɔsaɲa</i> ‘смешить’ (вместо **həsɲaɲa)
<i>g^humɲa</i> ‘гулять’	<i>g^humaɲa</i> ‘выгуливать’ (вместо **g^həmaɲa)
<i>k^hisəkɲa</i> ‘двигаться’	<i>k^hiskaɲa</i> ‘двигать’ (вместо **k^həskaɲa)

Ещё одна пара, не имеющая параллели в хинди, – *mukɲa* ‘заканчиваться’ – *mukaɲa* ‘заканчивать’. Здесь отклонение, по-видимому, связано с тем, что фонетически правильный каузатив *məkɲa* семантически устоялся в значении ‘убивать’, и *mukaɲa* представляет собой новое (возможно, окказиональное) образование с более точной каузативной семантикой по аналогии с фонетикой хинди.

Основы с начальным *h-* в некоторых случаях ведут себя аналогично основам на гласный и подвергаются метатезе:

Первичный глагол	Каузатив
<i>herna</i> ‘смотреть’	<i>rihaɲa</i> ‘показывать’
<i>hɔɖɲa</i> ‘испражняться’	<i>gihaɲa</i> ‘побуждать испражняться’ ⁶

⁶ Изменение корневого гласного в данном случае может объясняться аналогией с каузативами с суффиксом *-ja-*, к которым относится семантически близкий глагол *mɛɬjaɲa* ‘побуждать мочиться’ и фонетически близкий (происходящий от открытой первичной основы *k^ha-* ‘есть’) *k^hjaɲa* ‘кормить’, т.е. ****gəh** здесь может вести себя подобно открытому корню.

К этим случаям можно отнести и третий, где собственно метатеза неочевидна, так как происходит «восстановление» этимологического *h-*:

Первичный глагол	Каузатив
<i>ɕŋdŋa</i> ‘гулять’ (вариант у других носителей <i>hɕŋdŋa</i>)	<i>dʰəŋaŋa</i> ‘выгуливать’

В данной паре наблюдается сразу несколько морфонологических явлений:

- 1) «восстановление» этимологического начального *h-* (< др.-инд. **haŋt-* ‘двигаться’);
- 2) переход *ɕ > ə* в безударной позиции;
- 3) метатеза *hŋd > dʰŋ*;
- 4) вставка эпентетического *ə* после звонкого придыхания перед согласным.

Всё это делает форму не вполне регулярной, ожидалась бы форма ***dŋaŋa*.

Другие суффиксы

-ja-:

Первичный глагол	Каузатив
<i>kʰaŋa</i> ‘есть’	<i>kʰjaŋa</i> ‘кормить’
<i>ʃuŋa</i> ‘слушать’	<i>ʃəŋjaŋa</i> ‘рассказывать, исполнять’
<i>mutʃa</i> ‘мочиться’	<i>mətʃjaŋa</i> ‘побуждать мочиться’
<i>siŋa</i> ‘нюхать’	<i>səŋjaŋa</i> ‘давать понюхать’

-la-:

Первичный глагол	Каузатив
<i>deŋa</i> ‘давать’	<i>dlaŋa</i> ‘передавать через кого-то’
<i>sīŋa</i> ‘шить’	<i>slaŋa</i> ‘поручать шить’

-e- (по-видимому, реликт ср.-инд. каузативного показателя *-e-* < др.-инд. каузативного показателя *-aya-*):

Первичный глагол	Каузатив
<i>duk^hηa</i> ‘болеть’	<i>dək^heηa</i> ‘мучить’
<i>siŋηa</i> ‘вариться’	<i>sŋeηa</i> ‘варить’
<i>ʃukηa</i> ‘сохнуть’	<i>ʃkeηa</i> ‘сушить’
<i>qubηa</i> ‘тонуть’	<i>qəbeηa</i> ‘топить’
<i>p^hiŋηa</i> ‘погибать’	<i>p^hŋeηa</i> ‘изводить, морить’

-er-:

Первичный глагол	Каузатив
<i>ts^huŋηa</i> ‘скрываться’	<i>ts^həŋerna</i> ‘покидать’
<i>t^həpŋa</i> ‘выкипать’	<i>t^həperna</i> ‘позволять выкипеть’
<i>t^həkŋa</i> ‘гниль’	<i>t^həkerna</i> ‘гноить’
<i>ts^hidzŋa</i> ‘трескаться’	<i>ts^hədzerna</i> ‘растрескивать’
<i>səmbəŋna</i> ‘проходить о болезни’	<i>səmbreŋna</i> ‘вылечиваться’
<i>ub^həŋna</i> ‘входить в транс’	<i>b^hrerna</i> ‘поручать войти в транс’
<i>əpəŋna</i> ‘помещаться’	<i>pɾerna</i> ‘класть’
<i>əŋna</i> ‘падать’	<i>reŋna</i> ‘ронять’ ⁷

Уникальные суффиксы

-aŋ-:

nib^hηa ‘заканчиваться’ – *nəb^haŋna* ‘изводить, заканчивать’.

-aŋ-:

hiŋηa ‘гаснуть’ – *ʃaŋna* ‘гасить’ < ***həʃaŋna*.

-o- (видимо, происходит из ср.-инд. -āve- < др.-инд. -āpaya-, см. [Masica 318]):

siŋηa ‘вариться’ – *sŋoŋa* ‘варить’.

⁷ В последнем случае метатеза *reŋna* < ***ŋerna* связана, по-видимому, с тем, что начальное / не характерно для куллуи, есть только один сомнительный пример в словаре.

Дублиеты и омонимия

Как можно заметить, некоторые первичные глаголы образуют несколько каузативов:

Первичный глагол	Каузатив	Каузатив
<i>qʰɔ/na</i> ‘падать, разливаться’	<i>qʰa/na</i> ‘опрокидывать, разливать’	<i>qʰə/laŋa</i> ‘опрокидывать, разливать’
<i>ʃuŋna</i> ‘слушать’	<i>ʃŋaŋa</i> ‘рассказывать, исполнять’	<i>ʃəŋjaŋa</i> ‘рассказывать, исполнять’
<i>tsʰuŋa</i> ‘скрываться’	<i>tsʰoqŋa</i> ‘покидать’	<i>tsʰəterna</i> ‘покидать’
<i>siŋa</i> ‘вариться’	<i>steŋa</i> ‘варить’	<i>stoŋa</i> ‘варить’

Также имеется пара семантически разошедшихся морфологических каузативов от *tukŋa* ‘заканчиваться’ – *tukaŋa* ‘заканчивать’ и *təkaŋa* ‘убивать’.

В то же время изменение корневого гласного в безударной позиции приводит к омонимии каузативов:

Первичный глагол	Каузатив
<i>badzŋa</i> ‘звучать (о музыкальном инструменте)’ < др.-инд. <i>vādyatē</i> ‘звучит’	<i>bədzəŋa</i> ‘играть (на музыкальном инструменте)’
<i>bədzŋa</i> ‘ударяться’ < др.-инд. <i>vadhyatē</i> ‘ударяется’	<i>bədzəŋa</i> ‘ударять’
<i>bəŋa</i> ‘становиться’ < др.-инд. <i>vānati</i> , <i>vanōti</i> ‘получает, готовит’	<i>bŋaŋa</i> ‘делать’
<i>buŋa</i> ‘ткать’ < др.-инд. <i>*vināti</i> ‘ткёт’	<i>bŋaŋa</i> ‘поручать ткать’

Возможно, в действительности омонимия каузативов распространена ещё шире, однако при элицитации носитель сознательно её избегал и во многих случаях передавал каузативное значение аналитической конструкцией.

Сдвиг модели

Кроме каузативного словообразования, в куллуи имеется синтетический пассив, образуемый от переходных глаголов регулярным способом – путём добавления суффикса *-i-* в инфинитиве и *-u-* в ряде других форм: *tangṇa* ‘вешать’ – *tangiṇa* ‘быть повешенным’. При этом формально такие глаголы сходны с отыменными: *dah* ‘боль’ > *dahiṇa* ‘болеть’. По наблюдению нашей коллеги Е.А. Ренковской, высказанному в устной беседе, в некоторых случаях наблюдается сдвиг модели управления, когда пара «первичный непереходный глагол – каузатив» заменяется парой «пассив – переходный первичный глагол»: *g^huṣṇa* ‘тереться’ – *g^həṣṇa* ‘тереть’ в речи части носителей заменяется на *g^huṣṇa* ‘тереться’ – *g^huṣṇa* ‘тереть’. При этом собственно лабильности глаголов в речи одного и того же носителя замечено не было.

Заключение

Куллуи – бесписьменный язык, сравнительно архаичный даже среди других идиомов химачали, и хотя его каузативная система на первый взгляд не так богата, как в хинди (включает лишь пары глаголов, а не трёх- и четырёхэлементные цепочки), разнообразие морфологии его каузативов представляет собой богатый материал для внутренней и внешней реконструкции. Частичное замещение архаичной и морфонологически нетривиальной каузативной системы на систему с использованием пассивного суффикса *-i/-u-* требует от полевых исследователей скорейшей фиксации и анализа старых каузативов, всё ещё бытующих в устной речи носителей.

Условные обозначения

** – гипотетические формы куллуи, не зафиксированные у носителей.

< – диахроническая этимология.

> – синхронные чередования или словообразование.

др.-инд. – реконструированный праиндоарийский, частично отражённый в ведийских и санскритских памятниках.

ср.-инд. – общесреднеиндийский, частично отражённый в среднеиндийских памятниках.

Литература

1. Липеровский В.П. *Глагол в языке хинди*. М.: Наука, 1984 — 232 с.
2. Мазурова Ю.В. Малые индоарийские языки Северной Индии: язык куллуи // *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*, № 4, 2018. С. 82-91.
3. Смирнов Ю.А. *Грамматика языка панджаби*. М.: Наука, 1976 — 479 с.
4. Хохлова Л.В. Каузативные глаголы в западных новоиндийских языках (хинди-урду, панджаби, гуджарати, раджастхани) // *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. 2010. №3 С. 3-26.
5. Hendriksen, Hans. *Himachali studies. III Grammar*. København: Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, 1986. — 228 p.
6. Masica, Colin. *The Indo-Aryan languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. — 539 p.
7. Turner, Ralph. *A Comparative dictionary of the Indo-Aryan languages*. London: Oxford University Press, 1962-1966. Includes three supplements, published 1969-1985. — 841 p.

Новые данные о диалектах языка куллуи (по материалам экспедиций 2022-2023 гг.)

Евгения Алексеевна Ренковская

Институт языкознания РАН, Москва, Россия,

erenkovskaya@iling-ran.ru, ORCID 0000-0003-1944-0746

Аннотация. Статья обобщает новые полевые данные по диалектам языка куллуи, полученные в ходе экспедиций 2022-2023 гг. в штат Химачал-Прадеш (Индия). На основании новых материалов стало возможным подтвердить, а в некоторых случаях уточнить границы ареала куллуи, приведенного в работе Дж. Гривсона “Linguistic Survey of India”. Помимо изученных ранее центрального и северного диалектов куллуи были выделены кангрийский диалект и южный (мандийский) диалектный кластер.

Ключевые слова: язык куллуи, индоарийские языки, диалектология

New data on the Kullui dialects (based on the materials of the field trips of 2022-2023)

Evgeniya A. Renkovskaya

Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia,

erenkovskaya@iling-ran.ru, ORCID 0000-0003-1944-0746

Abstract. The paper summarizes new field data on the Kullui dialects obtained during two field trips to Himachal Pradesh (India) in 2022-2023. Based on new materials, it became possible to confirm and, in some cases, to clarify the boundaries of Kullui-speaking area given in G.A. Grierson's “Linguistic survey of India”. In addition to the previously studied central and northern dialects of Kullui, the Kangra dialect as well as the southern (Mandi) dialect cluster were identified.

Keywords: Kullui language, Indo-Aryan languages, dialectology

Настоящая статья посвящена диалектам языкам куллуи и является второй работой в ряду диалектологических исследований куллуи, следуя за [Ренковская 2020]. В основу статьи легли данные

о диалектах куллуи, полученные в ходе двух экспедиций в округа Куллу, Манди и Кангра в 2022-2023¹ гг. Диалектологическая часть экспедиций была посвящена уточнению ареала распространения языка куллуи, а также сбору диалектной информации и выявлению фонетических и грамматических изоглосс, лежащих в основе диалектного членения.

Язык куллуи – это индоарийский язык, относящийся к группе языков химачали. Основным ареалом его распространения является округ Куллу штата Химачал-Прадеш, Индия, однако куллуязычные регионы отмечаются также в округах Манди и Кангра. Одна из первых языковых карт, где отмечаются ареалы распространения идиомов химачали и, в частности, ареал языка куллуи, приведена в классической работе “Linguistic Survey of India” Дж. Грирсона [Grierson 1916, p. 73] (рис. 1). Ареал куллуи, согласно карте, по большей части располагается в долине Куллу по верхнему течению реки Беас, начинаясь на севере у истока реки – южного склона перевала Рохтанг – и простираясь на 73 км на юг вплоть до стоящей на реке д. Баджаура. Помимо долины Куллу ареал куллуи охватывает долину Парвати на востоке и регион Чхота Бхангал на северо-западе. Куллуи граничит с другими языками химачали – мандеали на западе, сейнджи и внутренним сираджи на юге, а также с тибето-бирманскими идиомами на востоке и северо-востоке.

О диалектах куллуи до настоящего момента практически ничего не было известно. Основные существующие описания этого языка базировались на диалекте столицы округа – г. Куллу, см. [Ranganatha 1971, Thakur 1975, Sharma 2014]. При этом в некоторых работах содержались краткие упоминания диалектных особенностей, как, например, отличное от диалекта г. Куллу образование причастий в диалекте долины Лаг в [Thakur 1975] и др. В работе [Ренковская 2020] на основании полевых данных была впервые представлена

¹ В экспедиции 2022 г. (март) работа велась в дд. Маникаран, Баджаура (округ Куллу), Аут, Тихри (округ Манди). Участники: Ренковская Е.А., Крылова А.С. В экспедиции 2023 г. (июнь) работа проводилась в дд. Наггар, Сачани (округ Куллу), Лохарди, Свар (округ Кангра). Участники: Ренковская Е.А., Крылова А.С., Спектор И.Б., Корженевская А.Ю., Мельникова К.А.

информация о двух диалектах куллу: центральном и северном, а также высказаны предположения о существовании южного и юго-западного диалектов.

Рисунок 1. Ареал языка куллу и соседних с ним языков на карте Дж. Гирсона [Grierson 1916, p. 73].

Центральный и северный диалекты были исследованы нами достаточно подробно в ходе экспедиций в округ Куллу в 2014, 2016, 2017 и 2018 гг. Материалы по центральному диалекту были собраны от жителей г. Куллу, а также дд. Наггар, Тхава, Нашала, Башинг,

Катрейн, Джагатсукх, Сума и Бхальяни. Почти все эти населенные пункты находятся в верхнем течении реки Беас недалеко от самой реки, а дд. Сума и Бхальяни располагаются в долине Лаг. Работа с северным диалектом велась в г. Манали, а также в дд. Баруа, Котхи, Палчайн, Шанаг и Каньял. В ходе работы были выявлены изоглоссы, на основании которых стало возможным выделить эти два диалекта (подробнее см. [Ренковская 2020]). Получилось установить, что ареал северного диалекта занимает территорию начиная примерно от истоков р. Беас вплоть до д. Джагатсукх. Предположения о существовании южного и юго-западного диалектов были сделаны на основании имеющихся на тот момент фрагментарных языковых данных из двух населенных пунктов – д. Баджаура (именно она, согласно карте [Grierson 1916, p. 73], является крайней точкой ареала куллуи по р. Беас) и д. Чахал в округе Манди (примерно в 5 км от р. Уль). Языковой материал из д. Чахал, а именно его определение как куллуи, вызвал особый интерес, поскольку на карте распространения языков химачали Грирсона граница куллуи и мандеали проведена непосредственно по границе округов Куллу и Манди, и окрестности д. Чахал, таким образом, попадают в ареал мандеали.

В задачи экспедиций 2022-2023 гг. входило прежде всего уточнить ареал распространения куллуи, приведенный на карте Грирсона. Для этого отдельные выезды были организованы в долину Парвати, а также в регион Чхота Бхангал, который располагается на территории еще одного округа штата Химачал-Прадеш – Кангра. Несмотря на то, что на карте Грирсона регион Чхота Бхангал включен в ареал куллуи и создается впечатление непрерывного языкового ареала, сам регион не просто находится в другом округе, но и отделен от округа Куллу горной грядой, преодолеть которую возможно только пешком через перевалы. Грирсон так описывает этот регион: «На севере Манди располагается регион Чхота Бхангал... Этот регион практически необитаем и разделен на две части горной грядой, идущей с севера на юг. Язык немногих жителей 18 поселков восточной части Чхота Бхангала – это куллуи, в большей или меньшей степени смешанный с мандеали» [Grierson 1916, p. 715]. Влияние мандеали здесь объясняется тем, что регион Чхота Бхангал расположен в округе Кангра на пограничной с округом Манди террито-

рии. При этом, по словам Грирсона, западная часть Чхота Бхангала, известная также как Бир Бхангал, относится к ареалу языка кангри [Grierson 1916, p. 669]. Однако поскольку ареал распространения кангри отделяется от Чхота Бхангала горами, то контактного влияния кангри на местный куллуи не отмечается.

С учетом всех этих подробностей поездка в регион Чхота Бхангал с целью полевой работы представлялась некоторым лингвистическим вызовом. Если еще в начале XX в. данная местность характеризовалась как 18 разбросанных по горам поселков с небольшим количеством жителей, которые говорили на куллуи, смешанном с мандеали, то возможность встретить там носителей куллуи в настоящее время, более чем 100 лет спустя, гипотетически сводилась к нулю. Несмотря на это, было принято решение проверить ареал, указанный Грирсоном, и при определении встреченных идиомов как куллуи попытаться разобраться с их диалектной принадлежностью при помощи выявления изоглосс.

Другой задачей экспедиций было уточнить сделанное нами ранее предположение о существовании южного и юго-западного диалектов, а также выяснить, действительно ли куллуи распространяется за пределы ареала, указанного Грирсоном, и заходит на территорию округа Манди. Отдельно ставилась задача исследовать идиомы, относящиеся к зоне контактов с близкородственными языками химачали на юге и юго-западе куллуиязычного ареала – сейнджи, внутренним сираджи, мандеали.

В марте 2022 г. были осуществлены выезды в дд. Маникаран, Баджаура, Аут и Тихри, а также был получен материал от носителя куллуи из д. Баханди. Деревня Маникаран представляет собой одно из широко известных паломнических и туристических мест в долине Парвати. Работа с диалектом д. Маникаран показала, что этот диалект практически не отличается от центрального. Это подтверждают и сами местные жители, говоря, что куллуи долины Парвати не имеет различий с языком долины Куллу. Таким образом, ареал долины Парвати можно отнести к ареалу распространения центрального диалекта куллуи.

В д. Баджаура, указанной Дж. Грирсоном как пограничный пункт ареала куллуи по р. Беас, диалект которой был предположительно классифицирован нами как «южный» в [Ренковская 2020] на

основании небольшого количества данных, на этот раз была проведена более детальная работа. Подробное исследование диалекта Баджауры показало, что, несмотря на наличие в нем «южных» черт (типологически схожих с особенностями языков внутренних сираджи и сейнджи), сам диалект по большинству изоглосс может все-таки считаться центральным. Некоторые из особенностей диалекта Баджауры отличают его от центрального, при этом характерны для многих, если не для большинства остальных диалектов куллуи. В диалекте Баджауры можно отметить, например, свободное варьирование копул *sa~si* с преобладанием *sa*. При этом подобное варьирование, а иногда и полное отсутствие *si* характерно для всех диалектов куллуи кроме центрального, выработавшего систему распределения копул: SG *sa* – PL *si*. Еще Даянанд Шарма (Сарасват), будучи родом из Бхунтара (город южнее Куллу), в своем описании куллуи [Sharma 2014] с некоторой долей удивления пишет, что остальные авторы описаний куллуи упоминают плюральную копулу *si*, тогда как существует только *sa* для обоих чисел. При этом сама его работа посвящена центральному диалекту, и других принципиальных отличий его языкового материала от данных остальных описаний не наблюдается. Показатели перфективного причастия в диалекте Баджауры имеют формы M *-ira*, F *-iri*, PL *-ire*², тогда как в центральном диалекте эти показатели выглядят как M *-uda*, F *-idi*, PL *-ede*. При этом такие же показатели перфективного причастия присутствуют в диалекте долины Лаг, и это единственное его отличие от центрального [Ренковская 2020]. Некоторые «южные» черты действительно отмечаются в диалекте Баджауры, как, например, образование конверба при помощи форманта *kerija* (букв. ‘делая’, аналогично конвербам в сейнджи и внутреннем сираджи), однако таких черт сравнительно немного.

Гипотеза о наличии южного и юго-западного диалектов или, по крайней мере, южного кластера диалектов, высказанная в [Ренковская 2020], подтвердилась на материале новых данных. Выезды в д. Аут, д. Тихри и общение с носителем идиома д. Баханди показа-

² Транскрипция в данной работе незначительно отличается от транскрипции в [Ренковская 2020], это связано с уточненными данными по фонетике и фонологии куллуи.

ли, что куллуи на юге и юго-западе действительно выходит за пределы ареала, очерченного Гирсоном, занимая некоторые регионы округа Манди. Так, деревни Аут, Баханди и Тихри располагаются на территории округа Манди. Жители этих деревень называют свой язык «мандеали», хотя по основным изоглоссам, выделенным в [Hendriksen 1986, p. 192], их язык относится к куллуи. Феномен языковой идентичности регионов с индоарийским континуумом в Индии предполагает, что в представлении носителей между вернакулярными языками не существует четких границ, и язык чаще всего определяется по местности, где он распространен. Наиболее типичные самоназвания языков как на территории округа Куллу, так и во многих других округах штата Химачал-Прадеш – это *defi* ‘местный’ или его английский аналог *local*. Принятый на уровне государства лингвистический дискурс Индии в случае штатов с хинди в качестве официального языка (каковым является Химачал-Прадеш) относит все вернакулярные индоарийские языки к диалектам хинди, а иногда просто к «диалектам» (в индийской англоязычной терминологии – *dialect*) – идиомам, не имеющим официального статуса, и, таким образом, «не дотягивающим» до уровня языка и не заслуживающим внимания. Поэтому у вернакулярных языков по сути нет общепринятых официальных названий. Таким образом, лингвоним «куллуи» (букв. куллуйский) в представлении жителей штата Химачал-Прадеш относится не к конкретному языку, а к языковому идиому, на котором говорят в округе Куллу. Соответственно все идиомы на территории округа Манди считаются мандеали. Если д. Аут более-менее связана транспортной инфраструктурой с округом Куллу, то дд. Тихри и Чахал, находящиеся на юго-западе от основного ареала куллуи, имеют не слишком развитое сообщение с Куллу (общественный автобус из д. Баджаура в этот регион ходит всего один раз в день). Социальная и торговая жизнь в этом регионе связана с одноименной столицей округа Манди – городом Манди. С точки зрения языковой идентичности носители мандийских диалектов куллуи не связывают себя с языком куллуи, а считают себя носителями мандеали, отдавая себе при этом отчет, что их идиом отличается от идиома, распространенного в г. Манди и других ареалах округа. Диалект дд. Аут и Баханди, расположенных ближе к округу Куллу, несколько отличается от идиома, распространен-

ного в дд. Тихри и Чахал, уходящих глубоко на территорию округа Манди.

В таблице 1 представлены некоторые изоглоссы, выделенные для южного (дд. Аут и Баханди) и юго-западного (дд. Тихри и Чахал) диалектов.

Изоглосса	Центральный диалект	Южный диалект (дд. Аут, Баханди)	Юго-западный диалект (дд. Тихри, Чахал)
Заместительное удлинение др.-инд. кратких гласных перед упрости́вшимися кластерами	Не произошло <i>kəm</i> ‘работа’ < др.-инд. <i>karman</i> , <i>śṣu</i> ‘свекровь’ < <i>śvaśrū</i> , <i>həth</i> ‘рука’ < <i>hasta</i>	Произошло в ряде случаев <i>ka</i> <i>m</i> , но <i>hə</i> <i>th</i>	Произошло <i>ka</i> <i>m</i> , <i>śa</i> <i>f</i> <i>u</i> , <i>ha</i> <i>th</i>
Два ряда аффрикат (зубные и палатальные)	Сохраняются оба ряда, хотя их противопоставление постепенно утрачивается	Противопоставление утрачено, преобладают палатальные аффрикаты	
Оглушение в аффиксе причастия настоящего времени <i>-da</i> после основ на глухой согласный	Отсутствует <i>ke</i> <i>rda</i> ‘делающий’, <i>to</i> <i>pda</i> ‘ищущий’, <i>se</i> <i>kda</i> ‘могущий’	Присутствует спорадически <i>se</i> <i>kda</i> / <i>se</i> <i>k</i> <u><i>ta</i></u>	Присутствует во всех случаях <i>ke</i> <i>rda</i> , <i>to</i> <i>p</i> <u><i>ta</i></u> , <i>se</i> <u><i>k</i><i>ta</i></u>
Копула	SG <i>sa</i> – PL <i>si</i>	<i>sa</i> и <i>si</i> в свободном распределении с преобладанием <i>sa</i>	

Инструментальный послелог и показатель конверба <i>keri(je)</i>	Отсутствует	Имеется (черта внутреннего сираджи и сейнджи)	
Распространенность архаичного локатива на -e	Не распространен	Очень частотен	
Отдельные грамматические элементы мандеали	Не отмечены	ABL <i>ge</i> (кул. <i>nə</i>), COMIT <i>saoge</i> (кул. <i>senge</i>) и др.	2SG.OBL <i>tudu</i> (кул. <i>to</i>), COMIT <i>saoge</i> (кул. <i>senge</i>) и др.

Таблица 1. Изоглоссы центрального, южного и юго-западного диалектов куллуи.

Результатом экспедиции 2022 г. стало подтверждение на большем количестве языкового материала гипотезы [Ренковская 2020] о наличии южного и юго-западного диалектов, а также о распространении ареала куллуи на пограничные регионы округа Манди. Мандийские идиомы расположены в зоне контактов с близкородственными языками химачали на юге и юго-западе, и, как результат, в них отмечаются черты, присущие мандеали, внутреннему сираджи и, в меньшей степени, сейнджи. У обоих мандийских диалектов есть много общих изоглосс, отличающих их от центрального диалекта, кроме того, некоторые изоглоссы южного диалекта представляют собой переходную стадию от центрального диалекта к юго-западному, поэтому, возможно, имеет смысл говорить если не об одном южном (мандийском) диалекте, то, по крайней мере, о южном (мандийском) кластере диалектов. Этот вопрос требует дальнейшего изучения, в частности, на большем количестве полевого материала. Помимо этого, в ходе экспедиции 2022 г. удалось выяснить, что в долине Парвати распространен центральный диалект.

В июне 2023 г. состоялась еще одна экспедиция, в диалектологические задачи которой входило исследовать упоминаемый у Грирсона регион Чхота Бхангал, а также ознакомиться с вариантами

куллуи, распространенными на границе с ареалом языка сейнджи (на юго-востоке ареала куллуи). Изученные ранее мандийские диалекты обнаруживали в основном влияние мандеали и внутреннего сираджи, было интересно проследить в идиомах куллуи контактное влияние сейнджи. С этой целью была организована поездка в д. Сачани, расположенную близко к ареалу сейнджи. Было собрано некоторое количество материала на диалекте деревни, в котором обнаружилась яркая отличительная черта сейнджи – выпадение конечных гласных в функциональных словах, как то копулы, послелогии и др., ср. (1)-(2). Такое выпадение абсолютно нехарактерно для соседних с сейнджи языков – куллуи, мандеали, внутреннего и внешнего сираджи.

Центральный диалект

- (1) *tinha* *age* *si* *bɔhu* *q^hew-e*
 ЗПЛ.DIST.OBL APUD COP.PL много деньги-PL
 У них много денег

Диалект д. Сачани (с контактным влиянием сейнджи)

- (2) *tinha* *ag* *s* *bɔhu* *q^hew-e*
 ЗПЛ.DIST.OBL APUD COP много деньги-PL
 У них много денег

Кроме того, в этом диалекте наблюдается более последовательная реализация фонетического перехода, общего для куллуи, сейнджи и обоих сираджи, и не произошедшего в мандеали: др.-инд. *tr*, *dr* > *tʃ*, *dʒ*. В центральном диалекте в большем количестве случаев наблюдается сохранение кластеров, см. *potru* (< *pautra*) ‘внук по линии сына’ (центр. диалект) ~ *potʃu* (диалект д. Сачани).

Несмотря на то, что в идиоме д. Сачани удалось найти заметное контактное влияние сейнджи, на данный момент на имеющемся материале мы не можем выделить этот идиом как отдельный диалект куллуи и склонны относить его к центральному диалекту.

Отдельного описания заслуживает поездка в регион Чхота Бхангал (округ Кангра). Как уже было сказано выше, шансы обнару-

жить в этом регионе носителей куллуи в нашем представлении были крайне малы, поскольку еще в начале XX в. Грирсон описывал этот регион как группу из 18 разбросанных по горам маленьких поселков с небольшим количеством жителей, язык которых уже на тот момент подвергся сильному влиянию мандеали. Однако, к нашему удивлению и радости, данные Грирсона оказались актуальны и по сей день, и нам удалось встретить куллуязычных жителей округа Кангра и записать от них языковой материал.

В Чхота Бхангал мы заезжали со стороны округа Манди. По словам Грирсона, носители куллуи проживали не на всей территории Чхота Бхангала, а только в восточной его части. Описанный Грирсоном регион удалось найти при помощи местных жителей в 7 км от популярной среди туристов деревни Барот (округ Манди). Жители деревни описали искомый регион как куллуязычный анклав («у них там другой язык, как у тех, что за хребтом, в долине Куллу»), известный под названием «базар Лохарди». Регион представляет собой совокупность 12 небольших горных поселков, из которых основным (в экономическом плане) и наиболее доступным для транспорта является поселок Лохарди – единственный поселок, где есть рынок, небольшие кафе и гостиница в несколько комнат. В остальных поселках имеются только частные дома и хозяйства. Поэтому вся группа окружающих поселков известна именно по Лохарди. Помимо Лохарди к куллуязычному анклаву Кангры относятся также такие поселки как Полинг, Буджлинг, Черна, Свар, Джудхар, Тармехр, Луаи, Ропру, Напота, Андарли Малан, Кхади Малан.

Непосредственно полевая работа проводилась нами в поселках Лохарди и Свар. Прежде всего, нас интересовало появление в этом регионе носителей куллуи, а также сохранение ими куллуйской идентичности и возможные контакты с округом Куллу. Жители рассказали, что с давних времен существуют пешие маршруты через горные перевалы из их региона в округ Куллу (с выходом в районе долины Лаг) и первые переселенцы из Куллу пришли в Кангру по ним, преодолев горную гряду. Маршруты эти до сих пор существуют, хотя уже мало используются, тогда как еще 40-50 лет назад ими пользовались часто. Обычно эти маршруты подразумевают одну ночевку в горах, однако при особо быстром темпе можно успеть пересечь гряду в течение одного светового дня.

Удивительным образом жители региона не просто сохранили куллуйскую идентичность, но и контакты с жителями округа Куллу. Вероятнее всего в определенный исторический период добираться из региона через горы до Куллу было удобнее, ближе и быстрее, чем по более ровной местности до территории современного округа Манди. До сих пор распространены и повсеместно практикуются браки жителей куллуйской части Чхота Бхангала с куллуйцами, проживающими в центральной части округа Куллу. Опрос многих жителей Лохарди по краткой анкете на изоглоссы выявил, что среди них встречаются носители центрального диалекта куллуи.

Куллуи восточной части Чхота Бхангала, а именно группы поселков при базаре Лохарди, представляет собой отдельный диалект, который можно обозначить как кангрийский диалект. Здешний куллуи действительно испытал сильное контактное влияние мандеали, поскольку на данный момент мандеалиязычные районы находятся в непосредственной близости к региону и браки с выходцами из этих районов также распространены. При этом в кангрийском диалекте можно выделить некоторые архаичные черты куллуи, сохранившиеся вероятно в связи с длительным проживанием в изоляции в труднодоступном регионе. В таблице 2 представлены некоторые изоглоссы, выделенные для кангрийского диалекта.

Изоглосса	Центральный диалект	Кангрийский диалект (пп. Лохарди, Свар)
Фонетическое развитие др.-инд. <i>a</i> в ср.-инд. ударной позиции ³	<i>á > ɛ~ɔ</i>	<i>á > ɛ~ɔ~ʌ~v</i>
Копула	SG <i>sa</i> – PL <i>si</i>	Только <i>sa, si</i> отсутствует

³ Подробнее об отражении др.-инд. *a* в куллуи см. [Крылова 2021, с. 197-198].

Копула прошедшего времени	<i>tʰi~ti</i> во всех лицах, родах и числах	M <i>thia</i> F <i>thi</i> PL <i>thie</i>
Отрицательная копула	<i>nei ɔtʰi</i> во всех лицах, родах и числах	M <i>nei ɔsta</i> F <i>nei ɔsti</i> PL <i>nei ɔste</i>
Вариант отрицательной копулы <i>nisi~nisa</i>	Появилось миративное значение, теперь это миративная отрицательная копула	Обычная отрицательная копула, существующая наряду с <i>nei ɔsta (-i, -e)</i>
Интенсивные глаголы	Практически отсутствуют (исключения были найдены на данный момент только в диалекте д. Тхава)	Распространены повсеместно, ср. (3)-(4)
Неотрицательное настоящее время	герундий + копула M, F <i>-a sa</i> PL <i>-a si</i> <i>ase kera si</i> ‘мы делаем’	причастие наст. времени без копулы (согласуется с субъектом по роду и числу) M <i>-da</i> F <i>-di</i> PL <i>-de</i> <i>ase kerde</i>
Формы показателя перфективного причастия	M <i>-uda</i> F <i>-idi</i> PL <i>-ede</i> <i>keruda</i> ‘сделавший’	M <i>-ira</i> F <i>-iri</i> PL <i>-ire</i> <i>kerira</i>
Формы некоторых местоимений	<i>e</i> (PROX.PL), <i>te</i> (DIST.PL)	<i>eua</i> , <i>tiua</i>

Отдельные грамматические элементы мандеали	Не отмечены	1SG.ACC/DAT <i>mudzo, mudze</i> (кул. <i>mũbe</i>), 2SG.ACC/DAT <i>tudzo, tudze</i> (кул. <i>tobe</i>), перфектив от 'дать' <i>dita</i> (кул. <i>dina</i>), INSTR=COMIT <i>kane, sung</i> (кул. <i>senge</i>) и др. В некоторых поселках ACC/DAT <i>dzo</i> (кул. <i>be</i>)
--	-------------	--

Таблица 2. Изоглоссы центрального и кангрийского диалектов куллуи.

Центральный диалект

- (3) *mẽ* *sar-a* *kɔm* *kɛr-u*
 1SG.ERG весь-М работа делать-PFV
 Я сделал всю работу

Диалект д. Лохарди

- (4) *mẽ* *sar-a* *kɔm* *kɛr-i* *dita*
 1SG.ERG весь-М работа делать-CVB дать.PFV
 Я сделал всю работу

Среди архаичных черт кангрийского диалекта куллуи можно выделить как лексические, так и грамматические. Например, в нем встретилось слово *hatsa* в значении 'белый'. Это потомок др.-инд. *ascha* 'чистый, ясный, прозрачный', когнаты которого в большом количестве новоиндийских языков развили значение 'хороший', и, возможно, во многих малых языках это произошло под влиянием

хинди. К грамматическим архаизмам можно отнести отрицательную копулу *nisa* и отсутствие у нее миративного значения: в самом раннем описании куллуи [Diack 1896, p. 7] эта копула указывается как один из вариантов стандартной отрицательной связки. В той же работе упоминается отрицательная связка *neasti*, которая не встретилась нам ни в одном диалекте куллуи кроме кангрийского (в виде *nei asti*). При этом способность копул в кангрийском диалекте изменяться по родам и числам следует считать инновацией⁴.

На основании данных экспедиций как последних лет, так и более ранних на данный момент можно говорить о существовании следующих диалектов куллуи: центральный, северный, кангрийский и южный (мандийский) кластер, возможно подразделяющийся на южный и юго-западный диалекты. На рисунке 2 представлены все населенные пункты куллуязычного ареала, данными по языковым идиомам которых мы располагаем, с указанием диалектных зон.

Ареал куллуи, обозначенный Дж. Грирсоном в [Grierson 1916, p. 73], не просто практически полностью подтверждается, а еще и сохраняется в прежних границах до наших дней. С единственным уточнением: куллуязычный ареал простирается несколько дальше в сторону округа Манди. Можно говорить о том, что на карте Грирсона не учтен южный кластер диалектов куллуи.

⁴ Отрицательная копула *nei asti* состоит из отрицательной частицы *nei* и компонента *asti*, который восходит к др.-инд. копуле *asti*. В дальнейшем конечный гласный *-i* в этом компоненте переосмысливается по аналогии с окончаниями имен женского рода, и появляются формы *asta* и *aste*, повторяя окончания, соответственно, имен мужского рода и плюральной формы. По замечанию А.С. Крыловой сохранение в копуле др.-инд. кластера *st* является крайне интересным реликтом древнеиндийской фонетики. Для сравнения: в остальных диалектах отрицательная копула неизменяемая и имеет вид *nei st^{hi}* (переход др.-инд. *st* в *(t)t^h* произошел еще в среднеиндийский период).

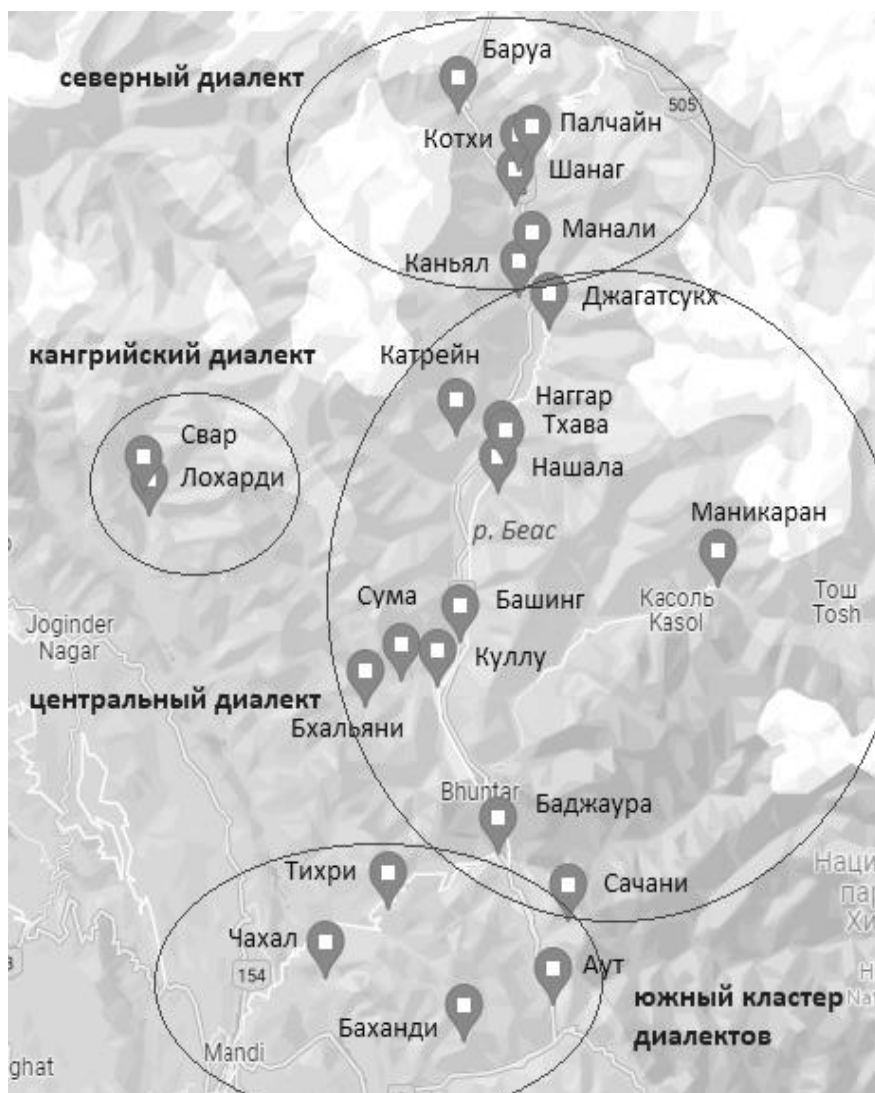

Рисунок 2. Населенные пункты ареала куллуи, идиомы в которых были изучены нами в ходе полевой работы, с указанием диалектных зон.

Условные обозначения

1,2,3	– 1,2,3 лицо
ABL	– аблатив
ACC/DAT	– аккузатив-датель
APUD	– апудэссив
COMIT	– комитатив
COP	– копула
CVB	– конверб
DIST	– дальний дейксис
ERG	– эргатив
F	– женский род
INSTR	– инструменталис
M	– мужской род
OBL	– косвенный падеж
PFV	– перфектив
PL	– множественное число
PROX	– ближний дейксис
SG	– единственное число

Литература

1. Крылова А.С. О возможном сохранении реликтов ведийского глагольного ударения в говоре деревни Наггар языка куллуи // *Вопросы языкового родства*. 2021. № 19/3-4. С. 195-209.
2. Ренковская Е.А. К вопросу о границах и диалектах языка куллуи // *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 27. Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Языки Азии и Африки* / Отв. ред. выпуска А.И. Коган; ред.-сост. А.С. Панина. М.: Институт востоковедения РАН, 2020. С. 68-78.
3. Diack A.H. *The Kulu Dialect of Hindi: Some notes of its Grammatical Structure, with Specimens of the Songs current amongst People, and a Glossary*. Lahore: The Civil and Military Gazette Press, 1896.
4. Grierson G.A. *Linguistic Survey of India*. Vol. IX. Part IV. Delhi-Varanasi Patna, 1916.

5. Hendriksen H. *Himachal Studies, III. Grammar*. København: The Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 1986.
6. Ranganatha M.R. Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh. Census of India, 1971. *Language monograph* № 7. Delhi, 1981.
7. Sharma D. (Saraswat). *Kuluti-Hindi vyakaran. Ek tulnatmak adhyayan* (Грамматика кулуту и хинди: сопоставительный анализ). New Delhi: Lekhni, 2014.
8. Thakur M.R. *Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men* (Язык пахари с приложением описания куллуи). Delhi: Sanmarg Prakashan, 1975.

Проблема не определенных по части речи основ в эвенкийском языке

Елена Леонидовна Рудницкая

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

erudnitskaya@gmail.com, ORCID 0000-0002-4455-262X

Аннотация. В статье рассматривается проблема разграничения прилагательного и существительного в эвенкийском языке. В эвенкийском, также как в других тунгусских языках, имеется омонимия основ существительного, прилагательного, глагола. Основы, обозначающие признак, могут быть и существительным (N), и прилагательным (A). Притяжательная конструкции с именной вершиной сравнивается с адъективной группой, прилагательное которой имеет такую же основу: *bajə diram-in* 'букв. 'человека толщина-его' и *diram bajə* 'толстый человек'. Если адъективная группа – это типологически широко распространенное явление, то притяжательная группа, обозначающая признак, с точки зрения типологии менее распространена. Существительным – вершиной притяжательной конструкции может быть любое прилагательное (непроизводное и производное), а также кванторы (*upkat* 'весь', *kətə* 'много'), которые по своим частеречным характеристикам однозначно являются прилагательными. Обсуждаются возможные способы формального описания не полностью категориально определенной основы, в частности, теория распределенной морфологии А. Маранца, а также проблемы, возникающие для этой теории на эвенкийском материале.

Ключевые слова: омонимия, основа, прилагательное, существительное, эвенкийский язык, морфология, синтаксис

The problem of part of speech under-determined bases in Evenki

Elena Leonidovna Rudnitskaya

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,

erudnitskaya@gmail.com, ORCID 0000-0002-4455-262X

Abstract. The paper considers the distinction between adjectives and nouns in Evenki. As in other Tungus languages, Evenki has homonymous

bases of a noun, an adjective, and a verb. Bases denoting an attribute can be both a noun (N) and an adjective (A). The possessive construction with the nominal head is compared to the adjective construction whose adjective has the same base as the nominal head: *bəjə diram-in* lit. ‘man’s his-fatness’ and *diram bəjə* ‘fat man’. Whereas an adjective denoting an attribute is typologically widespread, a possessive phrase denoting an attribute is less widespread. In this possessive phrase, its nominal head can be both an underived and a derived adjective, as well as a quantifier (*upkat* ‘all’, *kətə* ‘much, many’), that is unambiguously an adjective. Possible ways of formal account of categorically under-determined bases are considered, in particular, A. Marantz’s distributive morphology framework. The problems for this framework posed by the Evenki data are discussed.

Keywords: homonymy, base, noun, adjective, Evenki, morphology, syntax

1. Введение

Проблема разграничения частей речи и в типологии, и в алтайском языкознании стоит довольно остро. Прежде всего, во многих языках имеются грамматические формы, обладающие одновременно свойствами двух частей речи: например, герундий в английском языке (1а-в) или причастие в урало-алтайских языках (2). Герундий *winning* от глагола *win* может иметь как именное, так и глагольное управление: в (1а) оба аргумента *John* и *the race* оформлены как подлежащее и дополнение глагола; в (1б) подлежащее оформлено как посессивное (именное) зависимое, а в (1в) оба оформлены как зависимые имени.

- (1) а. *John winning the race came of no surprise* (английский)
- б. *John’s winning the race came of no surprise*
- в. *John’s winning of the race came of no surprise* [Malchukov et al. 2008, p. 1]

Подобные примеры заставляют считать, что четкое разграничение частей речи, например, существительного и глагола, невозможно; есть по крайней мере «серая зона», например, в случае (1), меж-

ду существительным и глаголом, форм, которые нельзя отнести ни к тому, ни к другому.

В работах по частям речи в китайском (например, [Mártonfi 1977, p. 289, 295]) отмечается, что деление на части речи может основываться на лексическом¹ и на грамматическом критериях, и что для китайского наиболее релевантен грамматический (а точнее, синтаксический) критерий. В эвенкийском языке, как агглютинативном, релевантны и морфологический, и синтаксический критерии. Такой точки зрения придерживается О.П. Суник (работа [Суник 1966], в которой рассматриваются части речи в агглютинативных языках).

В статье речь пойдет о частеречной омонимии основ в эвенкийском языке. В современных работах (см. [Nikolaeva, Spencer 2020] и другие работы И. Николаевой) для обозначения явлений, связанных со смешением частей речи, используется термин «частеречная недоопределенность» (part of speech underspecification).

Г.М. Василевич же для данного явления вводит термин «недифференцированного имени» [Василевич 1940, с. 42-43]. В эвенкийском языке подобное имя, согласно ее грамматике, может быть любым членом предложения и соответственно оформляться: *bajan* ‘богатство (N), богатый (A), разбогатеть (V)’, ср. (2а-в). Многие имена качеств являются недифференцированными, являясь или существительными, или прилагательными: *albin* ‘ширина, широкий’ (3а-б); *aja* ‘добро, добрый’; *gugda* ‘высота, высокий’ и т.д.

- (2) а. *bira* *albin-in*
река ширина-PS.3PL
 ‘ширина реки’
б. *albin* *bira*
широкий река
 ‘широкая река’ [Василевич 1940, с. 42]

¹ Ф. Мартонфи отмечает, что лексический (или семантический) критерий не является строгим даже в языках с богатой морфологией и словообразованием.

- (3) а. *bajan-ma-n* *sa-d'ə-m*
 богатство-ACC-PS.3SG знать-NFUT-1SG
 ‘Я знаю о его богатстве’ (Анкета)
- б. *bajan* *bajə*
 богатый человек
 ‘Богатый человек’ (Анкета)
- в. *bajan-ča-n*
 становится.богатым-PST-3SG
 ‘Он разбогател’ [Василевич 1940, с. 43]

В группу недифференцированных у Г.М. Василевич попадают и те слова, которые могут быть существительным и прилагательным (N/A, (4а-б)), и те, которые могут также быть глаголом (N/A/V, (5а-в))². Мы подробно рассмотрим противопоставление существительного и прилагательного.

В п. 2 рассматривается противопоставление притяжательной и атрибутивной конструкций: одна и та же основа в первой выступает как существительное, а во второй – как прилагательное. В п. 3 рассматривается приложимость к эвенкийскому материалу теории А. Маранца [Marantz 1997].

2. Обозначение свойства с помощью притяжательной конструкции

Кроме производных имен, недифференцированными могут быть имена с определенным аффиксом: имена с адъективным аффиксом *-č'i* недифференцированы [Василевич 1940, с. 61]. В работах [Nikolaeva 2008, Nikolaeva, Spencer 2020, р. 322-331] показано важное свойство аффикса *-č'i* ATR: словоформа с *-č'i* может иметь морфосинтаксические свойства и существительного, и прилагательного в одном и том же употреблении. В примере (4) *gerbi-č'i* ‘по имени’ является прилагательным, потому что стоит перед существительным *bira* ‘река’ и служит для *bira* определением. Кроме того, аффикс *-č'i* считается в большинстве эвенкийских грамматик атрибу-

² С теоретической точки зрения непонятно, почему *albin* ‘ширина, широкий’ не может иметь значения ‘расшириться’. Русско-эвенкийский словарь Б.В. Болдырева [Болдырев 1994] дает перевод *расшириться* как *albin-dimar* о- широкий-СМРР стать- ‘стать шире’.

тивным. Тем не менее у *gerbi-č̣i* есть определительное зависимое приложение *Tokko*, а подобное зависимое может быть у существительного, а не у прилагательного. Таким образом, *gerbi-č̣i* – это словоформа, имеющая свойства и прилагательного, и существительного. Если рассматривать другие суффиксы-атрибутивизаторы, большинство их, в частности, *-mV* (*halə-mə* ‘железный’), по крайней мере, по мнению Г.М. Василевич, образуют категориально определенные прилагательные (см. ниже).

- (4)

<i>[tokko</i>	<i>gerbi-č̣i</i>	<i>bira</i>
Токко	имя-ATR	река
‘река (по имени) Токко’ ([Nikolaeva 2008], пример (20))		

У существительных и прилагательных в эвенкийском есть числа и лица; у прилагательных эти категории согласовательные, и согласование с определяемым словом факультативно (5а-б). Существительное, кроме того, присоединяет аффиксы принадлежности (6). Таким образом, категории у существительных и прилагательных во многом совпадают.

- (5) а.

<i>mun-ŋi</i>	<i>ənin-mun ...</i>	<i>aŋi-ŋk̄i-n</i>	<i>uldi-ŋk̄i-n</i>
1PL(EXCL)	мать- PS.1PL(EXCL)	это-PSTITER- 3SG	шить-PSTITER- 3SG
<i>aĵa-l-ə</i>	<i>hulda-l-ə</i>	<i>kupč-si-l ...</i>	
хороший- PL-PART	одеяло- PL-PART	теплое.одеяло.для.ног-ATR- PL	
‘Наша мама это делала, шила хорошие теплые одеяла с теплым местом для ног’ (Корпус)			

- б.

<i>tar</i>	<i>tar</i>³	<i>bəĵə-l-wə</i>	<i>ulgur-wi</i>
тот	тот	человек-PL-ACC	рассказ-ACC.RFL
‘Про этих людей рассказ’ {, что я знал}			

- (6)

...[<i>tarə</i>	<i>bira</i>	<i>dərən̄-du-n</i>
тот.ACC	река	устье-DAT-PS.3SG
‘...в устье той реки’ [Константинова 1964, с. 63]		

³ Указательные местоимения в эвенкийском по морфологическим признакам – прилагательные или существительные.

В работе [Nikolaeva, Spencer 2020, p. 9] отмечается, что, если определенные слова могут выступать в качестве разных частей речи, их значения при переходе от одного из этих употреблений к другому должны изменяться регулярным образом. Так, рассмотрим примеры (7а-б) из языка мандури [Nikolaeva, Spencer 2020, p. 9] (нигеро-конголезские языки). Несмотря на то, что *buru* ‘гора, собирать в кучу’ может выступать и как существительное, и как глагол, переход от значения ‘гора’ к ‘собирать в кучу’ основан на внешнем сходстве горы и кучи, то есть нельзя предложить семантическое отличие ‘гора’ от ‘собирать в кучу’, которое сводилось бы только к категориальному различию (‘предмет’ vs. ‘действие / свойство’)⁴.

- (7) а. *buru=ko* *bai-ke-d-a*
 гора=3PL.S делать-COMPL-TR-IND
 ‘Они сделали гору’
 б. *saan=ko* *buru-ke-d-a*
 дрова=3PL.S гора-COMPL-TR-IND
 ‘Они собрали в кучу дрова’

В позициях подлежащего, дополнений, адъюнкта (сирконстанта) языки стандартно используют лексическую номинализацию глагола: в (8) дан пример из эвенкийского⁵.

- (8) ...*bulta-kit-tula*, *ollomə-kit-tula* *itiga-na-l*
 охотиться-NMLZ-LOC рыбачить-NMLZ-LOC приготовиться-PROB-PL
 {Социальные выплаты и дотации} ‘вероятно, начались с охоты
 и рыбалки’ (КИЭА РАН)

В эвенкийском языке существительное и прилагательное, обозначающие свойство, часто представляют одну основу, а не две, связанные отношениями деривации, ср. (9а-б)⁶.

⁴ То есть имеются регулярные отклонения от полной синонимии, например, глагол включает обязательный компонент ‘переход в состояние’ или ‘каузация’, которого нет в прилагательном.

⁵ С точки зрения оформления аргументов номинализации, по работе [Koptjevskaja-Tamm 1993, p. 165, 181], русский является языком с номинативным (nominal) оформлением, а эвенкийский – со смешанным (mixed, см. [Рудницкая 2022]).

Gilli в (9а), выступающее как вершина притяжательной конструкции, однозначно является существительным. Падежный показатель АСС в (9а) не является согласовательным, а у прилагательного может быть только согласовательный падежный показатель. В (9б) в позиции дополнения глагола *mədə-rə-n* ‘почувствовать’ стоит адъективная конструкция *gilli(-wə) mu-wə* ‘холодную воду’ с вершиной *mu-wə* и ее определением *gilli(-wə)*. Кроме того, в работе [Болдырев 2007, с. 399] на примере другой конструкции (10), в которой также употребляется существительное со значением признака, отмечается, что у прилагательного *diram* ‘толстый’ в (10) не могло бы быть показателя притяжательности: в (10) такой показатель есть, как и в (9а).

- (9) а. *tinəwə* *akin-mi* *olo-in-d'a-na*
вчера брат-PS.1SG переходить.вброд-INCEP-IPFV-CVB.SIM
[*mu* ***gilli-wə-n***] *mədə-rə-n*
вода холод-ACC-PS.3SG почувствовать-NFUT-3SG
‘Вчера, входя в воду, мой брат почувствовал, что вода
холодная [букв. «холод воды»]’ (Анкета)
- б. ...[***gilli(-wə)*** *mu-wə*] *mədə-rə-n*
холодный(-ACC) вода-ACC почувствовать-NFUT-3SG
{Входя в реку, мой брат} ‘почувствовал холодную воду’ (Анкета)
- (10) *bi* *so-mama* ***diram-iw***
я сильный-INTS толщина-PS.1SG
‘Какой я толстый! [букв. ‘Моя сильная толщина!']’ [Болдырев
2007, с. 399]

Важно отметить, что в (11), где сентенциальный актант финитный, предикативная позиция *gilli* может рассматриваться и как позиция существительного, и как прилагательного: в предикативной позиции финитного предложения происходит нейтрализация.

⁶ Эти два употребления нельзя рассматривать как омонимию из-за идентичности значения.

логично непроеизводным недифференцированным основам в (9а-б), быть не только прилагательными, но и существительными.

Почему (13) с *iñetĩ-r̥ci-n* грамматически правильно? Возможно два объяснения. Первое – потому что (13) это синтаксическая конструкция, в которой нет семантических или морфологических ограничений на вершину. Второе – потому что *iñetĩ-r̥ci-n* образовано от недифференцированной основы, которая «разрешает» всему слову также быть не только прилагательным, но и существительным. Первое объяснение более логическое и лингвистически обоснованное, тем более, что по словарю А.Н. Мыреевой [Мыреева 2004], *iñetĩ-* ‘улыбаться’ – это только глагол, причем производный от *iñe-* ‘смеяться’.

Рассмотрим нестандартную модель падежного маркирования в конструкции с квантором [Колесникова 1966, с. 60-61], ср. *upkat-pa-n* ‘весь, целостность’ в (14а-б). В (14а) *upkat* изменяется по модели существительного: *boloni upkat-pa-n* составляет притяжательную конструкцию, букв. ‘целостность осени’. В (14б) представлена модель, в которой *upkat* – прилагательное; в ней *upkat* (факультативно) согласуется с существительным *boloni* ‘осень’ в винительном падеже. (14а-б) параллельны (10а-б), только в (14а-б) притяжательная и адъективная конструкции – это временные адьюнкты (обстоятельства).

(14)	а.	[<i>boloni</i>	<i>upkat-pa-n</i>]	<i>tik-dʼə-rə-n</i>
		осень	целостность-ACC-3SG	дождь-IPFV-NFUT-3SG
		‘Всю осень [букв. «целостность осени»] шел дождь’ (Анкета)		
	б.	[<i>upkat(-pa)</i>	<i>boloni-wa</i>]	<i>tik-dʼə-rə-n</i>
		весь(-ACC)	осень-ACC	дождь-IPFV-NFUT-3SG
		‘Всю осень шел дождь’ (Анкета)		

Тут необходимо заметить, что в работе В.Д. Колесниковой приводятся примеры препозиции числительного при его маркировании падежным показателем, в то время как квантифицируемое существительное стоит или в начальной форме, или во множественном числе, например, (15а-б)⁹. Множественное число *čipkã-r* в примере (15б)

⁹ См. также работу Б.В. Болдырева [Болдырев 2007, с. 409-410]. В нашем корпусе в примерах конструкции ‘числительное + существительное’ падеж-

следует рассматривать как смысловое согласование. В целом, модели согласования в конструкциях с числительными требуют отдельного изучения.

- (15) а. *niŋa-r-tin ilan-dū d'ū i-ŋki-tin*
 он-PL-PS.3PL три-DAT дом.чум жить-PS.TITER-3PL
 'Они в трех домах жили' (Колесникова 1966, с. 61)
- б. *taduk d'ur-wə čipkā-r wā-ø-m*
 потом два-ACC соболю-PL убить-PRS-1SG
 '{Я} потом добыла двух соболей' (букв. «двух соболей») [Колесникова 1966, с. 60]

В работе [Колесникова 1966, с. 38-39] показано, что в эвенкийской посессивной конструкции посессор может не только предшествовать обладаемому (как в (2а) выше и (16а)), но и следовать за обладаемым (16б)¹⁰.

- (16) а. *niŋan amākā abdun-mā-n baka-ra-n*
 3SG медведь берлога-ACC-PS.3SG найти-NFUT-3SG
- б. *niŋan abdun-mā-n amākā baka-ra-n*
 'Он нашел берлогу медведя' [Колесникова 1966, с. 38-39]

ный показатель чаще всего есть и у числительного, и у существительного (*d'ur-wə oro-r-wə* 'два оленя'). Такое оформление характерно для литературного языка. Из (15а-б) носители Усть-Нюкжи, знакомые с литературным языком, предпочитают адъективную модель (15б): *d'ur-wə oro-r* 'два оленя'. Показатель PL, как в (15а), отсутствует у квантифицируемого слова у тех носителей, которые живут в тайге и занимаются оленеводством и охотой. В корпусе рассказов отсутствие PL в этой конструкции, то есть (15а), замечено в отдельных группах слов: когда данное слово обозначает отрезок времени (*d'ur anŋanī* 'два года') или расстояние, называет лицо (*d'ur ahi* 'две женщины') или родственников. Кроме того, повторение падежного показателя вершины у адъективного определителя предположительно связано с контрастивным выделением адъективной группы.

¹⁰ Отмечается, что порядок слов в (16б) характерен только для подкаменно-тунгусских говоров, хотя в других говорах он тоже возможен. В Усть-Нюкжинском (одном из восточных) говоре порядок (16б) недопустим.

Итак, помимо того, что слова с определенными аффиксами в эвенкийском имеют свойства и существительных, и прилагательных (слова с суффиксом *-či*, [Nikolaeva, Spencer 2020, p. 322-331]), в некоторых позициях, где в европейских языках стоит прилагательное, выступает полностью синонимичное ему существительное. Таким образом, прилагательное и существительное в эвенкийском разграничиваются недостаточно [Nikolaeva, Spencer 2020, p. 9, 21].

3. Распределенная морфология как формальный аппарат для описания частеречной омонимии

В работе [Marantz 1997] предлагается модифицированная схема порождения предложения в генеративной грамматике. В стандартной схеме, как известно, нет отдельного морфологического уровня (в отличие от системы И.А. Мельчука [Мельчук 1974]). Лексические единицы (корни или основы) поступают в эту схему в готовом виде, так что словообразовательные процессы морфологии не рассматриваются отдельно, а фиксируются в словаре. Словоизменительные же категории относятся к синтаксису: в синтаксисе фиксированы проекции, соответствующие таким категориям, как время или падеж, и синтаксические механизмы регулируют присоединение к основам из лексикона нужных словоизменительных показателей. В стандартной схеме порождения предложения все основы имеют частеречную характеристику (в терминах $+/-V$, $+/-N$). Например, у прилагательного признаки $(+N, +V)$.

В схеме А. Маранца корни, которые поступают в синтаксический механизм, не имеют категориальной характеристики (А. Маранц с помощью этой модификации хочет концептуально упростить модель). Пример А. Маранца – английский корень *break* ‘ломать’.

В ходе деривации синтаксический контекст, по идее Маранца, снимает категориальную неопределенность. Наиболее наглядно можно представить процесс снятия этой неопределенности в схемах (17а-б) (категориальная неопределенность в (17а-б) обозначается как частеречная характеристика X). Например, когда над основой с индексом X *break* надстраиваются проекции, соответствующие именным категориям (группа падежа *CaseP* или группа числа *NumP*), основа получает признак $[+N]$, а в контексте проекции времени (*TenseP*) – признак $[+V]$.

- (17) а. $[X \text{ break}] \rightarrow [N \text{ break}] / [CaseP [NP \text{ tv}] [Case [X] [Case ACC]]]$
 б. $[X \text{ break}] \rightarrow [V \text{ break}] / [TenseP [VP \text{ tv}] [Tense [X] [Tense PST]]]$

Таким образом, процессы, в которых задействована морфология (корни и основы), происходят в несколько разных моментов порождения предложения: в самом начале (корни) и далее (приобретение корнями категориального признака). Поэтому морфология А. Маранца является «распределенной» (distributed).

Маранц обращает особое внимание на аргументные свойства категориально не определенных основ. Эти свойства фиксируются в лексиконе, так что они должны отражать только те аргументы, которые есть и у существительного, и у глагола. У корня *grow* общий аргумент только один – тема (пациент), ср. (18а-б). Из (18в-г) видно, что у существительного *growth*¹¹ нет аргумента – каузатора (или агенса)¹².

- (18) а. *The corn grows*
 б. *He grows corn*
 в. *The corn's growth*
 г. **His growth of the corn*

Как же у глагола появляется каузатор? Маранц предлагает, чтобы это происходило синтаксическим способом, то есть через проекцию CausP (вершиной которой в английском языке будет нулевой каузативный показатель, а в спецификаторе будет стоять агентивная именная группа). Подобное решение подходит и для эвенкийского языка, например, *suru-* – это корень ‘уйти, уход’ (19а-б), а *suru-w-* – каузативная форма глагола ‘увести’ в (19в). Вершиной проекции CausP является каузативный аффикс *-w-*. В (20) показан пример в устном рассказе категориально не определенной основы, обозначающей действие: основы существительного ‘переезд’.

¹¹ Словообразовательные процессы А. Маранц не рассматривает, так что получается, что в данном случае *grow* и *growth* представляют один корень.

¹² В (18а-г) и (21а-г) предполагается, что предлог *of* и посессивное местоимение/конструкция с *'s* вводят аргумент, а предлог *in* – адьюнкт (обстоятельство).

- (21) а. *The glass broke*
 б. *He broke the glass*
 в. *The break in⁶ of the glass*
 г. **The glass's break*

Примером корня без аргументов в эвенкийском языке может служить *doɣoto* ‘мерзлота’, ‘мерзлый’, ‘замерзнуть’ ((22а-в), восточные говоры). У *doɣoto* есть один семантический актант ‘замерзшее место или объект’. Этот актант у прилагательного и глагола, представленный как синтаксический в модели И.А. Мельчука, можно отождествить с подлежащим предложения с *doɣoto* (22б-в).

- (22) а. ***doɣoto-dū*** *bi-də-rə-n*
 мерзлота-DAT быть-IPFV-NFUT-3SG
 ‘(Он) живет в мерзлоте’ (Анкета)
 б¹⁴. ***doɣoto*** *dunnə*
 мерзлый земля
 ‘Мерзлая земля’ (Анкета)

¹⁴ Теоретически можно интерпретировать этот пример как посессивную конструкцию с прилагательным в позиции посессора, а не определения (не ‘мерзлая земля’, а ‘земля мерзлоты’), однако такая интерпретация неестественна. В (i) [*arba-du bikit-tu*] может быть только адъективной группой, потому что у *arba-du* есть падежный показатель (посессор в посессивной конструкции не согласуется в падеже с вершиной). Если для литературного языка характерно согласование прилагательного с существительным по падежу, то в разговорной речи в Усть-Нюкже (и в других восточных говорах) оно факультативно, и факторы, которые влияют на наличие согласования, не изучены.

- (i) *nuɣan* [***arba-du*** *bikit-tu*] *mu-lə* *mikčan-ə-n*
 3SG мелкий-DAT место-DAT вода-ALL прыгнуть-
 NFUT-3SG
 ‘На мелком месте он спрыгнул в воду’ [Болдырев 2000, Ч.1, с. 42]

в.	<i>dunna</i>	<i>doŋoto-čo</i>
	земля	замерзнуть-PTCP.ANT
	‘Земля замерзла’ (Анкета)	

Многие корни имеют по несколько значений с разными требованиями к аргументу, не сводящимися к частеречной омонимии (в пределах одной части речи): по [Болдырев 2000, Ч. 1, с. 42, Мыреева 2004, с. 52], *arba-* это ‘обмелеть (о реке)’ и ‘спадать (о воде)’, см. (23а-б); носители подтвердили возможность обеих интерпретаций предложения (24). В теории генеративной грамматики в словаре не представлены толкования лексем словаря или семантические признаки аргументов в лексиконе, а семантическая структура рассматривается только как интерпретация уже полученного грамматически правильного предложения (уже после порождения этого предложения, к которому сводится генеративная грамматика).

Предложение (24) интерпретируется как ‘(река) обмелела’ или как ‘(вода) спала’ только в зависимости от контекста, а не от морфосинтаксиса самого предложения, ср. снятие неоднозначности с помощью морфосинтаксического контекста в (17а-б). Значит, при порождении предложения с подобной неоднозначностью эта неоднозначность не может быть разрешена.

- (23) а. *bira* ***arba-ča-n***
 река обмелеть-PST-3SG
 ‘Река обмелела’ [Болдырев 2000, Ч.1, с. 42]
- б. *tu* ***arba-d’a-ča-n***
 вода спасть-IPFV-PST-3SG
 ‘Вода спадала’ [Болдырев 2000, Ч.1, с. 42]

- (24) ***arba-ča-n***
 мелкий-PST-3SG
 ‘Обмелела / спала’

Теперь рассмотрим производные основы. А. Маранц отдельно про них не пишет, и если в сноске 11 мы пишем, что *grow* и *growth* в контексте статьи интерпретируются как один и тот же корень, то из других пояснений [Marantz 1997, p. 215] можно сделать вывод, что аффикс *-th* имеет признак [+N], и этот признак присваивается всей основе *grow-th*.

В примере (12), повторенном ниже, основа *hələ-mə-* состоит из корня (предположим, не определенного по категории: *hele* ‘железо, железный’¹⁵) и показателя атрибутивности *-mA*. Производная основа должна быть атрибутивной (A, или [+N, +V]), а не именной [+N, -V], и при этом не быть категориально не определенной (X). Если данная основа была бы атрибутивной (25а), то она не могла бы занимать позицию вершины притяжательной конструкции *ər hələ-mə-duk-in*. Если же эта основа была бы категориально не определенной (X, (25б)), то потребовалась бы новая теория словообразования, при которой вершиной производной основы был бы не словообразовательный аффикс, а корень (или, если вершина основы в *hələ-mə* все-таки аффикс, нужно считать категориально не определенными все адъективные аффиксы).

- (12) *ər barža səmtu-rə-n* [*ər hələ-mə-duk-in*]
 этот баржа ржаветь-NFUT-3SG этот железо-ATR-ABL-3SG
 ‘Эта баржа заржавела, потому что она железная [букв. «из-за ее железности»]’ (Анкета)

- (25) а. [A [X *hələ-*] [A *mə-*]]]
 б. [X [X *hələ-*] [A *mə-*]]]

Проблемы возникают и с аффиксом *-čī*: этот аффикс, как и *-mA*, относится к атрибутивным, однако производные основы на *-čī* имеют свойства существительного (то есть могут иметь такие зависимые, какие имеет существительное). Пример (4) повторен ниже вместе с дополнительным примером (26).

- (4) [*Tokko gerbi*]-*čī* *bira*
 Токко имя-ATR река
 ‘река (по имени) Токко’ [Nikolaeva 2008], пример (20)

¹⁵ Показатель *-mə* образует прилагательные от основ существительных и глаголов: *d'olo* ‘камень’ → *d'olo-mo* ‘каменный’; *uŋku-* ‘лить’ → *uŋku-mə* ‘проливной’.

- (26) *əbəkōn* *apet* [*ħərəkə*] *dʹukčə-ši^{l6}* *bi-šo* *tadū*
бабушка- опять отдельный чумовище- быть- там
PS.3SG ATR PTCR.ANT
'Ее бабушка там тоже была с отдельным чумом'

К какой категории относится производная основа *d'ukča-si* в (26)? Эта основа сохраняет сочетаемость существительного: в (26) от *d'ukča-si* зависит прилагательное *harakə* 'отдельный'. В (27а) показан этот анализ основы на *-či*: он не учитывает возможность у слова на *-či* (AP) зависимых существительного, таких как AP₁ *harakə*.

- (27) a. [AP₁ *hərəkə*] [AP[A_X *d'ukčə*] [A -č*i*]]
 б. [AP₁ *hərəkə*] [AP[X_X *d'ukčə*] [X -č*i*]]

Есть еще одна возможность: считать производные основы, как и корни (непроизводные основы), не определенными по части речи, то есть типа X (ср. (276)). Тогда сформулированные выше проблемы возникать не будут, однако могут возникнуть другие проблемы. Самый большой класс не определенных по части речи основ – это непроизводные (то есть корни), в то время как производные основы чаще бывают определены по части речи (как и пишет Маранц [Marantz 1997, p. 215]).

Остается только заметить, что притяжательные конструкции в позициях дополнения (9а) и обстоятельства (12) употребляются в устной речи эвенков довольно мало, так, в корпусе устных рассказов встречаются только конструкции с *äkun* типа (10), (13). Носители не порождают притяжательную конструкцию продуктивным образом и пытаются соотнести ее с аналогичной русской конструкцией (*его бескорыстие*). Это, как кажется, связано с общим процессом упрощения эвенкийского языка, сопровождающим его малочисленный статус и влияние на него русского морфосинтаксиса.

¹⁶ Это диалектный вариант суффикса -čī.

4. Выводы

Были рассмотрены морфосинтаксические различия между существительными и прилагательными в эвенкийском языке. В эвенкийском много таких корней, которые могут принимать словоизменятельные показатели нескольких частей речи. Мы подробно продемонстрировали данную характеристику на материале слов и конструкций, обозначающих признак. Дифференциация прилагательных от существительных, на основе этих данных, в эвенкийском неполная: прилагательные, независимо от их морфологической структуры, могут иметь морфосинтаксические свойства существительных.

Был рассмотрен формальный анализ частеречной омонимии (теория распределенной морфологии А. Маранца). Она подходит только для описания омонимии корней (непроизводных основ), но не описывает детали, связанные со словообразованием. Это неудивительно, поскольку проблема словообразования в этой теории практически не затрагивается, и это является ее недостатком.

Условные обозначения

A	—	прилагательное
ABL	—	аблатив
ACC	—	аккузатив
ALL	—	аллатив
ANT	—	конверб предшествования
ATR	—	атрибутив
CAUS	—	каузатив
COM	—	комитатив
CVB	—	конверб
DAT	—	датив
EXCL	—	эксклюзивное (множественное число)
FUT	—	будущее время
HES	—	хезитатив
INCEP	—	инцептив
INTS	—	интенсив
IPFV	—	имперфектив
LOC	—	локатив
N	—	существительное

NFUT	—	небудущее время
NMLZ	—	показатель номинализации
PL	—	множественное число
POST	—	(конверб) следования
PROB	—	вероятность
PROL	—	пролатив
PRS	—	настоящее время
PS	—	посессивный суффикс
PST	—	прошедшее время
PSTITER	—	прошедшее итеративное время
PTCP	—	причастие
PURP	—	(конверб) цели
RES	—	результатив
RFL	—	рефлексив
SG	—	единственное число
SIM	—	(конверб) одновременности
V	—	глагол
X	—	вершина

Источники

Анкета – опросы носителей села Усть-Нюкжа, Амурская область, 2022 г. (удаленно) и 2023 г. (удаленно и в экспедиции).

КИЭА РАН 2011–2017 – *Корпусы Института этнографии и антропологии РАН*. [электронный ресурс] URL: <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/texts.php> (дата обращения 10.05.2023)

Корпус – *Малые языки Сибири: наше культурное наследие*. Корпус устных рассказов на эвенкийском языке. Создан Е.Л. Клячко (2010-2023 гг.). [электронный ресурс] URL: <http://minlang.srcc.msu.ru/> (дата обращения: 20.04.2023). Поиск: <http://gisly.net/corpus/> (дата обращения: 20.02.2023).

Литература

1. Болдырев Б.В. *Русско-эвенкийский словарь*. Новосибирск: ВО Наука, 1994.
2. Болдырев Б.В. *Эвенкийско-русский словарь*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Ч.1, Ч.2.

3. Болдырев Б.В. *Морфология эвенкийского языка* / под ред. В.А. Роббек. Новосибирск, Наука, 2007.
4. Василевич Г.М. *Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка*. Л.: Госучпедгиз, 1940.
5. Колесникова В.Д. *Синтаксис эвенкийского языка*. М.: Наука, 1966.
6. Константинова О.А. *Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология*. М.: Наука, 1964.
7. Мельчук И.А. *Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст»*. М., 1974.
8. Мыреева А.Н. *Эвенкийско-русский словарь*. Новосибирск: Наука, 2004.
9. Рудницкая Е.Л. Групповая аффиксация при словообразовании в эвенкийском языке // *Сибирский филологический журнал*, 2022. № 2, 162-173.
10. Сунин О.П. *Общая теория частей речи*. М., Л.: Наука, 1996.
11. Chomsky, N. Bare phrase structure. In Gert Webelhuth (ed.), *Government and Binding Theory and the Minimalist Program* (Generative Syntax 1), 383-439. Cambridge, MA: Blackwell, 1995.
12. Koptjevskaja-Tamm M. *Nominalizations*. Routledge: London, 1993.
13. Malchukov A., Koptjevskaja-Tamm M., Cole P., Hermon G., Konfilt J., Comrie B. *Nominalizations and mixed categories. Questionnaire*. [электронный ресурс] URL: https://www.eva.mpg.de/lingua/tools-at-lingboard/questionnaire/nominalizations_description.php (дата обращения 24.03.2023).
14. Marantz A. No Escape from Syntax: Don't Try Morphological Analysis in the Privacy of Your Own Lexicon // *U. Penn Working Papers in Linguistics*. 1997. Vol. 4.2. P.201-220.
15. Mártonfi F. On conceptions of «parts of speech» in Chinese and generative grammar (Parts of Speech to Be Buried) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1977. Vol. 31, № 3. P. 279-310. JSTOR, [электронный ресурс] URL: <http://www.jstor.org/stable/23682582>. (дата обращения 11.05.2023).
16. Nikolaeva I. Between nouns and adjectives: a constructional view. *Lingua*, 2008. Vol. 118. P. 969-996.
17. Nikolaeva I., Spencer A. *Mixed categories: The syntax of noun modification*. CUP: Cambridge, UK. 2020.

III. Вопросы грамматики изолирующих языков Азии

Классификаторы в лаосском языке и мон-кхмерских языках ма и ксингмул: сходства и различия

Тамара Григорьевна Погибенко

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
t.pogibenko@mail.ru, ORCID 0000-0002-6667-1929

Аннотация. Статья посвящена сравнительному исследованию классификаторов в языках разной генетической принадлежности, но одного типологического профиля: лаосском языке и мон-кхмерских языках ма и ксингмул. Наличие большого количества материала и достаточно углубленных описаний этих языков позволило обнаружить общие черты функциональной сферы классификаторов в сравниваемых языках, диапазон которой гораздо шире функции именной классификации по семантическим типам.

Ключевые слова: мон-кхмерские языки, классификаторы, обязательность, факультативность

Classifiers in Lao and Mon-Khmer languages Ma and Ksingmul: similarities and differences

Tamara G. Pogibenko

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
t.pogibenko@mail.ru, ORCID 0000-0002-6667-1929

Abstract. The paper presents a comparative analysis of classifiers in Lao and Mon-Khmer languages Ma and Ksingmul belonging to different genetic families but having the same typological profile. Availability of a considerable amount of data and in-depth descriptions made it possible to reveal common functional features in the languages compared, which go beyond their noun categorization function.

Keywords: Mon-Khmer languages, classifiers, obligatoriness, non-obligatoriness

Введение

В данной статье представлен сравнительный анализ функциональной сферы классификаторов в лаосском языке и мон-кхмерских языках ксингмул и ма¹. Сравнимые языки типологически близки, но принадлежат к разным языковым семьям. Материал по лаосскому языку взят из грамматики Н. Энфилда [Enfield 2006]. Материал по языкам ксингмул и ма взят из корпуса предложений, собранных в совместных российско-вьетнамских экспедициях по изучению языков малочисленных народов Вьетнама². Классификаторы в языках ксингмул и ма описаны в [Погибенко 2020, 2021]. Сравнение показывает, что функции и правила употребления классификаторов в лаосском и МК языках ма и ксингмул имеют много общего.

Классификаторы в лаосском языке

В соответствии с общепринятым подходом, Н. Энфилд рассматривает классификаторы как один из способов классификации имен по семантическим категориям, т.е. как “noun categorization devices” [Aikhenvald 2000]. Он выделяет четыре зоны (systems) классифика-

¹ Язык ксингмул относится к кхмуической группе мон-кхмерской ветви австроазиатской семьи языков, на нем говорят народности, проживающие во Вьетнаме и Лаосе. Язык ма относится к южно-бахнарической подгруппе бахнарической группы мон-кхмерской ветви австроазиатской семьи языков. На нем говорят на юге Вьетнама.

² Материалы по языку ксингмул были собраны в ходе полевой работы совместной российско-вьетнамской экспедиции по изучению языков народов Вьетнама в 1979 году. Корпус насчитывает 915 предложений, анкета «Классификаторы» – 112 предложений и словосочетаний. Материалы по языку ма были собраны в экспедиции 1981 года. Корпус насчитывает 1366 предложений, анкета «Классификаторы» – 197 предложений и словосочетаний.

ции имен в лаосском языке: 1) классификаторы в счетной конструкции (numeral classifiers); 2) атрибутивные классификаторы (modifier classifiers); 3) классные термины (class terms); 4) префиксы терминов родства (kin prefixes). Разграничение зон 1 и 2 – это следование принципам описания классификаторов в [Aikhenvald 2000], где “noun classifiers”, “numeral classifiers”, “classifiers in possessive constructions”, “locative and deictic classifiers” описываются как разные типы классификаторов с разными функциями и правилами употребления.

Класс единиц, употребляющихся в счетной конструкции, как отмечает Н. Энфилд, включает до сотни единиц, способных выражать различные семантические противопоставления. В этот класс Н. Энфилд вносит повторители (repeaters) – имена, выступающие вместо классификаторов, когда у них нет специализированного классификатора; по этой причине Н. Энфилд считает счетные классификаторы открытым классом, как это делается в [Aikhenvald 2000, p. 103].

Атрибутивные классификаторы употребляются в конструкциях с модификаторами всех типов, в том числе с указательными местоимениями в дейктической и анафорической функции.

Специализированные счетные и атрибутивные классификаторы в большинстве случаев не востребованы, и вместо них используются два классификатора с максимально абстрактным значением: *too3* ‘тело’ и *qan3* ‘маленькая вещь’. Н. Энфилд отмечает, что в счетной конструкции употребление классификаторов зависит от физических характеристик денотата имени, а в атрибутивных конструкциях – нет.

Классными терминами в лаосском языке Н. Энфилд называет множество объемом около двадцати деривационных морфем, при помощи которых образуется большое количество многосложных имен (polymorphemic nouns), обозначающих таксономические классы – названия объектов, животных, растений, а также профессиональные и функциональные классы людей. Сюда же Н. Энфилд относит и производные типа *lotθ-cok2* ‘землечерпалка’, букв. ‘CLF; машина – черпать’. Такой подход объясняется тем, что в лаосском языке, как и в других изолирующих языках континентальной Азии,

в том числе языках ма и ксингмул, множество классификаторов, употребляющихся в счетной конструкции и конструкциях с другими модификаторами, частично пересекается с множеством «классных терминов», выполняющих словообразовательную функцию. В [Aikhenvald 2000] языковые единицы подобного рода называются “noun classifiers”, если судить по примерам, и прямолинейно дери-вационными морфемами не называются, там говорится уклончиво, что они могут использоваться с одним и тем же именем для конкретизации его значения (“can be used with the same noun to specify its meaning”) [Aikhenvald 2000, p. 84].

Классифицирующие термины родства представляют собой очень ограниченный набор единиц, которые употребляются с именами собственными для осуществления референции к лицам или для использования в качестве обращения.

Н. Энфилд высказывает ряд утверждений, которые бросают тень на идею возникновения и использования классификаторов исключительно как средства семантической классификации имен. Например, он считает, что “nominal classification is more a matter of syntactic construction than of form class membership” [Enfield 2007, p. 119]. Иначе говоря, он утверждает, что классификация имен – это скорее вопрос синтаксической конструкции, а не характера принадлежности к классу по семантическим признакам. Заслуживает внимание его следующее высказывание: “... nouns which function most often as classifiers are relatively general in meaning. Their syntactic properties divide them into separate sub-classes and sub-functions” [Enfield 2007, p. 119], т.е., другими словами, функции классификатора реализуются в конструкциях конкретных типов. Именно такой взгляд на функциональную природу классификаторов излагается в [Погибенко 2020, 2021].

Классификаторы в языках ма и ксингмул

В мон-кхмерских языках ксингмул и ма существуют все четыре типа единиц, которые выделяет Н. Энфилд в лаосском языке. В них классификаторы употребляются в конструкциях с модификаторами

разных типов, в том числе с числительными, кроме того, в ма и ксингмул классификаторы употребляются с именами в автономном употреблении.

В научной литературе общепринято считать, что классификаторы являются одним из средств классификации имен (noun categorization devices) [Aikhenvald 2000]. Вот как это поясняют А. Витран, специалист по бирманскому языку и языкам континентальной Юго-Восточной Азии, и М. Танг: «Классификаторы являются одним из типов систем именной классификации, которые помогают говорящим идентифицировать референт в дискурсе ... С лингвистической точки зрения, системы именной классификации представляют интерес по той причине, что их лексическая и прагматическая функции взаимосвязаны с когнитивной функцией и культурой ... использование классификатора, который выделяет присущий семантический признак имени, с которым он выступает, можно проиллюстрировать на примере имени *ka3* ‘машина’, выступающего с классификатором для машин *si2*, классификатор показывает, что референт, обозначенный словом *ka3*, является машиной»³.

В [Погибенко 2020, 2021] утверждается, что в языках ма и ксингмул классификаторы во всех случаях употребления имеют одну-единственную функцию – это выражение значения конкретной референтности и единичности имени, с которым они употребляются. Другими словами, классификаторы принадлежат к тому классу служебных слов, которые называются детерминативами. Употребление классификаторов как детерминативов обусловлено тем, что имя общее (нарицательное) само по себе

³ “Classifiers are one of the types of nominal classification systems that help speakers to identify discourse referents... Nominal classification systems are linguistically interesting due to the interaction of their lexical and pragmatic behavior with cognitive and cultural functions... the use of a classifier that highlights an inherent semantic feature of the noun is found, as the noun *ka3* ‘car’ is followed by the classifier *si2* (CLF:MACHINE), which indicates that the referent denoted by *ka3* is considered to be a machine” [Vittrant, Tang 2020, p. 1]. Можно подумать, что слово *ka3* ‘car’ само по себе не указывает на то, что речь идет о машине.

референции не имеет и на объект не указывает⁴. Классификаторы, будучи словами, указывающими на внешние видимые признаки, такие, как одушевленность, личность, форма, структура, протяженность объектов в пространстве, наделяют имя общее способностью указывать на конкретный объект, существующий в пространстве. Перефразируя утверждение Декарта «Я мыслю, следовательно, я существую», о классификаторах можно сказать «Я вижу, следовательно, оно существует».

Классификаторы употребляются в счетной конструкции и конструкциях с модификаторами постольку, поскольку их функция детерминатива востребована, чтобы можно было считать и характеризовать конкретные объекты. Классификаторы не могут употребляться в тех случаях, когда выражение конкретной референтности невозможно или не имеет смысла. Это когда имя не указывает на конкретный объект, существующий в пространстве. Такое происходит в следующих случаях: когда объект не существует в реальном мире говорящего; когда имя имеет предикатный статус, т.е. выступает как сказуемое; когда имя имеет родовой статус и в фокус помещается не денотат, а сигнификат, т.е. свойства объекта, его интенционал (*Мой брат читает книгу, а я читаю газету*⁵). Выбор конкретно-референтной формы имени и, как следствие, употребление классификатора, может зависеть от коммуникативного намерения говорящего: говорящий выделяет то, что считает важным⁶. Употребление классификатора зависит и от логико-коммуникативной структуры дискурса, например, классификатор может не употребляться в идентифицирующей ИГ, которая является номинацией объекта, уже введенного в дискурс⁷. Наконец,

⁴ «Общее имя – это то же, что и предикат. Общее имя не предназначено для референции: оно имеет смысл, т.е. выражает некоторое свойство, но не имеет референтов» [Падучева 1985, с. 84].

⁵ Язык ксингмул, СКД 2, с. 283.

⁶ Об этом также говорит Тань Аошуан [Тань 2000, с. 8].

⁷ Интересно, что в [Aikhenvald 2000, p. 85] это отмечается для одного частного случая опущения классификатора в австронезийском языке минангкабау: “A generic noun classifier can be omitted under certain discourse

есть факторы, влияющие на употребление классификатора, связанные с морфологическим составом самого имени и характером его полифункциональности.

Анализ случаев, когда классификаторы в языках ма и ксингмул не используются в тех конструкциях, где они обычно используются, показывает, что классификатор отсутствует тогда, когда конкретно-референтная форма имени по каким-то причинам не востребована или вообще невозможна. Поэтому, вопреки распространенной практике, неправильно во всех случаях отсутствия классификатора утверждать, что классификатор факультативен. В одних случаях классификатор обязателен, в других его невозможно употребить, потому что его функциональные свойства не могут быть реализованы по вполне определенным причинам, и есть только особые случаи, когда классификатор действительно факультативен. Отметим один важный фактор, который следует учитывать при работе с полевыми материалами. Не всегда, когда в предложении классификатор показан как факультативный, мы имеем дело с необязательностью его употребления, т.е. необязательностью выражения его грамматического значения. Такие примеры псевдо-факультативности обычно возникают, когда исследователь спрашивает информанта, можно ли в данном предложении классификатор опустить. Наличие vs. отсутствие классификатора в одном и том же предложении может быть связано не с факультативностью, а с разной концептуализацией описываемой ситуации и даже с изменением таксономического класса имени⁸, такие случаи описаны в [Погибенко 2020, с. 121, 123-124, 128].

В отличие от лаосского языка, где число классификаторов, как утверждает Н. Энфилд, доходит до сотни единиц, способных выра-

conditions ... but a part of a compound can not be. Thus, *buruang balam* ‘NCL:BIRD turtledove’ is a construction Classifier – Noun; *burung* can be omitted if the referent has been previously established”.

⁸ Пример из языка ксингмул: *dù3* [*nəm*] *drap da?* ‘один – CLF – кувшин – вода’, где при наличии классификатора *drap* – объект материального мира (‘кувшин для воды’), при отсутствии классификатора – мера емкости (‘кувшин воды’) [Погибенко 2020, с. 128].

жать различные семантические противопоставления, число классификаторов в языках ма и ксингмул не превышает двух десятков единиц. Многие из них не имеют этимонов и не используются как самостоятельные полнозначные лексемы. Есть неспециализированные и заимствованные классификаторы. Все это никак не согласуется с общепринятым представлением о классификаторах, как о способе классификации имен по семантическим категориям.

Сообщения о большом числе классификаторов в том или ином языке вызывают некоторую настороженность в отношении того, какие именно единицы авторы заносят в разряд классификаторов. Тем более что иногда разные авторы дают разные оценки. Например, в [Adams 1989] говорится, что во вьетнамском языке 140 классификаторов, а в [Sim Sook Hui 2003, p. 68], приводится список из 45 классификаторов, которые он называет “sortal classifiers”. Однако при внимательном рассмотрении можно заметить, что кроме классификаторов туда включены единицы, использующиеся в словообразовательной функции, они являются частью сложнопроизводной лексической единицы и изменяют лексическое значение имени. Например: *căn* ‘комната’ в *căn nhà* ‘маленький домик’; *tòa* ‘здание’ в *tòa nhà* ‘большой дом’; *nhà* ‘дом’ в *nhà văn* ‘писатель’ (от *văn* ‘литература’)⁹.

Как и в лаосском языке, в языках ксингмул и ма некоторые классификаторы используются в словообразовании. При помощи классификаторов от глаголов и прилагательных образуются имена, от имен образуются имена с новым значением, например, ксингмул: *to: sam* ‘садовник’, букв. ‘CLF – сажать’; *to: so:* ‘больной’, букв. ‘CLF – болеть’; *to: ne?* ‘ребенок (не термин родства)’, букв. ‘CLF – маленький’; *phum sui:* ‘письмо’, букв. ‘CLF – буква’; *tap thiəŋ* ‘манго (дерево)’, букв. ‘комель; CLF – манго’; *piəj thiəŋ* ‘манго (фрукт)’, букв. ‘плод; CLF – манго’. В [Aikhenvald 2000, p. 84] не проводится различия между классификаторами в словообразовательной функции и классификаторами в именных группах без модификаторов.

⁹ В НБВРС *nhà* в таких именах деятеля трактуется как словообразовательная морфема.

Рассмотрим, какие особенности функционирования классификаторов в лаосском языке отмечает Н. Энфилд, и сравним с мон-хмерскими языками ма и ксингмул¹⁰.

Отсутствие классификатора в счетной конструкции

Н. Энфилд отмечает, что в лаосском языке в некоторых случаях в счетной конструкции классификатор отсутствует, как в (1), и причина такого явления остается не выявленной.

лаосский¹¹

- (1) *kuu3 sù4 paa3 sòng3*
 1SG покупать рыба два
 ‘Я купил две рыбы’ [Enfield 2007, p. 121]

В языках ма и ксингмул классификатор в счетной конструкции тоже может отсутствовать, но правила их неупотребления могут быть сформулированы. Их несколько.

1. Классификатор в счетной конструкции не употребляется, когда имя обозначает объект, не существующий в реальном мире, как в (2) и (3). Причиной является то, что функция классификатора выражать конкретную референтность имени в таких случаях остается неостребованной.

ма

- (2) *kàn ʔəm tòm bri gè bàr*
 NMZ + находиться + в + лес= зверь иметь два
bù? mà ka pe ntuj
 голова и рыба три хвост
 [В сказках народов встречаются] ‘звери с двумя головами
 и рыбы с тремя хвостами’ [Язык ма, КЛФ 67, с. 274]

¹⁰ Некоторые различия связаны с разным порядком компонентов в счетной конструкции: лаосский: И Ч КЛФ и И КЛФ Ч (с числительным «один»); ма и ксингмул: Ч КЛФ И.

¹¹ Здесь и далее в примерах из [Enfield 2007] сохраняется фонологическая запись и глоссирование источника.

ксингмул

- (3) *bəkuəŋ biəl ʔlu: sa:m həlta:*
дракон два голова три хвост
'дракон с двумя головами и тремя хвостами' [Язык ксингмул, КЛФ 67, с. 257]

2. В языке ксингмул классификатор в счетной конструкции не употребляется, когда имя содержит классификатор в словообразовательной функции или словообразовательную морфему *ksi:ŋ* 'человек; NMZ'. В (4) *tap* 'комель; CLF' и *lem* 'ствол; CLF' употребляются в словообразовательной функции. В (5) в словообразовательной функции употребляется *nuəj* 'плод; CLF'. В (6) в словообразовательной функции употребляются *sa:k* 'человек; CLF' и *kho:n* 'человек; CLF'¹², при этом они находятся в отношении свободного варьирования со словообразовательной морфемой *ksi:ŋ* 'человек; NMZ', в языке ксингмул *ksi:ŋ* как классификатор не используется.

ксингмул

- (4) *kleh ziəŋ ʔe:p kuj miə peh*
около дом учиться иметься много дерево
kuj sa:m tap/lem miəŋ
иметься три комель; CLF /ствол; CLF манго
kuj biəl tap/lem kliəŋ
иметься два комель; CLF /ствол; CLF апельсин
met tap/lem cəlno:t
один комель; CLF /ствол; CLF лимон
'Около школы много деревьев: три дерева манго, два апельсиновых дерева, одно лимонное дерево' [Язык ксингмул, КЛФ 21, с. 249]

¹² Слово *kho:n* заимствовано из тайского языка. Ср. *khon2* в лаосском языке в примере (13).

ксингмул

- (5) *mih le:k mah ʔaŋ ha: nuəj*
2SG покупать давать; для 1SG пять плод; CLF
caŋno:t sip nuəj maŋ
лимон десять плод; CLF слива
'Купи мне пять лимонов и десять слив' [Язык ксингмул, КЛФ 23, с. 249]

ксингмул

- (6) *ʔaŋ pa:n sa:m*
1SG встречать три
ca:k /kho:n /ksi:ŋ bi:
человек; CLF / человек; CLF / человек; NMZ делать +
kəlʔuŋ pa: khəlgaŋ
охота = охотник в лес
'Я встретил в лесу трех охотников' [Язык ксингмул, КЛФ 9, с. 246]

В языке ксингмул есть другие случаи несовместимости классификатора и словообразовательной морфемы производного имени, в этих случаях устраняется либо классификатор, либо номинализатор. Эти случаи не ограничиваются только счетной конструкцией. Например, в (7) классификатор *to:* находится в отношении свободного варьирования с номинализатором *kuən*.

ксингмул

- (7) *kuən/to: neʔ siŋ diŋ ʔliəŋ*
мл. сиблинг; NMZ/ CLF маленький бросать камень
lih lo:ŋ
спускаться ручей
'Ребенок бросил камень в ручей' [Язык ксингмул, ПРВ III-16, с. 211]

В языке ма в счетной конструкции с именем, в состав которого входит классификатор в словообразовательной функции или словообразовательная морфема *kən* 'ребенок', которая употребляется

в названиях животных, может иметь при себе счетный классификатор, например: *pram nəm [plaj] kruəs* ‘пять апельсинов’ (букв. ‘пять – CLF – плод; CLF – апельсин’) [Язык ма, КЛФ 122 (РН), с. 289]. Но обычно счетный классификатор отсутствует, а классификатор в словообразовательной функции остается, например, *puən tòm ləʔəʔ* ‘четыре дерева манго’ (букв. ‘четыре – ствол; КЛФ – манго’) [Язык ма, КЛФ 86 (РН), с. 281].

Другая стратегия – это использование либо счетного классификатора, либо словообразовательного элемента *kən*, ср. примеры, записанные от разных информантов: *pe nəm kən pu* ‘три буйвола’ (букв. ‘три – CLF – *kən* – буйвол’) [Язык ма, КЛФ 137 (РН), с. 294] и *bər nəm/kən ʔasə* ‘две лошади’ (букв. ‘два – CLF / *kən* – лошадь’) [Язык ма, КЛФ 123а, с. 289].

В случае отглагольных имен устраняется либо классификатор, либо номинализатор, ср. *saw lə ka* ‘рыбак’ (букв. ‘человек; NMZ – делать – рыба’ [Язык ма, КЛФ 119 (РН), с. 288] и *pe naʔ lə ka* ‘три рыбака’ (букв. ‘три – CLF – делать – рыба’) [Язык ма, КЛФ 117 (РН), с. 288].

В языке мал¹³, входящем в ту же группу МК языков, что и язык ксингмул, специализированные классификаторы не употребляются с производными именами. В этом случае используется repeater-стратегия: в позиции классификатора повторяется первый компонент комплексной единицы, например, *dəi səŋ* ‘пятка’ (*səŋ* ‘нога’) – *dəi səŋ ba dəi* ‘одна пятка’ [Wajanarat 1979, p. 299].

В грамматике Н. Энфилда нет такого типа единицы, как классификатор в словообразовательной функции. Слова типа *maak5* ‘фрукт’ он называет таксономическими классификаторами, использующимися при счете фруктов. В лаосском языке вместо них может использоваться общий, неспециализированный классификатор *nuaj1* ‘единица’. Отсюда можно сделать вывод, что в лаосском языке не бывает совместного использования счетного и словообразователь-

¹³ Язык мал входит в кхмуическую группу мон-кхмерской ветви австро-азиатской семьи языков. На нем говорят на севере Таиланда и в прилегающих районах Лаоса.

ного классификатора, в отличие от языка ма, где это возможно, например, *pram nəm [plaj] kruəs* ‘пять апельсинов’ (букв. ‘пять – CLF – плод; CLF – апельсин’).

3. В языках ма и ксингмул классификатор в счетной конструкции отсутствует, когда числительное используется в несобственном значении: не для выражения конкретного количества, а для указания на большой/малый объем референциального множества. В полевых материалах есть только единичные примеры такого рода. Сравнивая предложения (8) и (9), можно предположить, что в (8) отсутствие классификатора связано с указанным фактором. В (8) классификатор показан как факультативный, в (9) он обязателен. Факультативность здесь означает возможность двух разных актуализаций предложения: при наличии классификатора – это высказывание о конкретном количестве, при отсутствии классификатора – это высказывание о достаточно большом количестве столов в школе небольшого горного селения¹⁴.

ма

(8) *tàm lədu? dv gè pò [nəm] bàn*
 в комната этот иметься семь CLF стол
 ‘В этой комнате семь столов’ [Язык ма, КЛФ 81в, с. 280]

ма

(9) *dùl ne? bàn tàm lədu? dv*
 один CLF стол в комната тот
 ‘Один стол в этой комнате’ [Язык ма, КЛФ 81г, с. 280]

¹⁴ Это предложение из последовательности восьми предложений в анкете «Классификаторы», в которых речь идет о сельской школе [Язык ма, с. 279-280]. Предложение переведено с вьетнамского языка, в котором классификатор присутствует. При работе с информантом часто приходится учитывать прагматический фактор, когда концептуализация предложения, построенного информантом, отличается от концептуализации анкетного предложения на вьетнамском языке. В данном случае семь столов для сельской школы в отдаленном районе – это очень много, не то же самое, что для городской.

Такая же ситуация имеет место в (10), где классификатор *nuəj* отсутствует в *si: meŋ* ‘четыре звезды’. Использование классификатора в *sa:m nuəj* ‘три штуки’ в том же предложении не противоречит данному предположению, поскольку в этом случае классификатор употребляется в другой функции – анафорической.

ксингмул

- (10) *ʔaŋ diə pa: ktu:l ɲek meŋ pa: ʔi:*
 1SG видеть LOC небо мало звезда LOC этот
kuj si: meŋ luəŋ ɟam kuj
 иметься четыре звезда сторона тот иметься
sa:m nuəj
 три CLF
 Я вижу на небе мало звезд: здесь – четыре звезды, там – три’
 [Язык ксингмул, КЛФ 27, с. 250]

В (11) *met* ‘один’ используется в собственном значении – для указания точного количества объектов «солнце» и «луна», поэтому классификатор обязателен¹⁵.

ксингмул

- (11) *həda: ktu:l kuj to: met nuəj mat*
 верх небо иметься только один CLF асем.+
cəlŋe: kuj to: met nuəj ki:
 асем.= солнце иметься только один CLF луна
 ‘На небе только одно солнце и одна луна’ [Язык ксингмул, КЛФ 26, с. 250]

В отличие от языка ксингмул, в китайском языке со словами «солнце», «луна», «земля» классификаторы не употребляются, однако в мифологии такое употребление возможно [Тань 2002, с. 637].

¹⁵ В анкете предложения (10) и (11) идут подряд.

В изолирующих языках Азии отмечаются и другие типы ограничений на употребление классификаторов с числительными, связанные с функциональной природой классификаторов. В языке кхаси классификаторы не используются с числительным «один» [Greenberg 1972], а в тайском языке классификаторы не используются с большими числами, такими как «тысяча», при условии, что говорящий не подчеркивает индивидуализированный характер объектов, входящих в референциальное множество [Adams 1989, р. 9]. В первом случае классификатор избыточен, поскольку он выражает конкретную референтность и значение единичности, во втором случае причина в том, что в обыденном сознании большие множества трудно представить как состоящие из индивидуализированных элементов.

Повтор имени (repeaters)

В лаосском языке многие имена не имеют специализированных классификаторов. В этих случаях в позиции классификатора может повторяться само имя, как в (12).

лаосский

- (12) *kuu3* *siø* *hêt1* *hang2* *sip2* *hang2*
 1SG IRR делать гнездо десять гнездо
 ‘Я сделаю десять гнезд (для цыплят)’ [Enfield 2007, p. 122]

Предложение (13) Н. Энфилд ошибочно рассматривает как конструкцию с повтором (repeater structure), на самом деле здесь слово *khon2* ‘человек; CLF’ используется в разных функциях, что видно, если сравнить (13) и (14). Однако Н. Энфилд отмечает одно интересное явление: в ситуациях, как в (13), т.е. когда *khon2* выступает в двух разных функциях, говорящие часто опускают имя, но не классификатор.

лаосский

- (13) *kuu3 hên3 khon2 sòòng3 khon2*
1SG видеть человек два CLF
'Я видел двух человек' [Enfield 2007, p. 123]

лаосский

- (14) *kuu3 hên3 khuu2 sòòng3 khon2*
1SG видеть учитель два CLF
'Я видел двух учителей' [Enfield 2007, p. 123]

В языке ксингмул, в отличие от лаосского языка, двухфункциональные имена *sa:k* 'человек; CLF', *kho:n* 'человек; CLF' используются в счетной конструкции только один раз. Как представляется, разные стратегии связаны с разным порядком компонентов в счетной конструкции¹⁶. В результате использования этих имен в двух функциях в ксингмул возникали бы последовательности типа **met sa:k sa:k*.

ксингмул

- (15) *thəna: mat ʔaŋ kuj met sa:k*
перед лицо 1SG иметься один человек; CLF
kəliən
сидеть
'Передо мной сидит человек' [Язык ксингмул, ПРВ I-14, Т с. 203]

В языке мал стратегия та же, что в лаосском, несмотря на то, что мал и ксингмул близкие родственники. Но в языке мал порядок компонентов в счетной конструкции такой, как в лаосском языке¹⁷.

¹⁶ См. сноску 10.

¹⁷ С. Вайанарат называет имена, повторяющиеся в позиции классификатора, "self-classifiers".

мал

- (16) *ʔən ʔui ciaŋ ba ciaŋ*
1SG иметь дом один CLF
'Я имею один дом' [Wajanarat 1979, p. 298]

Классификаторы в предложениях с ослабленной утвердительностью

Классификаторы могут не употребляться в вопросительных предложениях и предложениях с отрицательной полярностью. Это связано с тем, что они относятся к типу предложений с ослабленной утвердительностью, что влияет на возможность использования референтной формы имени.

Особым случаем являются вопросительные предложения со словом «сколько». В связи с тем, что в них все-таки речь идет о конкретном количестве, возникает конфликт стратегий маркирования референциального статуса. Этот конфликт в сравниваемых языках разрешается по-разному. В лаосском языке в вопросительных предложениях со словом «сколько» классификатор употребляется, но при этом может опускаться имя (17). В языке ма в этих случаях классификатор употребляется, но некоторые информанты отмечают, что его можно опустить, ср. (18) и (19), записанные от разных информантов. В языке ксингмул классификатор в вопросительных предложениях со словом «сколько» не употребляется (20).

лаосский

- (17) *mùŋ2 sùt4 [paʌ3] cak2 too3*
2SG покупать рыба сколько CLF
'Сколько рыб ты купил?' [Enfield 2007, p. 122]

ма

- (18) *gè* *dòʔ* *naʔ* *ʔò* *kòn* *tòm*
иметься сколько CLF мл. сиблинг ребенок в
bàn *dò* *lòt* *hòk*
деревня этот ходить учиться
‘Сколько детей в этой деревне ходит в школу?’ [Язык ма, ВПР 90, с. 397]

ма

- (19) *tuəŋ* *dò* *gè* *dòʔ* [*naʔ*] *kənəm* *bəsrəm*
школа этот иметь сколько CLF ребенок учиться
‘Сколько учеников учится в этой школе?’ [Язык ма, КЛФ 81, с. 279]

ксингмул

- (20) *kuj* *pan* *moh* *kə:n* *ŋak*
иметься асем.+ что = сколько ребенок маленький
zu: *ʔe:p*
ходить учиться
‘Сколько детей ходит в школу?’ [Язык ксингмул, ВПР 116, с. 374]

В языке ма классификаторы могут не употребляться в вопросительных предложениях. В [Погибенко 2020, с. 128-129] приводится серия предложений ВПР 63–63д, которые хорошо иллюстрируют это правило. В них говорится о конкретном объекте – велосипеде. Слово *rədə* (*cə*) ‘велосипед’ (букв. ‘повозка-нажимать.ногой’) употребляется с классификатором *neʔ* в утвердительных предложениях, например: *ʔaŋ bləj mi ʔin dũ³ neʔ rədə cə* (один – CLF – велосипед) ‘Я купил для тебя велосипед’ (ВПР 63б), *ʔaŋ ʔaj mi ʔin dũ³ neʔ rədə cə* (один – CLF – велосипед) ‘Я даю тебе велосипед’ (ВПР 63в), и без классификатора в вопросительных предложениях, например: *saw bləj radə saw mi ʔaj gən* ‘Кому купили велосипед?’ (ВПР 63), *bàp mi bləj radə saw là khaj ʔaj gən* ‘Твой отец купил велосипед, кому он дал его?’ (ВПР 63а), *mi bləj radə saw là mi ʔaj gən* ‘Кому ты купил

велосипед?» (ВПР 63г), *saw là blaj mi ʔin rədè gən te(B)* ‘Кто купил тебе велосипед?’ (ВПР 63д).

В языке ма классификаторы могут не употребляться в предложениях с отрицательной полярностью. В (21) при имени *tuəŋ* ‘ложка’, входящем в сферу действия отрицания, классификатора нет, но при имени *dùo* ‘палочка для еды’, в сферу действия отрицания не входящего, классификатор есть.

ма

(21) *təm ndrùm bàl ʔəʔ gè tuəŋ gè*
в ящик стол NEG иметь ложка иметь

tuŋ dùo
палка, трость; CLF палочка для еды

В ящике стола нет ложек, но лежат палочки для еды’ [Язык ма, СКД 3, с. 335]

Отсутствие классификатора со словами «рука» и «нога»

Н. Энфилд отмечает, что в лаосском языке слово «рука» не имеет специализированного классификатора. В счетной конструкции с этим словом используется либо повтор имени (repeater), как в (22), либо “location term” *bùang4* ‘сторона’, как в (23). Вторая стратегия используется как альтернатива классификатору при счете симметричных парных частей тела, как в (24).

лаосский

(22) *mii2 khon2 maø tat2 qaw3 khèèn3*
иметься человек DIR.ALL резать брать рука

paʔ3 khèèn3 nung1
уходить рука один

‘Кто-то пришел и отрезал у него одну руку’ [Enfield 2007, p. 127]

лаосский

- (23) *thuk1 khon2 mii2 khèèn3 sòòng3 bùang*
 каждый человек иметь рука два сторона
 ‘У каждого человека две руки’ [Enfield 2007, p. 127]

лаосский

- (24) *thuk1 khon2 mii2 taa3 sòòng3 nuaj/bùang4*
 каждый человек иметь глаз два CLF/сторона
 ‘У каждого человека два глаза’ [Enfield 2007, p. 127]

В языке ма с классификатором не употребляются слова «рука» и «нога». В (25) перечисляются разные части тела, но только *ti* ‘рука’ и *jəŋ* ‘нога’ остаются без классификаторов.

ма

- (25) *təl caw gè bàr nəm mat bàr*
 каждый человек иметь два CLF глаз два
nəm tūr bàr ti bàr jəŋ d̀̀l ne?
 CLF ухо два рука два нога один CLF
b̀̀l? d̀̀l ne? m̀̀l d̀̀l ne? mb̀̀l
 голова один CLF нос один CLF рот
 ‘У каждого человека два глаза, два уха, две руки, две ноги,
 одна голова, один нос, один рот’ [Язык ма, КЛФ 150 (РН),
 с. 296]

ма

- (26) *təm tu? ʔ̀̀s sa*
 в отрезок времени огонь+ есть=гореть
h̀̀w ʔ̀̀ŋ di ləh̀̀? d̀̀l ti
 дом 1SG PASS обжигать один рука
mà d̀̀l jəŋ
 и один нога
 ‘Во время пожара дома мне обожгло руку и ногу’ [Язык ма,
 КЛФ 172 (РН), с. 300]

Классификаторы в конструкциях с модификаторами

Как отмечается в [Погибенко 2020, 2021], употребление классификатора при имени с определением, выраженным глаголом, прилагательным, личным или указательным местоимением, придаточным определительным мотивировано тем, что характеристика единичного объекта при помощи модификаторов требует конкретно-референтной формы имени. В лаосском языке в именной группе с определениями указанных типов используются классификаторы. Классификаторы в данной функции Н. Энфилд обозначает термином “modifier classifiers” и рассматривает их отдельно от классификаторов в счетной конструкции по нескольким причинам. Во-первых, инвентарь классификаторов в этой функции претерпевает определенные изменения. В принципе любой классификатор может использоваться, включая повтор имени (repeater), но на практике их инвентарь резко сокращается, так что многие семантические противопоставления нейтрализуются. Во-вторых, в конструкции с модификатором изменяется позиция классификатора по отношению к имени: И Ч КЛФ $\Rightarrow$ И КЛФ МОД и ударение по правилам его расстановки в синтагме в лаосском языке перемещается с классификатора на модификатор, что приводит к изменению фонологического состава классификатора. В лаосском языке в именных группах, содержащих и числительное, и модификатор, классификатор занимает позицию как в конструкции с модификатором: И Ч КЛФ МОД, как в (27).

В языках ма и ксингмул подобного конфликта со словопорядком не возникает, поскольку в этих языках Ч и МОД располагаются по разные стороны от имени¹⁸: Ч КЛФ И МОД, как в (28) с тремя модификаторами.

¹⁸ См. сноску 10.

лаосский

- (27) *kuu3 siø kin3 paa3 sòòng3 toø nii4*
 1SG.B IRR есть рыба два CLF.ANIM этот
 ‘Я съем эти две рыбы’ [Enfield 2007, p. 140]

ма

- (28) *puən nəm chi dòn̩ həʔ tam tàm*
 четыре CLF дерево большой тот сажать LOC
jəŋ giŋ
 снаружи двор
 ‘Эти четыре больших дерева, посаженные во дворе’ [Язык ма,
 КЛФ 126 (РН), с. 290]

Н. Энфилд отмечает, что в конструкциях с модификатором специализированные классификаторы, как правило, не употребляются. Вместо них используются общие, неспециализированные классификаторы *too3* ‘тело’ и *qan3* ‘маленький предмет’. Он объясняет это тем, что при наличии модификаторов «специфическая информация о форме или конфигурации является избыточной для установления референции того, что уже активировано в дискурсе или присутствует в общем поле зрения участников коммуникации. Более того, это делает выбор классификатора с более специализированной семантикой в контексте конструкции с модификатором прагматически маркированным» [Enfield 2007, p. 141]¹⁹. Н. Энфилд приводит примеры со специализированным (29а) и общим (29б) классификаторами, которые, якобы, подтверждают сделанное им предположение:

¹⁹ “... specific information concerning shape or form is unnecessary for the basic task of picking up reference to something already active in the discourse or present in the speech situation. Indeed, this makes selection of a more semantically specific classifier in a modifier classifier context pragmatically marked” [Enfield 2007, p. 141].

лаосский

- (29a) *khòøj5* *mak1* *sin5* *phùùn3* *nii4*
1SG.P нравиться юбка CLF.CLOTH этот
'Мне нравится эта юбка' [Enfield 2007, p. 140]

лаосский

- (29б) *khòøj5* *mak1* *sin5* *qanø* *nii4*
1SG.P нравиться юбка CLF этот
'Мне нравится эта юбка' [Enfield 2007, p. 141]

К сожалению, эти примеры не годятся для иллюстрации сформулированного положения, поскольку содержат указательные местоимения, которые и выполняют работу по локализации референта в денотативном пространстве дискурса.

Тем не менее рассуждения Н. Энфилда о предпочтительном использовании неспециализированных классификаторов и прагматической маркированности специализированных классификаторов в конструкциях с модификаторами заслуживают внимания, и этому есть подтверждение в языках ма и ксингмул.

В языках ма и ксингмул, так же как и в лаосском языке, классификаторы употребляются в конструкциях с модификаторами разных типов: прилагательными, придаточными определительными предложениями, указательными местоимениями, порядковыми числительными. В отличие от лаосского языка ограничений на использование специализированных классификаторов и их замены на неспециализированные классификаторы не отмечается. Например, в (30) в именной группе с указательным местоимением и придаточным определительным используется специализированный классификатор *to*: для имен, обозначающих детей и животных. В (31) в именной группе с посессивным определением используется специализированный классификатор *paŋ* для плоских предметов.

ксингмул

- (30) *to: loŋ kuɯ biŋ kəlʔuɯ laj zo:*
CLF кабан тот PL охотиться следовать долгий
lew ne:ŋ huuk lew
PRF уставать очень PRF
'Кабан, которого долго преследовали охотники, устал' [Язык
ксингмул, АТР 67, с. 319]

ма

- (31) *paŋ bil chi me laʔ bar bi*
CLF циновка POS мать расстилать снаружи двор
'Циновка матери лежит во дворе' [Язык ма, КЛФ 116, с. 288]

Как и в лаосском языке, в языках ма и ксингмул существуют ограничения на употребление классификаторов в конструкциях с модификатором. Однако есть отличия. Во-первых, ограничения проявляются только в одном типе конструкций – с модификатором, выраженным указательным местоимением в дейктической функции, когда местоимение отсылает к объекту, на который направлен реальный или мысленный жест говорящего. Во-вторых, ограничения мотивированы совсем не теми функциональными свойствами классификаторов, о которых говорит Н. Энфилд. В-третьих, ограничения касаются любых классификаторов, а не только специализированных.

В языках ма и ксингмул любой классификатор, как специализированный, так и неспециализированный, в конструкциях с указательным местоимением в дейктической функции становится избыточным, как в (32–34). В этом случае классификатор, будучи актуализатором конкретно-референтного денотативного статуса ИГ, остается невостребованным и не употребляется. Это правило не распространяется на случаи, когда указательное местоимение используется в анафорической функции как в (30)²⁰.

²⁰ О различии правил употребления классификаторов в конструкциях с указательными местоимениями в анафорической и дейктической функциях говорится в [Погибенко 2021].

ксингмул

- (32) *cɿuəŋ* *ʔi:* *kəlga:*
дерево этот старый
‘Это дерево старое’ [Язык ксингмул, АТР 1а, с. 308]

ксингмул

- (33) *ʔaŋ* *mak* *ga:ŋ* *ʔi:*
1SG нравиться рубашка этот
‘Мне нравится эта рубашка’ [Язык ксингмул, РЕЧ 62, с. 234]

ма

- (34) *ʔàw* *ne* *lè* *crèʔ* *ləduŋ*
рубашка тот PRF рваться карман
‘У той рубашки разорваны карманы’ [Язык ма, ПРП 137, с. 330]

Не только местоимения в дейктической функции, но и другие типы модификаторов в определенных контекстах могут содержать достаточно информации для установления референции и локализации референта в денотативном пространстве дискурса и, тем самым, делать классификатор избыточным. Это имеет место в (35).

ма

- (35) *ʔaŋ* *kəŋ* *sə* *ʔàw* *dàʔ*
1SG нравиться надевать рубашка цвет
put *mhəʔ* *trùʔ*
синий, зеленый кожа небо
‘Мне нравится надевать небесно-голубую рубашку’ [Язык ма, РЕЧ 205 (РН), с. 269]

В языке ма есть примеры, которые, возможно, подтверждают точку зрения Н. Энфилда, что в контексте конструкции с модификатором выбор классификатора с более специализированной семантикой является прагматически маркированным. Если в лаосском языке

речь идет о выборе между специализированным и общим классификатором, то в ма – это выбор между наличием и отсутствием классификатора. Если в лаосском языке речь идет о классификаторах в конструкциях с модификаторами разных типов, то в языке ма такое можно наблюдать только в одном типе – в конструкции с указательным местоимением в дейктической функции. Например, сравнивая предложение (35) без классификатора и (36) с классификатором, можно предположить, что в (36) наличие классификатора, т.е. нарушение правила об избыточности классификатора, связано с прагматическим фактором оценки. Обращает на себя внимание тот факт, что в (36) в предложениях на трех языках – русском, вьетнамском и ма используются разные языковые стратегии для усиления аксиологической оценки «красивый»: наречие в русском предложении, лексический комплекс *tuyêt đẹp* ‘прекрасный, великолепный’ (букв. ‘восхитительный – красивый’) во вьетнамском предложении и «избыточный» классификатор *paŋ* для плоских предметов в предложении на языке ма²¹.

ма

- (36) *paŋ ʔàw pə dv niəm ɲan*
 CLF рубашка, платье новый этот красивый очень
 ‘Это новое платье чрезвычайно красивое’, вьет. *Cái áo mới này*
tuyêt đẹp [Язык ма, РЕЧ 78, с. 244]

²¹ Что касается слова *ɲan*, это отдельная проблема: в переводах с русского языка на языки ма, ксингмул и вьетнамский предложений со сказуемым, выраженным предикатом оценки, в конце предложений часто добавляется слово ‘очень’, которое, как правило, не выражает своего лексического значения, например, ксингмул: ‘Он уехал далеко’ *ʔun zu: ziəʔ huuk* (3sg – ехать – далекий – очень) [Язык ксингмул, РЕЧ 183, с. 240], ‘Он уехал в далекую деревню’ *ʔun zu met kə:l ziəʔ huuk* (3sg – ехать – один – деревня – далекий – очень) [Язык ксингмул, РЕЧ 182, с. 240], ма: ‘Эта материя прочная’ *bjəj dv gəʔ ɲan* (ткань – этот – прочный – очень) [Язык ма, АТР 109 (РН), с. 438].

Классификаторы при имени в автономном употреблении

В языках ма и ксингмул при имени в автономном употреблении, т.е. без модификаторов, в том числе числительных, классификаторы используются в именных группах, предназначенных для осуществления конкретной референции к единичному объекту. Классификаторы употребляются в интродуктивных именных группах и не употребляются в идентифицирующих именных группах, например это видно из сравнения (37a) и (37б)²². В интродуктивных именных группах часто используется числительное «один» (37a). В предложениях, являющихся утверждениями общего характера, обычно используется родовая форма имени, без классификатора (38).

ма

- (37a) *bə̀ tòm hìw lət lic dù3 naʔ kən*
из внутри дом идти выходить один CLF ребенок
dit
маленький
‘[Я стоял около дома.] Из дома вышел мальчик’ [Язык ма, ОМВ 72, с. 447]

ма

- (37б) *kən dit bə̀ tòm hìw lət lic*
ребенок маленький из внутри дом идти выходить
‘Мальчик вышел из дома’ [Язык ма, ОМВ 72, с. 447]

ма

- (38) *sv ʔəʔ kən mèw*
собака NEG любить кошка
‘Собаки не любят кошек’ [Язык ма, КЛФ 160, с. 299]

²² Эти предложения в анкете заданы в виде связного мини-текста.

В грамматике Н. Энфилда можно найти примеры, свидетельствующие о том, что в лаосском языке в интродуктивных именных группах тоже используется числительное один, как в (39)²³.

лаосский

(39) *mii2* *caw4-saaj2* *qong3* *nùng1*
 иметься господин-мужчина CLF один
 ‘Жил-был принц’ [Enfield 2007, p. 159]

Заключение

Сравнение языков лаосского, ма и ксингмул, предпринятое в данном исследовании, позволяет говорить о том, что функциональное поле классификаторов в изолирующих языках Азии устроено сложно, но единообразно. На употребление классификаторов оказывают влияние одни и те же семантические, синтаксические и прагматические факторы, а также логико-коммуникативные факторы дискурса. Различия в правилах использования классификаторов в разных языках могут возникать в ситуациях конфликта стратегий маркирования, когда делается произвольный выбор в пользу одной из них, как в ситуации использования классификаторов с производными именами, или разные правила употребления классификаторов в вопросительных предложениях со словом «сколько». Далеко не все многочисленные случаи отсутствия классификаторов можно квалифицировать как факультативность или нерегулярность их употребления. Классификатор может отсутствовать, когда выражение конкретной референтности не востребовано, как, например, в идентифицирующих именных группах, или в именных группах с указательным местоимением в дейктической функции; есть случаи, когда присутствие классификатора просто невозможно, например, когда именная группа отсылает к несуществующему объекту.

²³ См. сноску 11.

Условные обозначения

АТР	–	анкета «Атрибутивные отношения»
ВПр	–	анкета «Вопросительные предложения»
ОМВ	–	анкета «Обстоятельства места и времени»
ПрВ	–	анкета «Первичная»
ПрП	–	анкета «Простое предложение»
Реч	–	анкета «Части речи»
СКД	–	анкета «Сказуемое – дополнение»
ANIM	–	одушевленный
CLF	–	классификатор
LOC	–	локатив
NEG	–	негация
NMZ	–	номинализатор
PL	–	множественность
POS	–	посессив
PRF	–	перфектив

Источники

- НБВРС – *Новый Большой Вьетнамско-Русский Словарь*. М., 2012. — 1270 с.
- Язык ксингмул – *Материалы Советско-Вьетнамской Лингвистической Экспедиции 1979 года. Язык Ксингмул*. М., 1990. — 419 с.
- Язык ма – Погибенко Т.Г., Ефимов А.Ю. *Материалы Российской-Вьетнамской Лингвистической Экспедиции. Язык Ма*. М., 2020. — 504 с.

Литература

1. Падучева Е.В. *Высказывание и его соотнесенность с действительностью*. М., 1985. — 271 с.

2. Погибенко Т.Г. Классификаторы в языке ма // *Труды Института востоковедения РАН, выпуск 27. Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Языки Азии и Африки.* М., 2020. С. 115-134.
3. Погибенко Т.Г. Классификаторы в языке ксингмул: к вопросу о пресловутой факультативности // *Вестник ИВ РАН, №2 (16).* М., 2021.
4. Тань Аошун. Новая концепция преподавания китайского языка. Постановка вопроса // *Изучение китайского языка.* М., 2000. С. 6-16.
5. Adams K.L. *Systems of Numeral Classification in the Mon-Khmer, Nicobarese and Aslian Subfamilies of Austroasiatic.* Canberra, 1989. — 219 p.
6. Aikhenvald, Alexandra Y. *Classifiers. A Typology of Noun Categorization Devices.* Oxford: Oxford University Press, 2000. — 562 p.
7. Diller A. Resources for Thai language research // *The Tai-Kadai Languages.* Routledge, London and New York, 2008. P. 31-82.
8. Enfield, N.J. *A Grammar of Lao.* Mouton de Gruyter, Berlin and New York, 2007. — 592 p.
9. Greenberg J. Numeral classifiers and substantival number; problems in the genesis of a linguistic type // *Working Papers on Language Universals, № 9.* P. 1-39. [электронный ресурс] URL: <https://eric.ed.gov/?id=ED117944> (дата обращения 10.07.21).
10. Sim Sook Hui. *The Semantics and Grammar of Vietnamese Classifiers.* National University of Singapore, 2003. — 199 p.
11. Vittrant, Alice, Tang, Mark. Classifiers in Southeast Asian languages. 2020. hal-03047627. [электронный ресурс] URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03047627> (дата обращения 08.07.23).
12. Wajanarat Sujaritlak. Classifiers in Mal (Thin) // *Mon-Khmer Studies VIII.* The University Press of Hawaii, 1979. P. 295-303.

Plurals in Mandarin and Cantonese: Cases of Men and Di

Anna S. Schwarz

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
a.shvarts@ivran.ru, ORCID 0000-0003-4647-5899

Kan Wai Shan

Higher School of Economics, Moscow, Russia,
ottiliekan@mail.ru

Abstract: The paper looks at the items related to plural reference in the two major dialects of Chinese: Mandarin and Cantonese. Taking for model the set of features of the Mandarin *men*, Cantonese plurality items are examined. The analysis reveals differences in Cantonese and Mandarin number systems, and shows that the Cantonese plural item *di*, commonly treated as a fuzzy classifier, deviates from other classifiers in its properties.

Keywords: Mandarin, Cantonese, grammatical number, plural markers, fuzzy classifiers, 们, 啲

Множественность в мандаринском и кантонском: о показателях *men* и *di*

Анна Сергеевна Шварц

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
a.shvarts@ivran.ru, ORCID 0000-0003-4647-5899

Кань Вайшань

НИУ ВШЭ, Москва, Россия
ottiliekan@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются показатели множественности в двух диалектах китайского языка: мандаринском и кантонском. Мы изучаем свойства кантонских показателей в сравнении с мандаринским суффиксом *men*, выявляем различия в системах показателей

числа в мандаринском и кантонском; показываем, что свойства кантонского показателя множественности *dí* не позволяют без оговорок считать его классификатором, вопреки принятому мнению.

Ключевые слова: китайский, мандаринский, кантонский, грамматическое число, показатели множественности, неопределенная множественность, 们, 啲

Introduction

Our work aims to explore ways of marking plural number on nouns and pronouns in Cantonese compared to those in Mandarin. Number systems perform a great diversity across languages. Out of all lexical categories, pronouns tend to display most number oppositions, which is explained by their central role in human interaction [Acquaviva, Daniel 2019]. For dialects of Chinese, it is believed that only pronouns show regular distinctions in number values.

This research was primarily inspired by the investigation on Mandarin suffix 们 *men* that was carried out in [Iljic 2001]. His study has revealed specific features of *men*: being a pronominal plural suffix, *men* can limitedly apply to nouns, which normally are not marked for plurality. So, speaking of Mandarin, the pronominal category of plurality is partially expanded to the noun domain. This picture is not so common in typological perspective and it begs to be compared with data from other dialects. In the current research we have focused on Cantonese. In the future, it would be also challenging to extend the current study on other groups of dialects of Chinese, in order to get the whole picture in detail.

Methods of collecting data

In the course of our research, we have used examples from the internet, corpora, namely CantoneseWaC and PolyU Corpus of Spoken Chinese, and questionnaires. All questionnaires were multiple-choice and contained a set of English sentences with Cantonese translations. Respondents were asked to choose all appropriate translations from the list for each English sentence. About 50 Cantonese native speakers, age

from 15 to 60, residing mainly in Hong Kong and Macau, were taken for respondents. Examples in the current text belong to our questionnaires, if not marked otherwise. Examples are typed in simplified and traditional characters for Mandarin and Cantonese, consequently, along their common ways of writing.

Plurality in Mandarin and the suffix *men*

The peculiarity of the Mandarin 们 *men* is that it combines not only with pronouns, but also with certain nouns in certain contexts. Studies of *men* in literature are abundant; beginning from classic works such as [Chao 1968] or [Lu 1947] and up to the latest papers such as [Jiang 2017]. *Men* is often addressed to as a “collective marker” or just a “plural marker”, and arguments in favor of either point of view keep appearing in published works. To our point of view, [Iljic 2001] is a study on men that deserves special attention. In his work, Iljic argues that *men* is a marker of, as he puts it, “subjective grouping”: an NP-*men* is usually associated either with addressing or with self-reference: ...*In a nutshell, men always marks a subjective grouping. This subjective grouping is intrinsic to the 'plural' of personal pronouns. In a narrative, the presence of men signals a shift of point of view on the part of the speaker/narrator.*

It is widely attested that NP-*men* do not combine with numbers and demonstratives:

朋友 们

Pengyou men
friend MEN
'Friends'

*三个 朋友们

*San ge pengyou men
*Three CL friend MEN
'Three friends'

*这些 朋友们

*Zhe xie pengyou men

*DEM CL friend MEN

'These friends'

Otherwise, NP-*men* are always referential and only allow definite reading.

*人们 是 毒药

*Ren men shi duyao

*People- MEN be poison

'People are poison'

(generic reading is not allowed)

NP-*men* hardly occur in predicate position, unless in a contrastive sentence, such as

我们是教授们，你们是学生们。

Women shi xiansheng men nimen shi xuesheng men

1.PL be professor- MEN 2.PL be students MEN

'We are the professors and you are the students.'

Iljic also points out that NP-*men* can only refer to humans. He claims that all these features can be explained by “collective” and “personal” (subjective) nature of *men*: *All the remarkable properties of men follow from either its collective dimension (incompatibility with simultaneous counting) or its personal dimension (human reference, definiteness and non-genericity, modal value). These two dimensions also account for the fact that men is obligatory with pronouns and optional with nouns.*

Summarizing the *men* case, we can say that its expansion from the pronouns to the noun domain brings pronominal, or personal semantics to

nouns it is applied to, making nouns take pronominal function. Our further research aimed to see if Cantonese follows a similar pattern.

Plurality in Cantonese: pronouns

Personal pronouns in Cantonese can take the following plural markers.

Cantonese cognate of the Mandarin *men*, pronounced as *muhn*, is only used in formal register, and retains the properties of the Mandarin affix: it can be applied to nouns, invoking the semantics of addressing:

鄰居們，我哋首先要解決最緊要嘅問題！

Leuhn	geui	muhn	ngohdeih	sausin	yiui
Dear	neighbour	MUHN	1.PL	first	need

gaaikyut	jeui	ganyiu	ge	mahntaih
solve	most	important	ATTR	issue

'Dear neighbours, firstly, we should deal with the most critical issue'

The neutral regular suffix for forming plural of pronouns is *deih*. As [Matthews, Yip 2010] put it, “*personal pronouns are the only items in Cantonese with distinct plural forms, regularly formed by adding the suffix deih*”. Unlike Mandarin *men*, the suffix *deih* does not apply to nouns. It is purely a pronominal suffix. According to [Matthews, Yip 2010], plural pronouns require using *deih*. However, our survey showed that 3rd person pronouns referring to inanimate objects can sporadically drop out the plural suffix. In the following sentence, for instance, 13 out of 48 respondents selected the option without *deih*:

呢 啲 雜誌 我 唔 睇 架 啦, 你 可 以 拎 走 佢 (哋)。

Li	di	jaahpji	ngoh	mh	tai	gala
This	DI	magazine	1.SG	NEG	watch	SFP

neih	hoyih	lingjau	keuih	(deih)
2.SG	can	bring.away	3	(PL)

'These magazines, I will not read them anymore; you can take them away.'

A 3rd person plural pronoun following a personal noun is used to form what is referred to as “collective plural” in [Matthews, Yip 2010]. Following [Daniel 2019] we will call it an “associative plural” form:

我 只 係 覺 得 林 鄭 佢 哋 有 心 整 死 香 港 人

Ngoh	jihaih	gokdak	lahmjehng	keuihdeih
1.SG	only.thing	feel	Lam-Cheng	3.PL

yauhsam	jingsei	heunggongyahn
want	make.die	Hong.Kong.people

'I believe that Lam-cheng and her people want Hongkongers to die.'

Plurality in Cantonese: nouns

While pronouns distinguish singular and plural forms on a regular basis, so that there is no doubt that number is a grammar category on pronouns, it is not the case for nouns. Typically, like in most Chinese dialects, an NP referring to a multiple object looks like NUM-CL-N, where N is not marked for number. A bare NP, as well as a CL-NP, is not specified by number in Cantonese. For that reason, a widespread point of view has it that nouns do not change by number.

However, there are cases where an NP without a numeral still unambiguously refers to a multiple entity. Such groups are marked by 啲 *di*. It takes the classifier position and are often treated as “fuzzy quantity

classifier” and translated as “some”. 㗎 *di-* is said to be a descendant of the same stem as the pronominal *deih*: both derive from 等 *dang* (meaning ‘et cetera’) (see [Zhang, Deng 2014]). There is a dispute whether *di* is a plural marker or a plural classifier: [Erbaugh 2006], [Chan 1992], [Cheng, Sybesma 1999] and [Tse, Li, Leung 2007] stand for the latter opinion, whereas, in contrast, [Cheung, Bauer 2004], [Lee 2001], [Lee 2018], [Valentini 2014] argue for the former. We have implemented a detailed analysis of features and functioning of *di* in order to specify its nature. In the chapters below, we will explore *di*-NPs with regard to animateness, referentiality, compatibility with numbers and quantifiers. Some of those features make *di* closer to a plural marker, others to a classifier.

Animateness

As our data show, *di* applies not only to humans (*di sinsaan* ‘Messieurs’), but also both to animate (*di maoi* ‘cats’) and inanimate nouns (*di gafe* ‘coffee’). More than that, it applies to certain abstract nouns, like in the following examples:

我知道我㗎煩惱好大機會會成為我嘅笑話。

Ngoh	jidouh	ngoh	di	faahnnouh	houdaaih	geiwuih
1.SG	know	1.SG	DI	annoyance	very.big	chance

wuih	sihngwaih	ngohge	siuwah
will	become	1.SG ATTR	joke

‘I know that my troubles are just like a joke.’

[Gill 2016]

佢要曬啲時間。

Kéuih yih saai di sihgaan

3.SG want waste DI time

'He wants to waste time.'

[PolyU Corpus of Spoken Chinese]

Unlike Mandarin *men*, though, *di* does not apply to proper nouns.

Summarizing, we can say that *di* has a very wide compatibility with nouns: it applies to almost any common (non-proper) noun, thus has little lexical constraints on compatibility, which is not typical of a classifier. If regarded a classifier, it is a most “generic”, unspecified one.

Definiteness

[Cheng, Sybesma 2005] have carried out a comparative analysis of referentiality of NPs in four dialect groups of Chinese, including Cantonese. According to this work, CL-NPs can get definite or indefinite (but not generic) interpretation in Cantonese, whereas bare NPs can be either indefinite or generic, but not definite. (Note that this is not the case with Mandarin, where bare NPs can get any possible referentiality, while CL-NPs are limited in use and can only be definite.) Their results are as follows:

Interpretation	Num-Cl-NP	Cl-NP	Bare NP
Indefinite	+Mandarin +Wu +Min +Cantonese	+Mandarin +Wu *Min +Cantonese	+Mandarin +Wu +Min +Cantonese
Definite	*Mandarin *Wu *Min *Cantonese	*Mandarin +Wu w. tone neutr. *Min +Cantonese	+Mandarin +Wu +Min *Cantonese
Generic	*Mandarin *Wu *Min *Cantonese	*Mandarin *Wu *Min *Cantonese	+Mandarin +Wu +Min +Cantonese

We can see from this table that CL-NPs in Cantonese allow definite and indefinite but not generic reading. So, if *di* were a classifier, we could then expect it to act the same way as other classifiers, i.e. *di*-NPs to allow definite and indefinite interpretation, and not allow generic meaning. However, our evidence does not fully meet those expectations. *di*-NPs can be definite, like in the sentence below:

啲 科學家 對 實驗 嘅 進展 感到 擔憂

Di fohohkga deui sahtyihm ge jeunjin
DI scientist toward experiment ATTR progress

gamdou daamyau
feel concern

'Scientists are concerned about the progress of the experiment.'

It is also worth saying that *di*-NPs can take demonstratives. In such case they naturally also get definite reading:

呢 啲 矛盾 就會 更加 加重 嘅。

Ni di maahteuhn jauhwih ganggan gachuhng ge
DEM DI contradiction will more heavy SFP

'These contradictions will grow in depth.'

[PolyU Corpus of Spoken Chinese]

Di-NPs can also be indefinite, like in the sentence below:

文革果時啲老師比人批鬥，幾十萬人因為階級鬥爭而死。

Mahngaak	go	sih	di	louhsi	bei
Cultural revolution	CL	time	DI	teacher	for

yahn	paidau	geisahpmaahn
people	criticize	hundreds.thousands

yahn	yanwaih	gaikapdaujang	yih	sei
people	because	class.struggle	than	dead

'During the cultural revolution, some teachers were tyrannized, and hundreds of thousands died in the name of class war.'

Adding *yat* 'one' to a *di*-NP also invokes indefinite reading. We will discuss in the section below that *di*-NPs do not take numbers other than *yat*: here it serves for a marker of indefiniteness rather than a number.

And, last, *di*-NPs can be generic, like in the following example (70% respondents chose a *di*-NP to translate this sentence):

啲狗係哺乳類動物。

Di	gau	haih	bouhyuhleuih	duhngmath
DI	dog	be	mammal	animal

'Dogs are mammals.'

啲唔食菜嘅小朋友大過就會娶腐皮老婆。

Di	mh	sihk	choi	ge	siupahngyauh
DI	NEG	eat	vegetable	ATTR	child

daaihgwō	jauhwuih	cheui	fuhpeih	louhpoh
grow	FUT	marry	bean-curd	wife

'Kids who don't eat vegetables, will have an ugly wife when they grow up.'

[Au-Yeung 2007] claims that generic *di*-NPs are only possible either in subject position, or in object position modified by a non-temporal modifying phrase:

啲 西瓜 多數 種 係 地上面。

Di saigwaa dosou zung hai dei soengmin

DI watermelon most grow be ground -on

'Watermelons mostly grow on the ground surface.'

[Au-Yeung 2007]

However, our data show that, possibly because of some drift in its usage, one can find examples on the internet that do not fit these limitations. Like in the sentence below, a generic *di*-NP with no modifier occurs in the object position:

我真係 好憎 啲 死黑警。

(Ngoh) janhaih hou jang di sei-hak-ging

1.SG really.be very hate DI die-black-police

'I hate police officers (in general).' // NOT: *I hate some police officers.*

(internet).

Extending the Cantonese part of the table by [Cheng, Sybesma 2005] with *di*-NPs, we get:

	Bare NP	CI-NP	Num-CI-NP	Dem-CI-NP	<i>di</i> -NP
definite		√		√	√
indefinite	√	√	√		√
generic	√				√

Compatibility with numbers

As we have pointed out above, *di* is an item denoting “non-singular” quantity which combines with various types of nouns. When added to a count noun, it denotes a set of objects; when added to a mass noun, it denotes a certain amount [Cheng, Sybesma 1999]. In both cases it denotes fuzzy (non-specified) quantity. Therefore *di*-NPs do not combine with numbers (other than *yat*). With respect to numbers *di* resembles the Mandarin “fuzzy quantifier” 些 *xie*: likewise, *xie* does not combine with

numbers other than one. The difference between *xie* and *di* is that *xie* only combines with count nouns [Kim 2017]. In the future, a more detailed comparison of *xie* and *di* would be most useful for our study.

Compatibility with quantifiers

Dialects of Chinese take different patterns with regard to forming quantifier noun groups. Mandarin quantifiers 所有 *suoyou* ‘all’ and 大部分 *dabufen* ‘most’, for instance, tend to be modified by the attributive 的 *de*, rather than a classifier, cf.:

*所有学生 / *所有个学生 / 所有的学生

*Suoyou	xuesheng	/*suoyou	ge	xuesheng
*All	students	/*all	CL	students

/ suoyou	-de	xuesheng
/ all	-ATTR	students
<i>‘All students’</i>		

Although Cantonese does allow classifiers in quantifier phrases, this does not hold for 所有 *soyauh* ‘all’ and 大部分 *daaibouhfahn* ‘most’, as shown in [Au-yeung 2018]. He claims that those two do not combine with common classifiers, such as 個 *go*. However, both *soyauh* ‘all’ and *daaibouhfahn* ‘most’ allow using *di*:

*大部分 個 學生 遲到 / 大部分 啲 學生 遲到

*Daaihbouhfahn	go	hohksaang	chihdou
*Most	CL	student	late

/daaihbouhfahn	di	hohksaang	chihdou
Most	DI	student	late
<i>‘Most students are late [to class]’</i> [Au-Yeung 2018]			

Indeed, this claim is supported by our data, where *daaibouhfahn* is followed by *di*, like in the following sentence:

大部分 啲 相 都係 我 自己 影

Daaibouhfahn di seung dou haih ngoh jihgei ying
Most DI photo all be 1.SG oneself shoot
'Most photos are taken by me'.

Thus, we can see that *di* does not fully go along with the constraints for using classifiers in a quantifier phrase.

Self-reference

Unlike the Mandarin *men*, *di* is not a pronominal marker, and it does not deliver pronominal function to nouns. Therefore, we are not expecting it to carry the reading of self-reference or addressing, as *men* does. Still, there is one construction in Cantonese that can be read this way, and it usually includes *di*-NP. It consists of a 1st or 2nd plural pronoun, and a *di*-NP, and often has a sarcastic or pejorative connotation:

我哋 啲 老餅 真係 好 慚愧。

Ngohdeih di louhbeng janhaih hou chaahmkwaih
1.PL DI old.biscuit really very ashamed
'We old people are ashamed of ourselves.'

你哋 啲 香港人 淨係 識得 complain complain complain!

Neihdeih di heunggangyahn jihnghaih sikdak
2.PL DI Hong.Kong.people only know

complain complain complain

complain complain complain

'You Hong Kong people love to complain/ all you know is to complain!'

Conclusion

The aim of the current study was to explore ways of denoting nominal and pronominal plurality in Cantonese as compared to Mandarin. As was shown in [Iljic 2001], Mandarin performs a system, where pronominal plurality is partially expanded to the domain of nouns. The suffix *men* is a regular marker of plurality for pronouns. It also occurs with nouns, mainly in contexts which imply addressing or self-reference. One can say that nouns get a pronominal function in such contexts, which explains why using *men* is licensed. Otherwise, plural is not marked on nouns in Mandarin.

We have then carried out an analysis of marking plurality in Cantonese. It turns out to be different from Mandarin. Pronouns also build plural forms with a suffix (*deih*). But the pronominal plural suffix does not normally apply to nouns. Instead, the so called “fuzzy quantity” classifier *di* may occur with NPs with plural meaning. A detailed look on its properties reveals that although it belongs to classifiers by syntactic position, its other features deviate from those of a typical classifier. First, *di*-NPs, unlike other CL-NPs, can receive generic and indefinite reading along with definite reading. Second, *di* combines with the quantifiers *soyauh* ‘all’ and *daaibouhfahn* ‘most’ while other classifiers do not. In the contrary, it does not combine with numbers while all classifiers do. Last, it can occur with almost any noun with no lexical constraints. On the other hand, treating *di*-NPs as plural forms and bare NPs as singular forms raises other questions, such as why the former combine with demonstratives while the latter do not. This asymmetry, however, may possibly be explained by the fact that bare NPs are not number and reference specific.

Another question worth considering is what lies beneath the optionality of *di*. That is to say, why it can be applied or dropped out in the same phrase on the same NP referring to a plural entity. A further deeper study may discover some distribution that is yet unknown. Data from other dialects of Chinese may also help us bring to light such distributions, which is one of the reasons why this research needs to be further expanded in the future.

List of abbreviations

DEM – demonstrative
DI – prefix *di* (Cantonese)
FUT – future tense
MEN – suffix *men* (Mandarin)
MUHN – suffix *muhn* (Cantonese)
NEG – negation
SFP – sentence-final particle

References

1. Acquaviva, P., Daniel, M. 23 Number in grammar: results and perspectives // *Number in the World's Languages: A Comparative Handbook*, edited by Paolo Acquaviva and Michael Daniel, Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2022, p. 833-910. <https://doi.org/10.1515/9783110622713-024>
2. Au-Yeung, B. Cantonese classifier *di1* and genericity. *Studies in Cantonese Linguistics II*. The Linguistic Society of Hong Kong. 2007. P. 1-16.
3. Bauer, R.S. *Written Cantonese of Hong Kong*. Cahiers De Linguistique, 1968.
4. Chao, Y. *A Grammar of Spoken Chinese*. Berkley/Los Angeles: University of California, 1968.
5. Cheng, L., Sybesma R. Bare and Non-so-bare nouns and the structure of NP // *Linguistic Inquiry*, 1999. № 30. P. 509-542.
6. Cheng, L., Sybesma R. Classifiers in four varieties of Chinese // G. Cinque and R.S. Kayne (eds.) *Handbook of Comparative Syntax*, 259-292. Oxford: Oxford University Press, 2005.
7. Corbett, G. *Number*. Cambridge University Press, 2002.
8. Daniel, M. Associative plural as indexical category // *Language Sciences*, 2019. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2019.101256>
9. Erbaugh, M.S. Classifiers are for specification: complementary functions of sortal and sortal and general classifiers in Cantonese and Mandarin // *Cahiers de linguistique Asie Orientale*. 2002. № 31/1. P. 33-69.

10. Iljic, R. The problem of the suffix men in Chinese Grammar // *Journal of Chinese Linguistics*, 2001.
11. Jiang, L.J. Mandarin associative plural men and NPs with men // *International Journal of Chinese Linguistics*. 2017. Vol. 4. №. 2. P. 191-256.
12. Kim, K. Typology of Quantifiers and the Mass / Count Distinction: A Case Study of Chinese xie. *Language Research*, 2017. № 53(3).
13. Lee, J. (2011) Toward a Parallel Corpus of Spoken Cantonese and Written Chinese // *The 5th International Joint Conference on Natural Language Processing* (Thailand). 2011. Chiang Mai: Asian Federation of Natural Language Processing. P. 1462-1466.
14. Li, Y. Plurality in a Classifier Language // *Journal of East Asian Linguistics*, 1991. Vol. 8, №. 1. P. 75-99.
15. Matthews, S., & Yip, V. *Cantonese: a comprehensive grammar*. 2014. London: Routledge.
16. Valentini, I. *Cantonese and Putonghua in Hong Kong: trends, challenges, and perspectives of coexistence*. Freie Universität Berlin. 2014. — 143 p.
17. 張慶文鄧思穎 2014 《共性與差異：粵方言名詞短語研究》 Zhang Q, Deng S. Commonalities and Differences: A Study of Cantonese Dialect Noun Phrases. <https://doi.org/10.1177/1606822X14528643>
18. 李 藍 2013 《再論“們”的來源》中國社會科學院 Li L. *Rediscussing the Origin of "Men"*. Chinese Academy of Social Sciences, 2013.
19. 詹伯慧等 2002 《廣東粵方言概要》暨南大學出版社。Zhan B. *Summary of Guangdong Cantonese Dialect*. Jinan University Press, 2002.
20. 魏培泉 2003 《上古漢語到中古漢語語法的重要發展》中央研究院 Wei P. *Important Development of Grammar from Ancient Chinese to Medieval Chinese*. Academia Sinica, 2003.

IV. Лексика

Неопубликованные тохарские тексты из собрания Берлинской библиотеки: некоторые новые наблюдения

Илья Борисович Иткин

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
ilya.borisovich.itkin@gmail.com, ORCID 0000-0003-2143-6666

Аннотация. Статья отражает ход работы автора над изучением неопубликованных тохарских А и тохарских В текстовых фрагментов из собрания Берлинской библиотеки. Первая часть статьи посвящена критическому пересмотру раздела «Темные места» из «Указателя словоформ к неопубликованным тохарским А текстам из собрания Берлинской библиотеки» (2019) и содержит комментарии ко всем последовательностям из этого раздела, для которых ныне может быть предложена та или иная интерпретация. Во второй части рассматриваются некоторые синтагмы из тохарских В фрагментов, для которых обнаруживаются параллельные места в текстах на тохарском А.

Ключевые слова: тохарские языки, неопубликованные фрагменты, «темные места», параллельные места

The unpublished Tocharian texts of the Berlin Turfan collection: some new observations

Ilya B. Itkin

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
ilya.borisovich.itkin@gmail.com, ORCID 0000-0003-2143-6666

Abstract. The article reflects the progress of the author's study of the unpublished Tocharian A and Tocharian B text fragments from the Berlin Turfan collection. The first part is a critical revision of the section “Dark places” from the “Index of word forms to the unpublished Tocharian A texts of the Berlin Turfan collection” (2019); it comments on all sequences from this section for which one or another interpretation can now be offered. The second part deals with some syntagmas from the

Tocharian B fragments, for which parallel passages are found in the Tocharian A texts.

Keywords: Tocharian languages, unpublished fragments, “dark places”, parallel places

Вводные замечания

Издание «Указателя словоформ к неопубликованным тохарским А текстам из собрания Берлинской библиотеки» [Иткин 2019] с самого начала задумывалось автором как предварительное. Работа по комплексному изучению небольших восточнотохарских фрагментов, не вошедших в издание [Sieg, Siegling 1921], ныне хранящихся в Турфанском собрании (Turfansammlung) государственной библиотеки Берлина и в соответствии с буквенной частью своего индекса получивших название «ТНТ-фрагментов», не прекращалась после сдачи книги в печать и продолжается и в настоящее время. Количество фрагментов, для которых по сравнению с «Указателем...» удалось получить существенные новые данные, касающиеся их принадлежности к тому или иному листу рукописи, содержания, значения входящих в их состав словоформ и т.д., исчисляется несколькими десятками (а количество разного рода мелких поправок еще существенно больше).

Одновременно нами ведется аналогичная работа по изучению более многочисленных и пока значительно менее полно исследованных ТНТ-фрагментов на тохарском В. Один из важных аспектов этой работы – выявление в тохарских В фрагментах словосочетаний, а иногда и более крупных единиц, имеющих достаточно близкие параллели в тохарском А корпусе.

Настоящая статья призвана проиллюстрировать ход работы с ТНТ-фрагментами на обоих тохарских языках и, соответственно, состоит из двух частей.

Первая часть целиком основана на разделе «Темные места» в нашем «Указателе...», см. [Иткин 2019, с. 231-233]. Она включает в себя все последовательности из этого раздела, для которых ныне удастся предложить какую-либо интерпретацию – от полностью надежной до достаточно «завиральной» (в нескольких случаях речь идет об обнаружении левого контекста, позволяющего если не установить значение неизвестного слова, то хотя бы уточнить его

внешний облик). Общее число таких последовательностей, вошедших в настоящую работу, может служить наглядным свидетельством прогресса в изучении тохарских языков, достигнутого в том числе в самое недавнее время.

Во второй части отправной точкой для рассмотрения выступают, наоборот, синтагмы из ТНТ-фрагментов на тохарском В. Эти синтагмы сопоставляются со сходными пассажами в тохарских А текстах. Как правило, целью такого сопоставления служит уточнение чтения и/или перевода соответствующего места в том из языков, на котором оно сохранилось хуже или «более непонятно». Иногда, впрочем, интерпретация текста ни на одном из языков не вызывает трудностей, однако предлагаемое сопоставление представляет интерес как с точки зрения лексических и грамматических сходств и различий между восточно- и западнотохарским, так и в плане возможной проекции тех или иных выражений на пратохарский уровень.

Переводы тохарских фраз на русский язык принадлежат нам; эти переводы следуют порядку слов оригинала во всех случаях, когда это не приводит к безоговорочному нарушению грамматической правильности русского текста.

1. «Темные места»: четыре года спустя

ТНТ 1152 a7: (////) [ʃ]koppiške·[ā] (–) r

Возможно, следует читать [ʃ]koppiške [pā](ca)r ‘отец Шкоппишке’, где [ʃ]koppiške – личное имя с тох. В уменьшительном суффиксом -ške.

ТНТ 1378 fgm. g, b3: ♦ mšäkkat[s]

Поскольку отрезок -äkkats едва ли может быть чем-либо иным, кроме частотной комбинации двух усилительных частиц, мы предлагаем читать данную последовательность как mš=äkk ats и усматривать в ней лексему mäs ‘?’, известную по строкам 295 b2 и YQ-36[N.3] a7 (где она стоит в начале пады); ср. также [mā]ʃ в строке ТНТ 2597 b1.

ТНТ 1382 fgm. a, b1: /// – wriñc

Возможно, соответствует архаическому тох. В /wāṛāñce/ ‘песок’.

ТНТ 1382 fgm. d, b2: śārc\

Описка вместо ś<t>ārc Acc Sg m от śtārt ‘четвертый’?

ТНТ 1382 fgm. e, a3: /// – cāsaṃ

Такое же c[ā]saṃ приведено в издании в строке 244 b3. Хотя фотография листа А 244 в настоящее время недоступна, можно считать достоверно установленным, что вместо c[ā]saṃ следует читать v[ā]saṃ ‘заблуждение, ложная идея’ (< скр. *vāsanā*). По-видимому, впервые эта эмендация была предложена в [Siegling PK, p. 122]; о дальнейшем ходе изучения соответствующего места см. [Malzahn 2010, p. 757]. В строке ТНТ 1382.e a3 «спорная» буква действительно больше похожа на с, чем на v, но, если это и так, не исключена ошибка копирования. Сохранившийся скудный контекст не противоречит предположению о том, что перед нами именно лексема *vāsaṃ*: <v>*āsaṃ tmām(śant)* ‘заблуждение рождающий’ (или т.п.). В других тох. А рукописях, а также в тох. В данная лексема выступает в более освоенной форме *wāsaṃ*.

ТНТ 1410 fgm. p, b2: /// – tithem

По-видимому, описка вместо ti<r>them прил. от *tirth** ‘еретик (?)’.

ТНТ 1411 fgm. c, b5: /// – kāntwārkim•• ///

Несомненно, следует читать *kāntwārkī m••* /// ‘язык белый ...’ с инверсией и девокализацией *u* → *w* metri causa, ср. ♦ *ārkwi māsketār=ne kāmtwo* (В 118 b7) ‘белым становится у него язык’ (по-видимому, речь идет о так называемом «обложенном языке»). Не исключено даже, что тох. А синтагма в точности соответствует тох. В, так что справа следует восстанавливать форму *m[s](k)a(tr=ām)*; но все же это совсем ненадежно.

ТНТ 1417 fgm. d, a5: /// p^aṣaṃ (sic!)

Написание *p^aṣaṃ* аномально; с учетом сходства между знаками pa и *ṣ* можно думать, что оно возникло в результате небрежного копирования акшары *ṣṣaṃ*. В тох. А имеется только одна, зато доста-

точно частотная, словоформа, заканчивающаяся на *-ṣṣaṃ*: *ārki-śoṣṣaṃ* Loc Sg от *ārki-śoṣi* ‘мир, вселенная’. Конъектура *//// (ārki-śo)<ṣ>ṣaṃ tatmu* дает вполне естественный смысл: ‘в мире родившийся’. Правда, другие примеры сочетания формы *ārki-śoṣṣaṃ* с глаголом *tām-* ‘рождаться’ нам неизвестны, но аналогичные примеры обнаруживаются в тох. В, ср. ♦ *ñākcyē śaiṣṣene cme[t](si) ////* (В 14 a3) ‘в божественном мире родиться’.

ТНТ 1463 b6: ♦ *ṅge[y]*

Тох. А *sūtrāṅgey** букв. ‘сутра (и) песня’ – композит на основе скр. *sūtra-* ‘сутра’ и *geya-* ‘песня’, ср. *sūtrāṅgeyāṣṣ aci* (302 a2) ‘начиная с сутры и песни’ (см. об этом примере [Sieg, Siegling, Schulze 1931, p. 142, сн. 1]). Как показывает сравнение с примером из текста А 302, относящегося к другой рукописи, внешний облик этого композита (с *ā* и *ṇ*) был устойчив, несмотря на его необычность. Что касается выглядящего необъяснимой опиской пунктуационного знака ♦ посреди слова, такое написание может быть осторожно сопоставлено с написанием *metraṅnaśāl* (410 b3) ‘с Майтреей’ и отмеченной во фрагментах из нескольких разных рукописей (ТНТ 1475.a+4155 b2, ТНТ 1590.c a1, ТНТ 3981.j+396.c a2, b2) постановкой вирамы после отрезка *mārkampal-* ‘дхарма, религиозный закон’: во всех этих случаях мы имеем дело с графическим выделением основы слов, обозначающих ключевые буддийские понятия.

ТНТ 1607 fgm. с, a2: *//// r[i]kṣepyo [–] ////*

По убедительному предположению С.В. Малышева, следует читать *(pa)r[i]kṣepyo [śtw](ar)* ‘в окружности 4’: *(pa)r[i]kṣepyo* – Instr Sg от *parikṣep** (< скр. *parikṣepa-*) ‘круг, окружность’.

ТНТ 1617 fgm. a, b3: [♦] *k·s*

Текст представляет собой билингву. Строка выглядит следующим образом: *//// [bī]jañ ca [♦] k·s [śk]aṃ śā[kṭāl](y)[i] ////* ‘...и зерно ♦ ... и зерно’. Как с палеографической точки зрения, так и с точки зрения состава тох. А лексических единиц единственным возможным выглядит чтение *k[o]s*. Проблема состоит в том, что вопросительного местоимения ***kos* не существует – только относительное *kos ne* ‘сколько’. Во всех известных нам случаях сочетания относитель-

ного местоимения с союзом *škaṃ* ‘и’ релятивная частица *ne* ставится после союза – ср., например, *kus škaṃ ne* (385 а2, YQ-33[II.14] а5) ‘и кто’, *//// (ku)pre škaṃ ne* (98 а6 [Siegling PK, p. 56]) ‘и когда’. Вероятно, писец либо случайно пропустил *ne* после *škaṃ*, либо поместил его еще правее – после слова ‘зерно’.

ТНТ 1645 fgm. d, b1: *//// [-] kte[ñ]*

Сохранившаяся часть акшары перед *kte* допускает чтение *[mu]*. Форма *[mu]kte[ñ]* гипотетически может представлять собой N Pl от **mukte* – заимствования из скр. *muktā* ‘жемчужина’. Однако такое заимствование до сих пор ни в одном из тохарских языков не обнаружено.

ТНТ 1678 fgm. c, b2: *ṣortkāl*

Поскольку бумага, на которой написан фрагмент ТНТ 1678.с, содержит трещины, основная часть строки b2 допускает чтение *//// [t]sopatsä[m p]or tkāl* ‘большой огонь ...’. Ранее неизвестная форма *tkāl* может быть интерпретирована как 3 Sg Pt A от того же глагола, что и SV *tkällune**, засвидетельствованное в форме Instr в философско-метафорическом контексте: *pälskālune t[k]älluneyo papälykunt* (397 b2) ‘размышлением и ... обожженную’. Ж.-Ж. Пино переводит эту синтагму как ‘*brûlée par la pensée [et] l’illumination*’, относя *tkällune** к глаголу *tkäl-* ‘освещать (?)’ [Pinault 2013, p. 222-224]. Такая трактовка, однако, возможна лишь в случае, если допустить, что, помимо основы с *ä* (ср. 3 Sg Pt A с ЭМ 3 Sg *täklā=ṃ* (153 b2), PP *täкло ////* (308 b6)), глагол *tkäl-* имел в Pt и Conj также вариантную основу с *ā*. Независимо от этого, присутствие в тексте А 397 формы *papälykunt* ‘обожженную’ демонстрирует связь морфа *tkäl-* с «огненной» семантикой. Заметим, что в одном из примеров употребления глагола *tkäl-* также упоминается огонь: *porr oki eñkāl santānaṃ täklā=ṃ* (153 b2) ‘словно огонь, страсть в потоке <сознания> ... его’; как кажется, значение типа ‘обожгла’ подходит здесь к контексту лучше, чем значение типа ‘осветила’.

ТНТ 1895 а2: *//// my[i]c\ yarä ////*

В [Иткин 2019, с. 31-32] мы предположили, что фрагменты ТНТ 1895 и ТНТ 2028 относятся к одному листу. Ныне достаточно вероятной выглядит гипотеза о том, что эти два фрагмента непо-

средственно соединяются между собой. Если это действительно так, строка ТНТ 2028+1895 а2 приобретает вид *//// – kāsī my[i]c yarā ////*. К сожалению, и в дополненном виде эта строка не содержит ни одного понятного слова; можно лишь с довольно высокой долей уверенности утверждать, что отрезок *my[i]c* представляет собой отдельную словоформу. Написание *my*, скорее всего, отражает смягчение *m* перед *i* – ср. в строке а3 *ñemyi* вместо обычного *ñemi* ‘драгоценность’, но слово **mic* нигде не встречается. Как отметил С.В. Малышев, отрезок *yarā ////* может быть началом какой-то формы сильного *Ip̄f* от глагола *yār-* ‘омывать’ (например, 3 Sg A **yarā(s)*), однако *Ip̄f* этого глагола также нигде не засвидетельствован.

ТНТ 2050 а4: *tsārpāñ·ä ////*

Приведенная последовательность оставляет широкий простор для интерпретаций; в частности, в ней можно усматривать словоформу *pāñ* ‘5’. Необходимо, однако, считаться с тем обстоятельством, что в строке ТНТ 3578 а1 (фрагмент ТНТ 3578, не упоминаемый в [Иткин 2019], возможно, относится к листу А 448+2198) выделяется отрезок *//// [t]s[ā]rp*. Таким образом, не исключено, что в строке ТНТ 2050 а4 мы имеем дело с пропущенной (или, скорее, «недотянутой») вирамой и словоделением *tsārp ñ(·)ä ////*. По своему внешнему облику форма *tsārp* более всего похожа на 3 Sg Pt A от неизвестного глагола, ср. *kārp* от *kārp-* ‘спускаться’.

ТНТ 2075 b1: *'ūhak·ä [–] ////*

Правильное чтение *//// (vi)rūd̄hak [m]ä[s̄](k)[i](t) ////* ‘принц Вирудхака’ установлено С.В. Малышевым [Itkin, Lundysheva, Malyshhev (in print)].

ТНТ 2095 а2: *'acäk·ä ////*

Строка а2 сохранилась в виде *//// [ñ]c's̄s̄i se acäk·ä ////* ‘<таких-то> сын ...’. Обычно в тох. А имя собственное предшествует гиперониму. Однако, как мы показали в [Иткин 2018, с. 168], если такое сочетание имеет зависимое в G, собственное имя выносится вправо: *daśārathes lānt se rām* (10 а4) ‘сын царя Дащаратхи Рама’. Таким образом, отрезок *acäk·ä ////* может быть началом имени сына; отметим, что, судя по особенностям вокализма, это имя должно быть или собственно-тохарским, или полностью фонетически адап-

тированным. Ср. похожий пример: *ñi se a[t]·[āś]ik* (68 b6) ‘мой сын А...’ – также с «экзотическим» (и не полностью сохранившимся) именем. Неясна связь *acäk·ä* //// с тох. В *[a]cakarm* (В 576 b1; ἄλαξ λεγόμενον) ‘?’.

ТНТ 2102 b3: *wal*

Как установил С.В. Малышев [Itkin, Lundysheva, Malyshev (in print)], соответствующее место следует читать ♦ *khatty[o]t t[k]añi wal o[rk]maṃ* ‘светлячок – земляной червь во мраке’. Форма *wal*, закономерно соответствующая тох. В *yel* ‘червь’, уже была реконструирована именно в таком виде в [Adams 2013, т. II, р. 548].

ТНТ 2184, 2: //// *c[ra]kāk*

Уже после выхода работы [Иткин 2019] мы обнаружили, что фрагмент ТНТ 2184 – это небольшой треугольный лоскут, отслоившийся от строк А 220 а6-7. Соответственно, пада 60d, часть которой составляет рассматриваемый сегмент, целиком предстает в виде ♦ *satkar=ām pu(k) kapsāññā ṣi c[ra]kāk ś[k]aṃ lotāk sām* ♦ (220+2184 а7). В форме *lotāk* более естественно видеть 3 Sg Pt А от глагола *lotk-* ‘поворачиваться, становиться’, нежели однокоренное этому глаголу существительное ‘способ, манера’. Последовательность ...*āk śkaṃ* почти наверное представляет собой сочетание усилительной частицы =*āk* и союза *śkaṃ* ‘и’; см. об этом сочетании [Burlak, Itkin 2015, р. 31]. Для середины пады логически возможны три варианта словоделения: *kapsāññā-ṣi c[ra]k=āk ś[k]aṃ* ‘и телесный *crak* же’, *kapsāññā ṣi c[ra]k=āk ś[k]aṃ* ‘и на теле впервые (?) *crak* же’, *kapsāññā ṣic[ra]k=āk ś[k]aṃ* ‘и на теле *ṣicrak* же’. Как указал нам С.В. Малышев, первый вариант маловероятен по метрическим соображениям: глава поэмы “Maitreyāvadānavyākaraṇa”, к которой относится лист А 220+2184, написана размером 4х14 слогов (метрическая схема 7/7), и перед *ṣi* располагается главная, практически никогда не нарушаемая цезура. Ранее на это обстоятельство уже обратил внимание В. Зиглинг [Siegling PK, р. 108]. Выбор между вариантами *ṣi c[ra]k=āk* и *ṣic[ra]k=āk* затруднителен, поскольку ни слово **ṣicrak*, ни слово **crak* нигде надежно не засвидетельствованы; неясное //// *[cra]ki* (452 b3), даже если оно относится к той же лексеме, не разрешает дилеммы. В предположении, что при глаголе *lotāk*

выступает *nominativus duplex*, гипотетический перевод пады 60d может выглядеть так: ‘...распространились по всему его телу, и впервые (?) *crak'*ом (или: ‘и *ṣicrak'*ом’) стал он’.

ТНТ 2186 b2: *//// yāy sam*

Возможно словоделение *//// yāy sam*, где *//// yāy* – G Sg от *mahāmāyā* ‘Махамайя’ (или от какого-то другого, незасвидетельствованного, имени на *-yā*), а *sam* – указательное местоимение.

ТНТ 2352, 3: *śmās[ś]i*

Фрагмент ТНТ 2352 представляет собой *verso* такого же одностороннего фрагмента ТНТ 2339 и примыкает слева к оборотной стороне листа А 375 [Itkin 2022, p. 179]. Левая часть строки А 375ext b5 (пада 62c) может быть восстановлена в виде (♠ – *mana*)*rkāśśi śmās[ś]i [wl]a(lu)ne* ♠. Конъектура (mana)*rkāśśi* ‘брахманских юношей’ – единственно возможная, если исходить из того, что речь идет об уже известной лексеме; конъектура *[wl]a(lu)ne* ‘смерть’ выглядит высоковероятной как с палеографической точки зрения, так и по смыслу. Соответственно, целиком строка А 375ext b5 предстает в таком виде:

//// (♠ – mana)rkāśśi śmās[ś]i [wl]a(lu)ne ♠ arkāmnā[s]ā [su]krānāśśi lepśāśśi kuṇās yāmā[l](·) (♠ 62)

‘... брахманских юношей ... смерть на кладбищах между коршунами и шакалами ссору вызвать (букв. ‘сделать’) может’

Напомним, что ранее мы сопоставили паду 62d с эпизодом из «Шантипарвы» (12-й книги «Махабхараты»), включающим в себя спор коршуна и шакала над телом умершего брахманского мальчика (см. 2.15). Выявление левого контекста подкрепляет это сопоставление, придавая ему законченность: фактически пады 62c-d содержат прямую отсылку к соответствующему эпизоду эпоса, однако все герои повествования и место действия последовательно переведены во мн. ч. (возможно, в целях «типизации»). В таком случае ἄλλὰ λεγόμενον *śmās[ś]i*, несомненно содержащий то же окончание G Pl (m) -śśi, что и форма (mana)*rkāśśi*, едва ли может обозначать каких-то еще персонажей, кончина которых упоминается наряду с кончиной брахманских юношей; скорее он должен выступать в роли опре-

деления или уточнения. В начале своего назидательного рассказа Бхишма сообщает: «*Была там одна несчастная семья, в которой умер ребенок, еще не достигший отрочества, единственное достояние рода*» ([Петрова 2005, с. 184]; курсив в источнике, выделено нами. – И.И.). N Sg *śām**, восстанавливаемый на основе G Pl *śmās[ś]i*, омонимичен форме 3 Sg Pt A глагола *kāly-/ṣtām-* ‘стоять’. Мы, однако, предлагаем производить данную лексему не от этого глагола, а от глагола AB *tsām-* ‘расти’, и рассматриваем ее как точное соответствие тох. В прилагательному *tsamo* ‘растущий’ (РТ **ts’əmo*). Употребление формы G Pl может объясняться либо постпозицией прилагательного *śām** по отношению к существительному, обусловленной требованиями метра, либо его субстантивацией. Что касается его значения в данном контексте, оно, как кажется, вполне может соответствовать индийскому первоисточнику: ‘очень юный, еще не достигший отрочества’ (в качестве семантической параллели ср. русск. *подросток*).

ТНТ 2395 b2: [–] ntpantu ///

Поскольку для акшары слева одним из наиболее вероятных выглядит чтение [*mā*], можно думать, что в данной строке представлено хорошо известное дистрибутивное местоимение [*mā*]nt *pa<t n>u* ‘или как’, записанное с ошибкой – графической метатезой *tn* → *nt*. Ср. подобную же перестановку двух похожих элементов лигатуры в *nipṣa[l]* (ТНТ 2225 a2) вместо *nī<ṣp>a[l]* ‘имущество’ [Иткин 2019, с. 234].

ТНТ 2503 a1: wa[l]

По-видимому, здесь представлена та же форма N-Асс Sg слова *wal* ‘червь’, что и в строке ТНТ 2102 b3. Для предшествующего /// [–] *mā* наиболее вероятным представляется чтение [*ñ*](o)*mā* ‘по имени’: различные имена червей многократно приводятся в тексте “*Garbhāvakraṅtisūtra*”, к которой, скорее всего, относится фрагмент ТНТ 2503. Правда, вызывает сомнения отсутствие следов диакритики *o*, но, возможно, соответствующая часть листа просто закрыта рамкой.

ТНТ 2546 b1: //// – ññ[ā]ntāk₁

Возможно, следует читать //// (sa)ññ[ā]t tāk ‘контролируем был’. Прилагательное *saññāt* ‘управляемый, контролируемый’ (<скр. *saṃyata-*) ранее в тох. А не отмечалось, но засвидетельствовано в тох. В; ср. особенно пример такого же присвязочного употребления: *päst sañāt tākoṃ* (IOL Toch 5 а6) ‘пусть будет под контролем!’.

ТНТ 2966 fgm. f, b1: //// t·miry· ////

В одном из санкт-петербургских тох. А фрагментов обнаруживается форма *ryis* (SI 3750/2 b3) – синкопированный (возможно, метрический) вариант к *riyis* G Sg от *ri* ‘город’ [Itkin, Lundysheva, Malyshev (in print)]. Поскольку в тохарских языках слово ‘город’ относится к женскому роду, благодаря этой находке для строки ТНТ 2966.f b1 оказывается возможным предложить (к сожалению, без какой-либо надежности) чтение //// t(e)mi ry(is) //// (или даже //// t(e)mi ry[i](s) ////) ‘этого города’.

ТНТ 3021 b1: //// ññ· ntāk₁

Возможно, перед нами тот же оборот //// (sa)ññ[ā]t tāk ‘контролируем был’, что и в строке ТНТ 2546 b1. Вопрос о принадлежности фрагментов ТНТ 2546 и ТНТ 3021 к одному листу остается открытым.

ТНТ 3193 b2: //// wantäts₁

Теоретически нет препятствий для трактовки отрезка *wantäts* как прилагательного от *want* ‘ветер’ (≈ ветреный), хотя исходя из тох. В *yente* ожидалось бы скорее **wantats*. Однако из-за отсутствия контекста эта интерпретация остается сугубо умозрительной.

ТНТ 3334 a1: //// newe[ñ]₁ ////

С.В. Малышев предложил усматривать в этом отрезке существительное *weñlune* SV от *tränk-/we-* ‘говорить’, записанное с внутрисловной вирамой. В пользу этой гипотезы можно привести два косвенных соображения. Во-первых, предшествующее //// *ne* в таком случае может быть концом какого-то другого существительного с суффиксом abstracta *-une*, однородного с *weñlune*. Во-вторых, в опубликованном тохарском А корпусе имеется похожий пример: *weñṣām* (95 b2; = *weñṣ=ām* 3 Sg Conj А с ЭМ Pl от того же глагола).

Однако в целом написания такого типа все же очень редки, так что данное решение нельзя признать сколько-нибудь надежным.

ТНТ 3403 b2: /// [-] kasām

С учетом характерного для «восточных» рукописей эффекта *ts* → *s* рассматриваемый отрезок допускает чтение [*mo*]kasām Acc Sg m от *mokats* ‘могучий’, ср. без этого эффекта *mokatsām* (394 a4-b1). Но, как и в ряде других случаев, отсутствие контекста не позволяет верифицировать эту гипотезу.

2. Тохарский B sub specie тохарского A et vice versa

ТНТ 1262.b b2: *pātri salyai mā trīši* ♦ ‘отцовское правило да не нарушит!’

Фрагмент находит себе близкую параллель в тох. А буддийской драме “Maitreyasamiti-nāṭaka”:

♦ *āpas pācrāśši śaśmunt slyi cam mar katkat* ♦ (A 256 a4) ‘Отцами и праотцами установленное правило это не нарушай’¹

Несомненно, перед нами один и тот же устойчивый оборот; в то же время обращает на себя внимание различие в ключевом предикате. И глагол *kātk-*, и глагол *trik-* отличаются сложной семантикой: перевод ‘переходить’, использованный для *kātk-* в [Иткин 2019, с. 103], разумеется, не передает всех оттенков его значения (хотя и «достаточен» для рассматриваемого контекста – ср. внутреннюю форму русского церковнославянизма *преступление*); для подпарадигмы глагола *trik-*, к которой относится форма опатива *trīši*, М. Мальцан приводит значения ‘miss, fail’, ‘fail, go astray, stumble’, ‘lead astray’ [Malzahn 2010, p. 668]. Поскольку оба глагола представлены в обоих тохарских языках и как будто не обнаруживают значимых расхождений в употреблении, можно думать, что перед нами не межъязыковая синонимия, а некоторая тонкая смысловая разница, точную природу которой еще предстоит установить.

¹ О тох. А формуле *āpañ pācri* ‘отцы и праотцы, предки’ см. [Иткин 2018, с. 171].

ТНТ 1267 а2: /// [wa]t *pets yāmmar* букв. ‘...или мужа сделаю себе’

Выглядящий неправдоподобным буквальный смысл сочетания *pets yāmmar* смутил даже такого эрудированного исследователя, как М. Перо, предложившего для левой части строки ТНТ 1267 а2 явно противоречащий грамматике перевод ‘... or I will make ... to my husband.’ [СЕТом]. Между тем в точности то же самое выражение встретилось в тох. А:

/// (tā)[m]y(o) [ñuk p](e)[n]u *svayamparaṃ tsālporāṣ ṣñi mānwā* [p]ats *yāmmār* (А 66 b1) ‘...Поэтому я ведь, на сваямвару войдя, по своему желанию мужа выберу (букв. ‘сделаю’) себе’

Лист А 66 относится к достаточно хорошо сохранившемуся на разных языках буддийскому сочинению “*Ṣaḍḍanta-Jātaka*”, так что описываемая ситуация вполне понятна. Приведенная фраза принадлежит принцессе Бхадре и обращена к ее отцу, царю Махендрасене. Бхадра предлагает отцу устроить сваямвару – специальную церемонию, во время которой девушка сама выбирает себе жениха².

Судя по содержанию, фрагмент ТНТ 1267 не может относиться к “*Ṣaḍḍanta-Jātaka*”, но он точно так же включает в себя речь героини, намеревающейся по собственной воле избрать себе спутника жизни.

ТНТ 1309 b3: /// ś[l]e *pālsko ramtā rutkaṃ pai[y](•)e* /// ‘словно наделенные разумом (букв. ‘с мыслью словно’), они уберут ноги (или: ‘...ногу’)’

ТНТ 1303 а5: /// [śl](e) *pālsko ra[mtā]* /// ‘словно наделенный разумом’

Строка ТНТ 1309 b3 рассматривается в [Malzahn 2010, p. 831]. однако переводу ‘as like the mind they remove (?) the foot’ едва ли можно придать какой-либо убедительный смысл. С учетом множественного числа глагола более вероятной выглядит не конъектура *paiye* ‘ногу’ [ibid.], а конъектура *pai[y](n)e* ‘ноги’. Наиболее же существенно, что у оборота *śle pālsko ramtā* имеется полный структурный аналог в тох. А: *śla pālsākk oki* (А 95 b5, А 313 а4, А 315+316 b1). В строке А 95 b5 субъектом сравнения выступает

² Об обычае сваямвары и некоторых знаменитых примерах его отражения в индийской литературе см. хотя бы: «Википедия», ст. «Сваямвара».

земля, в строке А 313 а4 – по-видимому, божественные лучи. Для этой строки на сайте [СЕТом] дан блистательный английский перевод '[furnished] with [a] mind as it were'.

Фрагмент ТНТ 1309 содержит описание прекрасных садов, растущих в Море 33 богов (скр. *trayastrimśa-*) на священной горе Меру (при всей условности такой параллели этот мир можно назвать «индуистским раем»). В этих садах встречаются самые разные чудеса; не исключено, например, что речь идет о каких-то объектах, имеющих складные вертикальные опоры («ножки») и способных самостоятельно их убирать. Фрагмент ТНТ 1303, ранее не привлекавший внимание исследователей, относится к той же рукописи и может содержать элементы того же описания.

Сочетание *rutkaṃ pai[y](·)e* служит весомым аргументом в пользу предложенной в [Ogihara 2009, p. 221-222] для строки IOL Toch 416 а1 конъектуры *//// (ru)tkalye pewaṃ* – кальки скр. *āhāryapādaka-* 'having removable legs'.

ТНТ 1379.d а2: *(////) (e)ṅkāl kle(ś) ////* 'клевца страсти'

Конъектура надежна благодаря наличию параллелей в обоих тохарских языках, ср.:

eṅkāl kleśe (В 623 а6) 'клевца страсти' (*kleśe* – описка вместо *kleś*; содержит ли фрагмент ТНТ 1379.d тот же текст, что лист В 623, или какой-то другой, неясно);

eṅkāl kleś wikāṣṣ oki ♦ (YQ-24[III.5] b2) 'клевцу страсти устраивает словно'.

Скр. *kleśa-* – настолько специфическое понятие буддийской философии, что и в русском, и в западноевропейских языках его нередко оставляют без перевода. Такое решение принято, в частности, в статье «Буддийская этика» в «Википедии», где клева поясняется как «установки сансарного сознания, реализуемые в неблагих действиях (в том числе в речи и мыслях), обеспечивающие перевоплощения и страдания (дукха)».

Интересно, что сочетание *eṅkāl kleś*, по-видимому, представляет собой не сочинительную, а аппозитивную конструкцию – ср. английский перевод тох. А фразы в [Ji, Winter, Pinault 1998, p. 165] 'he will drive away as it were the impurity of passion'.

ТНТ 1402.с b1: /// (a)*padāt ñākcyā k* /// ‘чистый божественный ...’

Неизменяемое прилагательное *apadāt** ‘чистый, прозрачный’ (< скр. *avadāta-*) не отмечено в словарях тох. В языка, однако оно (также с утраченным начальным гласным) встретилось в тох. А: (///) (a)*padāt kārṭkālāṣ* (А 42 b6) ‘из чистого пруда’. Поскольку прилагательное *ñākciye* ‘божественный’ стоит в форме ж. р., следующее слово почти наверняка представляет собой обозначение водоема, а диакритика при *k* частично сохранилась, в высшей степени вероятной выглядит конъектура *k[au](miye)* ‘пруд’.

Различие между двумя языками в данном случае легко объяснимо: тох. В соответствие тох. А *kārṭkāl* ‘пруд’, *kārṭkālḷe* ~ *kārkkālḷe*, по-видимому, пережило семантический сдвиг в сторону значения ‘≈ грязь, болото’ (см. также ниже), а соответствие тох. В *kaumiye*, очевидно, было в тох. А утрачено.

ТНТ 1424.i b4: *nakṣām lareṃ śaulaṃśke* ♦ ‘губит милую жизнь’ (букв. ‘...жизнечку’)

Тох. В синтагма находит себе близкое соответствие в двух тох. А сочинениях совсем разного жанра – нравоучительно-развлекательной истории о купце по имени Котикарна и магическом трактате:

ceṣ māḥ wrasañ weñār koṭikarṇe sārthavāk yṭāraṃ ñakās kāpñe śol /// (А 341 b7) ‘Эти многие люди говорили: «Предводитель каравана Котикарна в пути погубил милую жизнь»’ (речь идет о ложном слухе);

♦ *mar k_uleyis mosam kāpñe śol nakāt* ♦ (PK NS 1 a4-b1) ‘Ради женщины милую жизнь не губи’

Возможно, не случаен тот факт, что все три текста, в которых встретилась рассматриваемая формула, – стихотворные.

Форма *śaulaṃśke* – нигде ранее не фиксировавшийся диминутив от *śaul* ‘жизнь’. Различие между *śaulaṃśke* и нейтральным тох. А *śol* – выразительное подтверждение сравнительно широкого распространения уменьшительно-ласкательных суффиксов в тох. В при их полном отсутствии в тох. А. С морфологической точки зрения форма *śaulaṃśke* загадочна: она содержит не обычный диминутивный суффикс *-śke*, а его осложненный вариант *-aṃśke*. Косвенным свидетельством того, что перед нами – не уникальная морфологи-

ческая модель и тем более не ошибка, может служить форма *ylaṃśke* ‘молодая газель, газеленок’ – уменьшительное от *yal* ‘газель’ (также односложной основы на *-l*), ср. || *yal [y]l[am]śke[n]e* || (PK AS 16.3 b3) ‘на мотив «газель и газеленок»’.

ТНТ 2370.k a2: – *[r]oy lyam saṃsā[rṣ](ś)[e]* //// ‘... озеро сансары’

Весьма привлекательной по смыслу кажется конъектура (*ā*)[*r*]oy ‘пусть закончится’.

Сочетание *saṃsārṣṣe lyam* естественно сопоставить с хорошо известным сочетанием *saṃsārāṣṣe kārkkälle** (~ *kārkkälle**) ‘≈ болото сансары’, ср. *saṃsārāṣṣe kārkkällemē* (PK AS 15A a5) ‘из болота сансары’, *saṃsārāṣ[ṣ]e kārkkälle(n)e* (B 408 a7) ‘в болоте сансары’.

Приведенные тох. В примеры играют важную роль для интерпретации двух тох. А фрагментов.

Для строки ТНТ 1138 b1 Ж.-Ж. Пино и М. Перо [CEToM] дают чтение //// *[a]k(a)ppiṣi [ly]ä(m)* //// ‘the lake of impurity’.

Правая часть строки А 61 b1 представлена в издании 1921 г. следующим образом: *sās saṃsār puk lotksā a – – – lyä – (////)*. Ни В. Зиглинг [Sieglings PK, p. 35], ни Г. Карлинг и М. Перо [CEToM] не предложили какого-либо восполнения для утраченных акшар, однако С.В. Малышев (личное сообщение) выдвинул в высшей степени убедительную гипотезу о том, что в этой строке следует восстанавливать то же самое сочетание *a[k](appi)[ṣ]i [ly]ä(m)* ‘озеро с нечистотами’.

Грамматическая структура фразы *sās saṃsār puk lotksā a[k](appi)[ṣ]i lyä[m]* чрезвычайно интересна. Она едва ли может пониматься как-то иначе, нежели ‘эта сансара – озеро со всеми видами нечистот’ (возможно, после *lyä[m]* следует восстанавливать связку *paṣ* ‘есть’). Если так, перед нами очередной пример, в котором адъективатор *-ṣi* оформляет целую синтагму – в данном случае *puk lotksā akappi* ‘всех видов нечистоты’. Лексема *akappi* свободно принимает форму мн. ч. (*akappintu*), но все же она обозначает неисчисляемое понятие, и ее сочетание в ед. ч. с определением *puk lotksā* ‘всех видов’ кажется вполне возможным.

Сходство между пятью рассмотренными примерами может быть даже большим. В строке ТНТ 1138 b1 речь, скорее всего, идет не о какой-то реальной сточной канаве, а именно о сансаре. Тох. В *lyam* ‘озеро’, как и тох. А *lyām*, не имеет, в отличие от тох. В

*kärtkälle**, негативной окраски, поэтому не исключено, что в строке ТНТ 2370.k a2 присутствовало какое-то определение, аналогичное тох. А *akappi-ši*.

Возможно, имеется и шестой пример:

//// *ly[mä]š [ts]k[ā]te [ñ](i)* (ТНТ 2432 b3; чтение не абсолютно надежно, но вероятно) ‘Из озера ты вытащил меня’

Фрагмент ТНТ 2432, как и фрагмент ТНТ 1138, относится к тох. А рукописи №№ 144-211, сквозной сюжет которой – попытки Будды Шакьямуни отвлечь от мирской жизни (= от бесконечного круга сансары) его брата Нанду и уговорить того стать членом монашеской общины; напротив, никакого реального озера в этой истории опять-таки нет. Рассматриваемая фраза вполне может быть репликой Нанды, обращенной к Будде.

Таким образом, есть все основания рассматривать сравнение сансары с загрязненным водоемом как клише, характерное для обоих тохарских языков.

ТНТ 3216 b2: //// *[l]yāk aurcc[ā] •(•)e* //// ‘ровный (?) широкий...’

Неизменяемое прилагательное *lyāk* имеется в обоих тохарских языках. В тох. В оно засвидетельствовано еще дважды:

wartsa wlaś(k)a l(y)ā[k] pratsā(k)o (В 73 a6) ‘широкая мягкая ровная (?) грудь’;

♦ *lyāk sauke tañki* •[ai] – (////) (В 74 a4) ‘a flat, thick streamer’ (?) [Adams 2013, т. II, р. 615].

Второй из этих примеров малоинформативен: значение слова *sauke* точно неизвестно, к тому же определение *tañki* почти наверняка относится не к нему, а к следующему слову.

Значение тох. А прилагательного служит предметом дискуссий и контрверзов, возможно, обусловленных тем, что речь идет о двух (или даже нескольких) омонимах. Два восточнотохарских примера, наиболее близких к западнотохарским, выглядят следующим образом:

lyāk širaś tāpākyis ānt oki śal(peṃ) //// (YQ-8[II.4] b4 = A 212 b6) ‘ровные (?) везде (букв. ‘вокруг’), словно гладь зеркала, подошвы’;

lyāk wā(rts) aṣuk pratsak ci ♦ (А 378, 5) ‘ровная (?) широкая правильной формы (?)³ грудь твоя’.

Перевод ‘flat’, предложенный для строки YQ-8[II.4] b4 в [Ji, Winter, Pinault 1998, p. 83], Д.К. Адамс характеризует как “certain” [Adams 2013: loc. cit.] – несмотря на то, что этот перевод был безоговорочно отвергнут в рецензии К.-Т. Шмидта: “nicht ‘flat’, sondern ‘fest, unerschütterlich’” [Schmidt 1999, p. 284]. Однако перевод, предложенный (без всякой аргументации) К.-Т. Шмидтом, значительно хуже подходит к обоим только что приведенным фрагментам, так что значение ‘≈ ровный, гладкий’ представляется все же более вероятным.

Сравнение строк В 73 аб и А 378, 5 ставит нас еще перед одной проблемой. Как показывают формы *wartsa* и *wlaś(k)a*, тох. В *pratsāko** ‘грудь’ относится к ж. р., в то время как для его тох. А соответствия *pratsak* определением служит форма м. р. *wā(rts)* (прилагательные *lyāk* и *aṣuk*, как уже было сказано, не склоняются и потому непоказательны). Разумеется, расхождение в роде между тох. А и тох. В словами, восходящими к одному пратохарскому этимону, возможно; но все же оно необычно. На наш взгляд, до появления новых данных необходимо считаться с гипотезой о том, что односложная форма м. р. *wā(rts)* употреблена в строке А 378, 5 вместо ожидаемой двусложной формы ж. р. *wārtsi* metri causa*: такого рода случаи известны в обоих тохарских языках.

Что касается непосредственно строки ТНТ 3216 b2, наряду с чтением *aurcc[ā]*, предложенным в [Tamaï 2007], возможно также чтение *aurcc[a]*. Сложность, однако, в том, что тох. В прилагательное *wartse* ~ *aurtse* ‘широкий’ вообще не имеет форм вида *aurccā(-)* или *aurcca(-)*. Идет ли речь о метрической синкопе гласного, просто

³ Тох. А несклоняемое прилагательное *aṣuk* обычно переводится как ‘широкий (о частях тела)’. Этот перевод, однако, явно противоречит контекстам. Как можно видеть, в А 378, 5 *aṣuk* употреблено **вместе** с прилагательным *wā(rts)*, достоверно означающим ‘широкий’. С другой стороны, в YQ-8[II.4] b5 + А 212 b7 *aṣuk* относится к пальцам и пяткам, вследствие чего в [Ji, Winter, Pinault 1998, p. 83, 85, 281] для него выбран перевод ‘slender’, что, в свою очередь, едва ли подходит к груди. Призванный устранить эти несообразности перевод ‘правильной формы (о частях тела) (?)’ предложен нами в [Иткин 2019, с. 80].

об описке или о чем-то ином, неясно. Независимо от этого, сочетание [l]yāk aurcc[ā] представляет несомненный интерес как точное соответствие тох. А сочетания lyāk wā(rts), встретившегося в строке А 378, 5.

IOL Toch 395 b2: /// ♦ mā luwāñ śau(l) /// ‘из-за зверя жизнь не...’

Фрагмент IOL Toch 395 относится не к берлинскому, а к лондонскому собранию тохарских текстов; тем самым, его рассмотрение, строго говоря, выходит за рамки заявленной темы. Однако с точки зрения методики анализа данный пример не отличается от предыдущих, а привлекаемый для сравнения отрывок тох. А текста PK NS 1 уже рассматривался нами выше.

Форма *luwāñ* была оставлена автором транскрипции текста IOL Toch 395 М. Перо [СЕТом] без интерпретации. Однако она не может быть ничем иным, кроме как формой каузалиса (падежа со значением причины) от слова *luwo* (Acc Sg *luwa*) ‘зверь’. Перенос ударения на второй слог перед окончанием Caus -ñ закономерен – ср. хотя бы многократно встречающуюся в тох. В текстах форму *läkleñ* // *läkléñ*/ Caus Sg от *lakle* // *läkle*/ ‘страдание’. Сохранение безударного беглого *u*, напротив, не соответствует правилам – ср. Abl Sg *lwātem* (IOL Toch 126 b7 bis) с таким же переносом ударения. Однако данный пример не единичен – ср., в частности, *luwāññe camel* (PK AS 15A a4) ‘звериное рождение (= перерождение в зверином облике)’, /// (*wā*)rttoşsem luwā(sa) /// (PK NS 12 a4) ‘лесные звери’, а также || *suwāññe* *u*wātanane || (B 108 b9) – название мотива, первая часть которого представляет собой прилагательное от *suwo* (Acc Sg *suwa*) ‘свинья’, фонетически максимально близкого к *luwo*⁴; это явление требует дальнейшего изучения.

Строку IOL Toch 395 b2 естественно сопоставить с тох. А падой ♦ *mar* *k*₁*leyis mosam kāpñe śol nakāt* ♦ (PK NS 1 a4-b1) ‘Ради женщины милую жизнь не губи’: если в утраченной правой части тох. В текста также содержался глагол со значением типа ‘губить,

⁴ Мы принимаем чтение *u*wātanane, предложенное в [Dragoni 2022, p. 54-56] на основании убедительного сопоставления с тох. А *watañi*, вместо данного в издании *u*wātātane, но не можем согласиться с отказом Ф. Драгони [ibid.] от традиционной трактовки прилагательного *suwāññe*.

терять’, конструкции оказываются полностью изоструктурными (с точностью до опущенного в тох. В эпитета). В таком случае перед нами важное свидетельство того, что в некоторых (безусловно, не во всех) случаях тох. А сочетание «G + послелог *mosam* ‘ради’» могло выступать как эквивалент тох. В каузалиса (отсутствующего в тох. А).

Условные обозначения

3	– третье лицо	Ipф	– имперфект
ЭМ	– энклитическое местоимение	Loc	– локатив
A	– активный залог	m	– мужской род
Abl	– аблатив	N	– номинатив
Acc	– аккузатив	Pl	– множественное число
Caus	– каузалис	PP	– причастие прошедшего времени
Conj	– конъюнктив	Pt	– претерит
G	– генитив	Sg	– единственное число
Instr	– инструменталис	SV	– глагольное существительное

Литература

1. Иткин И.Б. *Noṣpeṃ Priyasundarī et autres addenda et corrigenda-3* // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 6. С. 166-175.
2. Иткин И.Б. *Указатель словоформ к неопубликованным тохарским А текстам из собрания Берлинской библиотеки*. М.: ИВ РАН, 2019. — 240 с.
3. Петрова М.И. Сюжет о смерти и воскрешении брахманского мальчика: Обычай «выставления» по материалам «Махабхараты»: «Шантипарва» (кн. 12, гл. 149) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология-IX (чтения памяти И.М. Тронского)*. Материалы конференции, проходившей 20-22 июня 2005 г. / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2005. С. 183-189.

4. Adams D.Q. *A dictionary of Tocharian B. Revised and greatly enlarged*. 2nd ed. Amsterdam – New York: Rodopi, 2013. — 964 p.
5. Burlak S.A, Itkin I.B. ‘Nevermore’ in Tocharian A: towards determining the functions of the word *śkaṃ* // *Tocharian texts in context*. Papers of the international conference on Tocharian manuscripts and Silk Road culture held June 26-28, 2013 in Vienna. Bremen: Hempen Verlag, 2015. P. 29-36.
6. CEToM – *A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts* [электронный ресурс]. URL: <https://cetom.univie.ac.at/>.
7. Dragoni F. *Watañi lāntaṃ: Khotanese and Tumshuqese loanwords in Tocharian*. PhD thesis, Leiden: Universiteit Leiden, 2022. — 230 p. [электронный ресурс]. URL: <https://scholarlypublications.universiteitleiden.nl/access/item%3A3283442/view>.
8. Itkin I.B. On Tocharian A cognates of the Tocharian B words meaning ‘spleen’ and ‘liver’ // *Вопросы языкового родства*. 2022. Т. 20, вып. 3-4. С. 177-180.
9. Itkin I.B., Lundysheva O.V., Malyshev S.V. The Tocharian A fragments from the Serindian collection (IOM, RAS) (in print).
10. Ji Xianlin, Winter W., Pinault G.-J. *Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nātaka of the Xinjiang Museum, China* [Transliterated, translated and annotated by ...] (Trends in Linguistics. Studies and Monographs, v. 113). Berlin – New York: de Gruyter, 1998. — 395 p.
11. Malzahn M. *The Tocharian verbal system*. Leiden – Boston: Brill, 2010. — 1063 p.
12. Ogihara H. *Researches about Vinaya-texts in Tocharian A and B* [Recherches sur le Vinaya en tokharien A et B]. PhD thesis, Paris: École Pratique des Hautes Études. — 590 p.
13. Pinault G.-J. Contribution de Maitrisimit a l’interprétation de textes parallèles en tokharien. // Y. Kasai, A. Yakup, D. Durkin-Meisterernst (eds.). *Die Erforschung des Tocharischen und die alttürkisch Maitrisimit*. Symposium anlässlich des 100. Jahrestages der Entzifferung des Tocharischen, Berlin, 3. und 4. April 2008. Turnhout: Brepols, 2013. P. 183-234.

14. Schmidt K.T. [Рец. на: Ji, Winter, Pinault 1998] // *Tocharian and Indo-European Studies*. 1999. V. 8. P. 277-285.
15. Sieg E., Siegling W. *Tocharische Sprachreste*. Bd. 1. Die Texte. Berlin – Leipzig: de Gruyter, 1921. — 258 p.
16. Sieg E., Siegling W. *Tocharische Grammatik*. Im Auftrage der Preussischen Akademie der Wissenschaften bearbeitet im Gemeinschaft mit W. Schulze. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1931. — 518 p.
17. Siegling PK – *Personal and annotated copy of [Sieg, Siegling 1921] by Wilhelm Siegling*. Scanned by Douglas Q. Adams with the technical assistance of Michael Tarabulski and Kevin Dobbins [электронный ресурс]. URL: <http://www.univie.ac.at/tocharian/?Siegling>, pers. copy.
18. Tamai T.A preliminary edition of unpublished texts from the Berlin Turfan Collection. *Thesaurus indogermanischer Text- und Sprachmaterialien (TITUS): Tocharian manuscripts from the Berlin Turfan collection*, 2007 [электронный ресурс]. URL: <http://titus.fkidg1.uni-frankfurt.de/texte/tocharic/tht.htm>.

Замещение слов иностранного происхождения в турецком языке в 2008–2017 годах

Ольга Михайловна Кадырова

Институт Востоковедения РАН, Москва, Россия,

omkadyrova@yandex.ru, ORCID 0000-0002-1157-9439

Аннотация. Статья содержит исследование некоторых результатов реформирования словаря турецкого языка в XXI веке. Мы рассматриваем судьбу неологизмов, созданных Обществом турецкого языка и предложенных населению в 2008 и 2017 годах.

Ключевые слова: Общество турецкого языка, языковая реформа, реформа языка, турецкие неологизмы, замещение заимствований

Substitution of foreign origin words in Turkish in 2008–2017

Olga M. Kadyrova

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,

omkadyrova@yandex.ru, ORCID 0000-0002-1157-9439

Abstract. The paper includes some results of Turkish vocabulary reforms in 2008-2017. It studies the fate of neologisms created by the Turkish Language Society and offered to the citizens in 2008-2017.

Keywords: Turkish Language Society, TDK, language reform, Turkish neologisms, substitution of borrowings

Введение

История знает немало случаев искусственного создания и внедрения неологизмов в словарь языка. Возникает вопрос, насколько далеко способно зайти реформирование лексики. Уникальным примером такого реформирования стала Республика Турция [Щека 2007]. Созданное в 1932 г. в молодой Республике Общество турецкого языка (далее TDK) занимается замещением иноязычных слов по настоящее время. В начале деятельности перед TDK стояла задача максимально возможной замены слов арабского и персидского происхождения на аналоги тюркского происхождения. Тюркские слова собирались из диалектов, других тюркских языков, древних текстов

или искусственно создавались доступными языковыми средствами. Предложения TDK по замене слов опубликовывались и начинали входить в употребление. Если в 1932 г. Книжно-письменный словарь языка содержал всего 40% слов тюркского происхождения, то к 1966 г. их количество возросло до 72%, почти в два раза. Следует отметить, что при этом далеко не все иноязычные слова выходили из употребления. Многие продолжают употребляться параллельно с синонимами тюркского происхождения (араб. *cevap* – тюрк. *yanıt* ‘ответ’, фарси *kalp* – тюрк. *yürek* ‘сердце’, араб. *talebe* – тюрк. *öğrenci* ‘студент’ и др.).

В XXI веке учёные констатируют факт: словари разных языков стремительно заполняются англицизмами или словами-универсалиями [Алпатов 2001; Кузнецов 2018; Максименко 2018; Петлюченко 2018]. Процессы глобализации затрагивают все сферы жизни, в том числе язык. Как выразился Ю.Н. Несветаило, XXI век – это время «неологического взрыва», так как появляется большое количество новых слов, значений, изобретаются новые предметы и понятия [Несветаило 2008]. В данной работе мы изучаем попытку Турецкого лингвистического общества заменить слова, пришедшие из западных языков, на созданные в кабинете синонимы, которые, по мнению их авторов, звучат как более тюркские. Результаты исследования помогут дать оценку эффективности попыток реформирования словаря, а также подскажут преподавателям и переводчикам турецкого языка, правомерно ли использование предложенных TDK слов.

Слова-мишени

7 мая 2008 г. в ряде новостных печатных и интернет-изданий был опубликован список слов, рекомендуемых к употреблению TDK [Sabah; Hürriyet; Haber] (см. Таб. 1). Слова образованы разными способами, некоторые найдены в старых текстах или в диалектах. Некоторые из них уже вводились в употребление ранее, но TDK видело необходимость в том, чтобы напомнить об их существовании.

Таблица 1.

Старое слово	Неологизм от TDK	Перевод	Способ словообразования
afiş	ası	афиша	вешать+САС
ajanda	andaç	записная книжка	память, сувенир РСС. an-da-ç упоминать+локатив +САС
aktivite	etkinlik	мероприятие	активный+САС
aktüel	güncel	актуальный	день+САП
amblem	belirtke	эмблема	символ РСС
ambulans	cankurtaran	скорая помощь	спасающий души, СОС
amortisman	yıpranma payı	амортизация	доля износа 1-аф. из.
anarşi	kargaşa	анархия	беспорядки РСС
arşiv	belgelik	архив	документ+САС
atölye	işlik	мастерская, цех	дело+САС
türbülans	burgaç	турбулентность	инек РСС
badminton	tüytop	бадминтон	перо+мяч СК
baypas	köprüleme	коронарное шунтирование	соединение через мост, линию, РСС
otizm	içeyöneliklik	аутизм	направленность внутри СОС
ipotek	tutu	ипотека	задерживать+САС
fuel oil	yağyakıt	мазут	масло+топливо СК
garanti	güvence	гарантия	доверять+САС
depozito	güvence akçesi	депозит	доверие+деньги 1-аф. из.
fitness	sağlıklı yaşam	фитнес	здоровый образ жизни СС
finanse	akçalanmış	финансируемый	деньги (чагот.)+САГ+АП
first lady	başbayan	первая леди	главная госпожа СОС

CD	yoğun disk	компакт-диск	<i>плотный диск</i> СС
terörist	yıldırıcı	террорист	<i>пугающий</i> , К
idealist	ülkücü	идеалист	<i>странник</i> , РСС
basketbol	sepet topu	баскетбол	<i>корзина+мяч</i> , 1-аф. из.
voleybol	uçan top	волейбол	<i>летающий мяч</i> , СС
avans	öndelik	аванс	<i>предстоящий</i> +САС
banknot	kağıt para	банкнота	<i>бумажные деньги</i> , б-аф. из.
asparagas	uydurma	ложная информация	<i>выдумка</i> , РСС
aspiratör	emmeç	аспиратор	<i>всасывающий (насос)</i> , РСС
fabrika	üretmevi	фабрика	<i>производство+дом</i> , 1-аф. из.
zapping	geçgeç	заппинг (быстрое переключение каналов ТВ)	<i>перейди-перейди</i> , СК и К
etik	töre bilimi	этика	<i>обычай+знание</i> , 1-аф. из.

27 сентября 2017 TDK опубликовало список слов [ESH; Milliyet; NTV; YA], который, на наш взгляд, особенно ярко отражает вызовы времени:

Таблица 2.

Старое слово	Неологизм от TDK	Перевод	Способ словообразования
doğal gaz	yer gazı	природный газ	<i>земля+газ</i> 1-аф. из.
petrol	yer yağı	нефть	<i>земля+масло</i> , 1-аф. из. РСС
smoothie	karsanbaç	смузи	Д
jülyen	şerit doğrama	жульен	Д

hyperloop	hız kovarı	вакуумный поезд	<i>скорость + гильза 1-аф. из.</i>
stor	sarma perde	рулонная штора	<i>рулон + штора б-из.</i>
SMS	kısa bilgi/ kısa haber	смс-сообщение	<i>краткая информация/ короткая новость, СС</i>

С момента публикации списков прошло много лет. Мы провели исследование частоты встречаемости предложенных TDK неологизмов в запросах Google в регионе «Турция» за последние 5 лет. Это исследование отражает популярность лексических единиц у пользователей Google, а значит, даёт представление о «приживаемости» слов в вокабуляре молодого поколения.

Результаты сравнения употребления неологизмов в поисковых запросах

Список 2008 г. Сравнение числа поисковых запросов в Google за последние 5 лет по 100-бальной шкале¹:

Таблица 3.

Неологизм	Встречаемость по запросам Google	Старое слово	Встречаемость по запросам Google
as1	12	afiş	50
andaç	8	ajanda	26
etkinlik	56	aktivite	12
güncel	39	aktüel	27
belirtke	3	amblem	58
cankurtaran	15	ambulans	58
yıpranma payı	5	amortisman	34
kargaşa	1	anarşi	3

¹ Ресурс Google Trends предоставляет статистические данные по частоте встречаемости запросов в форме графиков со 100-бальной шкалой. 0 баллов по шкале означает не полное отсутствие запросов, а столь малое, что не представляется возможным их отображение на графике.

belgelik	0	arşiv	53
işlik	0	atölye	72
burgaç	0	türbülans	3
tüytop	1	badminton	58
köprüleme	9	baypas	47
içeyoneliklik	0	Otizm	18
tutu	18	ipotek	46
yağyakıt	0	fuel oil	15
güvence	1	garanti	60
sağlıklı yaşam	4	fitness	50
akçalanmış	0	finanse	21
güvence akçesi	0	depozito	35
başbayan	3	first lady	37
yoğun disk	0	CD	77
yıldırıcı	0	terörist	16
ülkücü	41	idealist	0
sepet topu	0	basketbol	19
uçan top	0	voleybol	6
öndelik	0	avans	13
kağıt para	12	banknot	5
uydurma	51	asparagas	2
emmeç	1	aspiratör	67
üretimevi	0	fabrika	66
geçgeç	4	zapping	11
töre bilimi	1	etik	44

Список 2017 г. Сравнение числа поисковых запросов в Google за последние 5 лет по 100-бальной шкале:

Таблица 4.

Неологизм	Встречаемость по запросам Google	Старое слово	Встречаемость по запросам Google
yer gazı	0	doğal gaz	16
yer yağı	0	petrol	16
karsanbaç	0	moothie	37

şerit doğrama	0	jülyen	33
hız kovanı	1	hyperloop	20
sarma perde	0	stor	53
kısa bilgi/ kısa haber	5	SMS	31

Полученные статистические данные указывают на то, что пользователи Google проигнорировали большую часть предлагаемых TDK неологизмов. О неудачной попытке ввода списка 2010 г. говорится и в турецкой газетной статье 2014 г. [Hurriyet]. Редко используется даже слова *cankurtaran* ‘скорая помощь’ и *yer yağı* ‘нефть’, предложенные TDK и упоминаемые в прессе ещё в XX веке. Уверенно вошли в словарь слова *etkinlik* ‘мероприятие’, *güncel* ‘актуальный’, *ülküçü* ‘идеалист’. *Kağıt para* ‘банкнота’ и *uydurma* ‘ложная информация’ употребляются уже довольно долго, а TDK, видимо, просто напоминает, что не стоит их заменять иностранными словами. Есть тенденция к закреплению в языке *geçgeç* параллельно с англицизмом *zapping*. Предложенный неологизм удобен для произношения носителями языка, ёмок и экономичен, частота его употребления в запросах соотносится с англицизмом как 1:3. Относительно частая встречаемость слова *tutu* объясняется отнюдь не переименованием *ipotek*, а существованием популярного омонима ‘программное обеспечение Tutu’. Данный факт мы установили путём подбора статей через поисковые страницы с определением их содержания. Мы предполагаем также, что есть шанс «выжить» у слова *hız kovanı* ‘вакуумный поезд’, которое иногда стало употребляться вместо *hyperloop*. Этому способствуют две причины. Во-первых, это абсолютно новое понятие в глобальном смысле: на данный момент первые в мире вакуумные поезда ещё только создаются. Отсутствие привычного аналога в тезаурусе носителей турецкого языка даёт больше шансов «прижиться» специально придуманному *hız kovanı*. Во-вторых, слово *hyperloop* не читается по правилам турецкой орфографии. В любом случае потребовалось бы обсуждение способов «пересадки» этого слова на турецкую почву.

Французский неолог Гильбер утверждает: сперва неологизм распространяется в разговорной речи носителей языка, затем начинает употребляться и закрепляется в средствах массовой информа-

ции, далее общество его принимает, и оно закрепляется в языковой системе [Guilbert 1971]. В случае с TDK мы наблюдаем попытку пойти обратным путём: закрепить слово в словаре, опубликовать в СМИ и ожидать, что оно распространится среди носителей языка. Согласно результатам нашего исследования, в подавляющем большинстве случаев такая попытка заканчивается неудачей.

Лёгкое приятие носителями турецкого языка иностранных слов и интернационализмов объясняется рядом причин. Как отмечает В.М. Алпатов, английский язык имеет статус международного и воспринимается как язык элит. Также имеет место принуждение к изучению английского языка в учебных заведениях. Поэтому англицизмы стремительно заполняют страницы СМИ во всем мире [Алпатов 2018]. О.И. Максименко объясняет широкое распространение интернационализмов в языках мира тем, что человек XXI века, номинируя новый объект, стремится также к экспрессивности и экономичности. Более того, электронные средства коммуникации существенно убыстряют распространение неологизмов в языках мира [Максименко 2018].

Основная задача языка – это коммуникация. И если говорить о языковой ситуации в Турецкой Республике на заре работы Общества турецкого языка, то реформа словаря была важнейшей мерой консолидации общества, способом объединить нацию за чтением одних и тех же газет. Однако в XXI веке турецкий язык имеет вполне сформированный словарь общеупотребляемой базовой лексики. Кроме того, глобализация коснулась всех сфер жизни, в том числе языка. Англицизмы и всевозможные интернационализмы неизбежно попадают в турецкий язык через СМИ и социальные сети. Ввод слов, заменяющих уже употребляемые лексемы, методом публикации списков не достигает желаемых результатов, так как носители языка отдают предпочтение привычным или модным словам и выражениям. Эти неоспоримые факты могут послужить объяснением того, почему в первой половине XX века языковая реформа в Турции проходила гораздо результативнее, чем в XXI. Однако переводчикам и преподавателям турецкого языка следует использовать закрепившиеся в языке слова: *günce*, *etkinlik*, *ülküci*, *kağıt para*, *uydurma*.

Условные обозначения

АП – аффикс причастия

Д – диалектизм

К – конверсия

РСС – ранее существовавшее слово

САГ – словообразовательный аффикс глагола

САС – словообразовательный аффикс существительного

САП – словообразовательный аффикс прилагательного

СК – сложение корней

СО – сложение основ

СОС – сложение основ словосочетания

СС – словосочетание

1-аф. из. – одноаффиксный изафет

б-аф. из. – безаффиксный изафет

Источники

Анализ – Google Trends. [электронный ресурс] URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=today%205-y&geo=TR&hl=ru> (дата обращения 20.07.2023).

Haber – Haber 7 com 07.05.2008. *İşte Türkçe'ye giren yeni kelimeler.* [электронный ресурс] URL: <https://www.haber7.com/yasam/haber/317622-iste-turkceye-giren-yeni-kelimeler?ysclid=1kazeqz274323427855> (дата обращения 20.07.2023).

Hurriyet – Hurriyet gazetesi 08.06.2014. *Emmeç, geçgeç, tıpkıçekim.* [электронный ресурс] URL: <https://www.hurriyet.com.tr/ekonomi/emmec-gecgec-tipkicekim-26531029> 08.06.2014 (дата обращения 18.07.2023).

- Milliyet – Milliyet gazetesi 28.09.2017 *Türk Dil Kurumu TDK'nin Türkçe karşılıklarını bulduğu sözcükler* [электронный ресурс] URL: <https://www.milliyet.com.tr/molatik/galeri/turk-dil-kurumu-tdknin-turkce-karsiliklarini-buldugu-sozcukler-72526> (дата обращения 20.07.2023).
- Sabah – Sabah gazetesi 14.10.2010. *Emmeç, Ahırdaş, Geçgeç...* [электронный ресурс] URL: https://www.sabah.com.tr/yasam/emmec_ahirdas_gecgec_523019512_717-1594718 (дата обращения 20.07.2023).
- NTV – Haberler 27.09.2017. *TDK “petrol”e “yer yağı” dedi.* [электронный ресурс] URL: <https://www.ntv.com.tr/turkiye/tdk-petrole-yer-yagi-dedi,pCglj3OxTEOxqVhJHjj74w> (дата обращения 20.07.2023).
- YA – Yeni Asır gazetesi 27.09.2017. *Smoothie’ değil ‘Karsanbaç’ TDK’dan yeni Türkçe sözcükler.* [электронный ресурс] URL: <https://www.yeniasir.com.tr/yasam/2017/09/28/smoothie-degil-karsanbac> (дата обращения 18.07.20023).
- ESH – En son haber 27.09.2017. *TDK’dan yeni Türkçe sözcükler.* [электронный ресурс] URL: <https://www.ensonhaber.com/kultur-sanat/tdkdan-yeni-turkce-sozcukler> (дата обращения 20.07.2023).

Литература

1. Алпатов В.М. Американизация японского и русского общества по языковым данным // *Российские востоковеды в память о М.С. Капице: Очерки, исследования, разработки.* М., 2001. С. 304-315.
2. Алпатов В.М. Языковой аспект глобализации // *Язык в глобальном контексте: современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. В.В. Потапов, Е.А. Казак.* М., 2018. С. 6-25.
3. Дятленко П. Языковая политика и языковые реформы в государственном и национальном строительстве. Аналитический обзор // *Социологическое обозрение.* 2007. № 3. [электронный

- ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-i-yazykovye-reformy-v-gosudarstvennom-i-natsionalnom-stroitelstve-analiticheskiy-obzor> (дата обращения: 13.07.2023).
4. Кузнецов В.Г. Языки в эпоху глобализации: интеграция vs идентичность // *Язык в глобальном контексте: современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: Сб. науч. трудов* / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. В.В. Потапов, Е.А. Казак. М., 2018. С. 26-40. ISBN 978-5-248-00863-6.
 5. Максименко О.И. Глобальный нейминг как лингвистическая проблема // *Язык в глобальном контексте: современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: Сб. науч. трудов* / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. В.В. Потапов, Е.А. Казак. М., 2018. С. 188-201.
 6. Несветаило Ю.Н. Трактовка понятий «неологизм» и «окказионализм» в современной научной парадигме // *Вестн. Ставроп. гос. ун-та*. Ставрополь, 2008. Вып. 55. С. 144-148.
 7. Петлюченко Н.В. Влияние английского языка на современный нормативный статус немецкого языка: Klares deutsch oder denglisch? // *Язык в глобальном контексте: современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: Сб. науч. трудов* / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. В.В. Потапов, Е.А. Казак. М., 2018. С. 150-159.
 8. Тектен Т. Из истории реформ по обновлению турецкого языка // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2009. № 8. [электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-reform-po-obnovleniyu-turetskogo-yazyka-1> (дата обращения: 13.07.2023).
 9. Щека Ю.В. *Практическая грамматика турецкого языка*. М: АСТ, 2007. С. 7-10.
 10. Guilbert L. *De la formation des unities lexicales*. P., 1971. P. 30.

Глаголы открывания и закрывания в японском языке

Анна Сергеевна Панина

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,

panina-anna@yandex.ru, ORCID 0009-0002-6863-9516

Аннотация. В статье рассматриваются японские переходные глаголы создания и уничтожения отверстий, включая отверстия в предметах («пробить/заделать стену/дырку»), контейнеры с закрывающим устройством («открыть/закрыть кастрюлю/крышку») и промежутки между предметами («расставить/свести пятки»). Основное противопоставление в семантическом поле – функция vs. форма. Глагол *akeru* ‘создавать отверстие; открывать контейнер или крышку’ ориентирован на функцию – каузацию доступа, *hiraku* ‘раскрывать’ – на создание формы, при которой симметричные части разведены. Аналогично *fusagu* ‘блокировать’ и *shimeru* ‘закрывать контейнер или крышку’ делают акцент на том, что доступа нет, *tojiru* ‘смыкать’ – на том, что части сводятся в компактную форму. Значение *tsumeru* ‘набивать’ также функционально: ликвидация свободно-го пространства, не позволяющая добавить содержимое.

Ключевые слова: японский язык, многозначные глаголы, метонимия

Verbs of opening and closing in Japanese

Anna S. Panina

Russian State University for Humanities, Moscow, Russia,

panina-anna@yandex.ru, ORCID 0009-0002-6863-9516

Abstract. The paper examines the Japanese transitive verbs of creating and sealing apertures, which are divided into three types: apertures in solid objects (“make/stop a hole in the wall”), containers equipped with a sealing device (“open/close a jar / a door”), and gaps between objects (“move one’s feet apart/together”). The main opposition in this semantic field is function vs. shape. *Akeru* ‘to open’ encompasses making

apertures, opening containers and lids, thus creating functioning portals, while *hiraku* ‘to spread’ describes opening lids and gaps as moving parts apart into a symmetrical shape (also used with fans, umbrellas and other non-containers). Similarly, *fusagu* ‘to block a hole’ and *shimeru* ‘to close a container or lid’ mean disabling a portal, and *tojiru* ‘to fold; move together’ describes gathering parts into a compact shape, also used with non-containers. *Tsumeru* ‘to stuff’ is also function-oriented, implying that an opening or container is filled to its limits.

Keywords: Japanese language, polysemous verbs, metonymy

Введение

Словосочетания типа *вымыть окно* / *высунуться в окно* обычно описываются через многозначность существительного; действительно, вымыть можно только предмет, а высунуться только через отверстие. Так, русская лексема *окно* представлена в Толково-комбинаторном словаре в значении 1.1а как комплекс, включающий отверстие, и в значении 1.2 как одна из частей этого комплекса, створка [Мельчук, Жолковский 2016, с. 305]. Аналогично Дж. Тейлор усматривает метонимию, основанную на профилировании (perspectivisation) различных компонентов единого концепта, в английских примерах *The workmen delivered the window* ‘Рабочие привезли окно’ (предмет как целое), *Close the window* ‘Закрой окно’ (его подвижная часть) и *She put her head through the window* ‘Она просунула голову в окно’ (отверстие) [Taylor 2003, p. 327].

С другой стороны, Р. Лангакер предлагает в некоторых случаях приписывать метонимию не существительным, а глаголам. Отверстия он с этой точки зрения не комментирует, но, например, для сочетания *She heard the piano* ‘Она слышала пианино’ постулирует семантический сдвиг глагола *hear* ‘слышать’: «взаимодействовать со звуком / с предметом, который его издает» [Langacker 1994, p. 192-194]. Подобным образом глагол *высунуться*, вероятно, мог бы получить отдельное значение для сочетаний с предметами, содержащими отверстие.

Картина дополнительно осложняется, когда сочетаемостные предпочтения глагола неочевидны. Выступает ли окно как предмет

или как отверстие при глаголах *открывать* и *закрывать*? В разработанной под руководством Е.В. Падучевой базе данных «Лексикограф» [Падучева и др. 2010] глагол *закрывать* разбит на несколько значений, среди которых 1.1 соответствует примеру *закрывать кастрюлю крышкой*, 1.2 – *закрывать дверь на ключ*. В толковании этих значений указано, что траектор (крышка, дверь) приходит в контакт с краями отверстия, а набор синтаксических спутников различается: у значения 1.1 помимо траектора есть объект (кастрюля), топологический класс которого указан как «вместилище: имеет отверстие». В целом к проекту «Лексикограф» восходит богатая традиция описания глагольной метонимии.

В данной статье мы рассмотрим глаголы открывания и закрывания в современном японском языке в их чисто физических значениях, не касаясь метафор. Нас будет интересовать их метонимия, в том числе проявляющаяся как наличие нескольких диатез (моделей управления).

Что касается их требований к топологическому классу объекта, мы разделим отверстия на три типа, которые имеют разную природу и предполагают разное взаимодействие. То, насколько форма и функция предмета важны для лексической сочетаемости, было убедительно показано на материале прилагательных размера ([Рахилина 2000, с. 129], [Kozlov, Privizentseva 2022, p. 126-128]). Выделяемые в этих работах топологические классы включают отверстия и емкости, но без различий, которые будут использоваться в данной статье; это естественно, поскольку от конкретного семантического поля зависит, какие признаки объектов для него релевантны.

1) Собственно отверстие в предмете – пространство, существующее там, где нарушена целостность предмета. Типичные действия с ним – это каузация и ликвидация.

2) Отверстие с регулируемым доступом. Вслед за описанием в системе «Лексикограф» мы будем считать, что контейнеры как топологический класс содержат отверстие для доступа внутрь. Доступ может регулироваться специальным устройством, которое является либо частью контейнера (*окно* 1.1a как часть комнаты в [Мельчук, Жолковский 2016, с. 305]), либо дополнителем в терминах [Рахилина 2000, с. 42-52]: дополнительный относительно автономен, но исполь-

зуются вместе с контейнером (например, крышка вместе с кастрюлей). Типичное действие с такими комплексами – манипулировать закрывающим устройством, чтобы предоставлять или прекращать доступ в контейнер.

3) Промежуток между дискретными предметами. Его величина регулируется перемещением предметов друг относительно друга.

Мы рассмотрим следующие непроеизводные японские глаголы, описывающие ситуации с участием отверстий: *akeru* ‘открывать’, *fusagu* ‘блокировать’, *hiraku* ‘раскрывать’, *shimeru* ‘затягивать’, *tojiru* ‘смыкать’, *tsumeru* ‘затыкать’. Также будут затронуты *hirogeru* ‘раскладывать’, *ugatsu* ‘продырявливать’ и *uteru* ‘закапывать’, но не *tozasu* ‘запирать’ и *fūjiru* ‘запечатывать’.

Все они во всех диатезах одинаково реализуют валентность деятеля подлежащим в номинативе. Мы не будем на нем останавливаться, а сосредоточимся на других участниках ситуации: контейнере, закрывающем устройстве и т.п. Не будут также рассматриваться парные к этим глаголам непереходные, такие как *aku* ‘открываться’, и непереходные употребления *hiraku* ‘раскрываться’ и *tojiru* ‘смыкаться’.

Источниками материала послужили семантические описания в словарной форме [Koizumi et al. 1989], [Kunihiro 2006] и [Morita 1989], словари – толковый [Daijisen], японско-английский [Waei], японско-русский [БЯРС], русско-японский [Progressive], сочетаемости [Hyōgen], тезаурус [Ruigo] и два корпуса – Сбалансированный корпус современного письменного японского языка [BCCWJ] и Веб-корпус Университета Цукубы [TWC].

1. Каузация и ликвидация отверстия в предмете

1.1. Каузация отверстия в предмете. Там, где в русском языке используются глаголы, уточняющие метод (*просверлить*, *пробить*, *прогрызть* и т.п.), в японском предпочитается генерический глагол *akeru* ‘открывать’, тот же самый, который описывает открывание окон, кастрюль и т.п., см. раздел 2.1. Материал, способ каузации и наличие или отсутствие инструмента он не специфицирует:

- (1) а. *Nezumi ga kabe ni ana o ake-ta.*
 мышь Nom стена Dat дыра Acc открывать-Pst
 Мышь прогрызла (букв. открыла) в стене дырку. [Koizumi et al. 1989, p. 11]
- б. *Doriru de teppan ni ana o ake-ru.*
 дрель Ins лист_железа Dat дыра Acc открывать-Prs
 Просверлить (букв. открыть) дрелью отверстие в железном листе. [Ruigo], статья *doriru* ‘дрель’

Глагол *akeru* в данном значении имеет только одну диатезу: аккумулятивом может оформляться отверстие, но не продырявленный предмет, в отличие от рус. *прогрызть дырку / стену*.

Интересно сопоставить с *akeru* глагол *yaburu* ‘рвать, пробивать’. Он охватывает два случая деформации, которые на русском материале выделяет Г.И. Кустова – «существуют части исходного объекта» и «существует отверстие в исходном объекте» [Кустова 2004, с. 87], но не делает между ними различия; только прагматические соображения подсказывают, что документы в (2а) рвутся на части, а в ширме в (2б) создается отверстие.

- (2) а. *Shorui o yabur-u.* б. *Shōji o yabur-u.*
 документ Acc рвать-Prs ширма Acc рвать-Prs
 Порвать документы. Прорвать ширму. [Daijisen]
 [Daijisen]
- в. *Doa o yabur-u.*
 дверь Acc рвать-Prs
 Выбить (букв. прорвать) дверь. [Waei]

Считать *yaburu* ‘рвать, пробивать’ глаголом открывания мешает одна принципиальная особенность: если *akeru* ‘открывать’ не способен профилировать предмет, целостность которого нарушена («открыть дырку / *стену»), то при глаголе *yaburu*, напротив, не может быть выражено отверстие («пробить стену / *дырку»). С названиями закрывающих устройств он сочетается только как с деформируемы-

ми предметами, и в этом отношении дверь в (2в) не отличается от стены.

Мену диатезы, аналогичную рус. *пробить дырку в стене* / *пробить стену*, демонстрирует глагол *ugatsu* ‘продырявливать твердый предмет’. Большинство словарей дает примеры, где аккузативом оформлено отверстие, как в (3а), но модель управления, профилирующая предмет, (3б), встречается в корпусах и в словаре [Daijisen]. Этот глагол малоупотребителен и в словаре [Ruigo] помечен как книжный.

- (3) а. *Kabe ni ana o ugats-u.*
стена Dat дыра Acc дырявить-Prs
Прodelать дыру в стене. [Waei]

- б. *Tonari no tōkō o kabe o ugat-te*
Сосед Gen свет Acc стена Acc дырявить-Cvb
haishaku shi-te...
заем делать-Cvb
[Читал.] продырявив стену и пользуясь светом соседской лампы. [TWC]

1.2. Ликвидация отверстия в предмете описывается в первую очередь глаголом *fusagu* ‘блокировать’. Словарь [БЯРС] дает для него переводы *затыкать, заделывать, заслонять*. Подобно *akeru* ‘открывать’, *fusagu* не уточняет способ: неважно, является ли средство веществом или предметом и помещается ли оно внутрь отверстия или снаружи.

- (4) а. *Kiretsu o semento de fusag-u.*
трещина Acc цемент Ins блокировать-Prs
Заделать трещину цементом. [Waei]
- б. *Nezumi no ana o ita de fusag-u.*
мышь Gen дыра Acc доска Ins блокировать-Prs
Заделать/загородить доской мышиную нору. [Нубōgen]

Fusagu профилирует отверстие, у него нет мены управления, соответствующей рус. *заделать дырку / стену*, что тоже делает его

похожим на *akeru*. Однако эти частичные антонимы не симметричны. Значение *fusagu* более узко: он не используется в контекстах типа «закрыть окно / коробку», не сочетается с закрывающими устройствами и контейнерами. Его типичные спутники, как в примерах выше, это нежелательные отверстия, которые нарушают целостность предмета.

Со своей стороны, глагол закрывания контейнеров, *shimeru* ‘затягивать’, который будет рассмотрен в разделе 2, не затрагивает ситуаций, представленных в (5). Как отмечается в [Kunihiro 1992, p. 63], важный компонент значения *shimeru* – приложение силы; для него типичны такие контексты, как «стянуть горловину мешка» или «затянуть вентиль», тогда как на края отверстия в (5) не действует усилие, которое бы заставляло их сойтись.

Ситуация, когда внутрь отверстия помещается вещество, может описываться помимо *fusagu* также глаголами *tsumeru* ‘затыкать’ и *uteru* ‘закапывать’. Основное значение *tsumeru* – «помещать содержимое в контейнер так, чтобы не оставалось свободного места», примеры в словарях в основном профилируют средство, оформляя его аккумулятивом, а отверстие дативом, как в (5a). Однако в корпусах встречается и диатеза, где аккумулятивом оформлено отверстие, как в (5б). В значении сокращения зазора между дискретными предметами *tsumeru* будет также упомянут в разделе 3.2.

- (5) а. *Nimotsu ga ugok-ana-i yō ni*
 груз Nom двигаться-Neg-Prs образ Adv
sukima ni tsume-ru mono.
 щель Dat набивать-Prs вещь

То, что набивают в щели, чтобы груз не двигался.

[Daijisen], статья *pakkingu* ‘упаковочный материал’

- б. *Kare wa kabe no ana o shinbunshi de*
 он Top стена Gen дыра Acc газета Ins
tsume-ta.
 набивать-Pst

Он заткнул дырку в стене газетой. [Koizumi et al. 1989, p. 339]

Глаголом *uteru* ‘закапывать’ покрывается случай, периферийный с точки зрения уничтожения отверстий: заполнение углубления

веществом, как в (6а). Однако пример (6б) демонстрирует, что *umeru* применим и к сквозным отверстиям, на что дополнительно указывает присутствующий в том же предложении глагол *tōru* ‘проходить насквозь’.

Основное значение *umeru* можно видеть в (6в), аккумулятивом оформляется закапываемый предмет. Для ликвидации отверстий нам не встретилось диатезы, где так оформлялось бы вещество, помещаемое в пустое пространство.

- (6) а. *Tsuchi de ana o ume-ru.*
 земля Ins дыра Acc закапывать-Prs
 Засыпать (букв. закопать) яму землей. [Daijisen]
- б. *Sukima o ume-te tōr-e-na-i*
 щель Acc закапывать-Cvb проходить-Pot-Neg-Prs
yō ni saegir-u.
 образ Adv преграждать-Prs
 Заполнив (букв. закопав) щели, перекрыть доступ, чтобы
 нельзя было пройти. [Ruigo], толкование *fusagu* ‘блокиро-
 вать’
- в. *Shitai o chichū ni ume-ru.*
 труп Acc земля Dat закапывать-Prs
 Закопать труп в землю. [Ruigo]

Еще более перифериен в данной группе глагол *kabuseru* ‘надевать сверху’, в своем основном значении описывающий надевание на кого-либо головного убора. Его можно использовать, если отверстие находится в горизонтальной поверхности, а средство помещают сверху:

- (7) *Ana ni eda o kabuse otoshiana o*
 дыра Dat ветка Acc надеть.Cvb ловушка Acc
kakus-u.
 прятать-Prs
 Спрятать ловчую яму, закрыв яму ветками (букв. надев ветки
 на яму). [Daijisen]

2. Регуляция доступа в контейнер

К данной группе относятся контексты, где доступ в контейнер появляется или исчезает в зависимости от положения закрывающего устройства. Профилироваться может как контейнер («открыть кастрюлю»), так и устройство («открыть крышку»). В качестве контейнеров концептуализируются также некоторые части тела, прежде всего рот и глаза.

2.1. Каузация доступа обслуживается двумя глаголами: рассмотренным в 1.1 *akeru* ‘открывать’ и его частичным синонимом *hiraku* ‘раскрывать’. Глагол *akeru* по-прежнему имеет широкое значение, для него важен только тот факт, что ко внутренности контейнера появляется доступ (в том числе за счет действий не с закрывающим устройством, а с содержимым, см. ниже раздел 2.3). Аккузативом может оформляться как контейнер в целом, так и закрывающее устройство.

- (8) а. *Kaban / kinko / hako* о *ake-ru*.
портфель / сейф / коробка Асс открывать-Prs
Открыть портфель/сейф/коробку. [Koizumi et al. 1989, p. 11]
- б. *Mado / mon / futa / chakku* о *ake-ru*.
окно / ворота / крышка / молния Асс открывать-Prs
Открыть окно/ворота/крышку/молнию. [Koizumi et al. 1989, p. 11]

Глагол *hiraku* ‘раскрывать’ имеет более узкую сочетаемость. Он описывает в первую очередь изменение формы объекта, а тот факт, что так функционируют многие закрывающие устройства, для него вторичен. Согласно Т. Кунихиро, симметричные части предмета разводятся в стороны – поэтому, скажем, к раздвижной двери применим только генерический глагол *akeru*, а использование *hiraku* предполагает, что дверь раскрывается в две стороны на петлях [Kunihiro 2006, p. 222-224]. Словарь [Ruigo] формулирует аналогичный запрет менее строго и отмечает исключения (в частности, *to* ‘дверь, ставня’ сочетается с *hiraku*, но может не быть двустворчатой).

- (9) а. *Mado / mon / shattā / fasunā* о *hirak-u*.
 окно / ворота / ставня / застежка Асс раскрывать-Prs
 Открыть окно / ворота / ставню / застежку. [Koizumi et al. 1989, p. 448]
- б. *Kaban* о *hirak-u*.
 портфель Асс раскрывать-Prs
 Открыть портфель. [Koizumi et al. 1989, p. 448]

Примеры типа (9б), где профилируется контейнер, редки. Исключениями являются лексемы *me* ‘глаз’ и *kuchi* ‘рот’, которые встречаются часто, но их нельзя считать хорошим примером контейнеров, поскольку они метонимичны и могут обозначать свои наружные части – веки и губы.

Помимо закрывающих устройств типичные спутники *hiraku* ‘раскрывать’ – симметричные предметы, не являющиеся контейнерами, т.е. он демонстрирует такое же совмещение значений, как рус. *открыть сумку, крышку* vs. *книгу, веер, зонт*. Глагол *akeru* ‘открывать’ в подобных контекстах обычно не используется, особенно, по мнению Ё. Мориты, если объект не плоский, а объемный, как *kasa* ‘зонт’ или *tsubomi* ‘бутон’ [Morita 1989, p. 36-37]; однако книги, тетради и т.п. активно сочетаются не только с *hiraku*, но и с *akeru* – возможно, как метафорические контейнеры. Сочетания *hiraku* с парными частями тела будут рассмотрены в разделе 3.1.

- (10) а. *Hon / kasa* о *hirak-u*.
 книга / зонт Асс раскрывать-Prs
 Открыть книгу/зонт. [Koizumi et al. 1989, p. 448]
- б. *Hon* о *ake-ru*.
 книга Асс открывать-Prs
 Открыть книгу. [Progressive]

Естественно, не сочетаются с *hiraku* ‘раскрывать’ пробки и подобные съемные дополнители, представленные ниже в (11). С глаголом *akeru* ‘открывать’ они возможны, но часто их удаление описывается глаголами прекращения контакта, такими как *toru* ‘брать, снимать’, *hazusu* ‘откреплять’ и *nuku* ‘вынимать’.

(11) а. *Naha wa nabe no futa o tot-ta.*
 мать Тор кастрюля Gen крышка Acc брать-Pst
 Мать сняла крышку с кастрюли. [Koizumi et al. 1989, p. 362]

б. *Bin nado no sen o nuk-u*
 бутылка прочее Gen пробка Acc вынимать-Prs
dōgu.
 инструмент
 Инструмент, которым вынимают пробки из бутылок и т.п.
 [Ruigo], статья *sennuki* ‘штопор’

2.2. Прекращение доступа. У обоих основных глаголов открывания контейнеров имеются антонимы: *shimeru* ‘затягивать’ для *akeru* ‘открывать’ и *tojiru* ‘смыкать’ для *hiraku* ‘раскрывать’. Оба широко сочетаются с названиями закрывающих устройств и во многих контекстах взаимозаменяемы:

(12) а. *Mado / mon / hako no futa o*
 окно / ворота / коробка Gen крышка Acc
shime-ru / toji-ru.
 затягивать-Prs / смыкать-Prs
 Закрыть окно/ворота / крышку коробки. [Kunihiro 2006, p. 62]

б. *Maku o toji-ru : maku o*
 занавес Acc смыкать-Prs занавес Acc
shime-te shibai nado ga
 затягивать-Cvb спектакль прочее Nom
owar-u
 заканчиваться-Prs
 Задернуть занавес: закрыть занавес, после чего заканчивается спектакль и т.п. [Koizumi et al. 1989, p. 354]

в. *Kurippu ya wagomu de fukuro o toji-te...*
 зажим и резинка Ins пакет Acc смыкать-Cvb
 Закрыв пакет с помощью скрепки или резинки. [TWC]

Глагол *shimeru* ‘затягивать’ служит только частичным антонимом для *akeru* ‘открывать’. Его основное значение обычно формулируется как «приложить усилие и каузировать плотный контакт». Т. Кунихиро предлагает считать прототипической для него ситуацию «завязать мешок веревкой» и показывает, как компонент приложения силы постепенно утрачивается, когда *shimeru* удаляется от прототипа и распространяется на другие закрывающие устройства: веревка воздействует на горловину мешка со значительным усилием, пробка на бутылку – слабее, окно на раму почти никак [Kunihiro 1992, p. 63]. Тем не менее на ликвидацию отверстий в предметах, как отмечалось в 1.2, он не переносится.

В отличие от несимметричной пары *akeru/shimeru*, глагол *tojiru* ‘смыкать’ довольно точно повторяет семантику *hiraku* ‘раскрывать’. Согласно толкованию Т. Кунихиро, он описывает ситуацию, когда разнесенные части сводятся вместе, причем это их нормальное состояние [Kunihiro 1992, p. 65], то есть *tojiru*, как и *hiraku*, в первую очередь глагол изменения формы. Похожа и их сочетаемость: как и *hiraku*, *tojiru* не очень охотно сочетается с названиями контейнеров. Примеры типа (13б) редки, (13в) – переходный между закрыванием контейнера и отдельным значением ‘сшивать, скреплять’, которое можно видеть в (13г).

(13) а. *Sensu o pachin to toji-ru.*

веер Acc щёлк Adv смыкать-Pts

Захлопнуть веер со щелчком. [Waei]

б. *Subete no nimotsu o tsume-te, sūtsukēsu o*
 весь Gen груз Acc затыкать-Cvb чемодан Acc
toji-ru.

смыкать-Pts

Закрываю чемодан, уложив в него все вещи. [TWC]

в. *Tsukue no hikidashi kara gamutēpu o*
 стол Gen ящик Abl скотч Acc
dash-i, subaya-ku danborubako o
 доставать-Cvb быстрый-Cvb картонная_коробка Acc
toji-ta.

смыкать-Pst

Достал из ящика стола скотч и быстро заклеил (букв. сомкнул) картонную коробку. [BCCWJ]

- г. *Hochikisu de kami o toji-ru.*
 степлер Ins бумага Acc смыкать-Prs
 Сшить бумагу степлером. [Ruigo], статья *hochikisu* ‘степлер’

Интересно, что и для глагола *shimeru*, и для *tojiru* диатеза с инструментом, которая соответствовала бы рус. *закрывать крышкой*, имеет маргинальный статус: в словарях она отсутствует, в корпусах примеры типа (12в) единичные. Зато инструментальная диатеза встречается у сочетания *futa o suru* ‘накрывать’, букв. ‘делать крышку’, которое успешно конкурирует с глаголами закрывания. Контейнер может оформляться дативом, как в (14а), или генитивом, как в (14б). Кроме того, в корпусах встречаются отдельные примеры типа (14в), показывающие, что комплекс *futa o suru* функционирует как единое целое: он способен оформлять контейнер аккузативом, хотя сам имеет послелог аккузатива в своем составе.

- (14) а. *Watashi wa juwaki no sōwaguchi ni,*
 я Top трубка Gen микрофон Dat
awatete te de futa o shi-ta.
 поспешно рука Ins крышка Acc делать-Pst
 Я поспешно закрыл рукой микрофон (букв. сделал рукой крышку микрофону) телефонной трубки. [Waei], статья *futa* ‘крышка’
- б. *Nabe no futa o su-ru.*
 кастрюля Gen крышка Acc делать-Prs
 Закрывать кастрюлю крышкой (букв. сделать крышку кастрюли). [Ruigo], статья *futa* ‘крышка’
- в. *Shikenkan o arumi hoiru de futa*
 пробирка Acc алюминий фольга Ins крышка
o shi...
 Acc делать.Cvb
 Накрыв пробирку (букв. сделав крышку пробирку) алюминиевой фольгой. [BCCWJ]

Периферию данной группы составляют специализированные глаголы *tsuburu* ‘зажмуривать глаза’ и *tsugumi* ‘закрывать рот; замолкать’. Их сочетаемость предельно ограничена и сводится к лексемам *me* ‘глаз’ и *kuchi* ‘рот’ соответственно:

- (15) а. *Kata me o tsubur-u.*
 один глаз Асс зажимуривать-Prs
 Закрывать один глаз. [Waei]
- б. *Shikashi genkoku-ra wa, sudeni baishōkin o*
 Однако истец-Pl Top уже компенсация Асс
uketot-te i-ru koto nitsuite wa
 получать-Cnv Prog-Prs факт о Top
kuchi o tsugun-de i-ru.
 рот Асс закрывать-Cnv Prog-Prs
 Однако истец и его представители молчат (букв. закрыли рот) о том, что уже получили компенсацию. [BCCWJ]

Для дополнителей к контейнерам, ориентированным вертикально, возможен также глагол *kabuseru* ‘надевать сверху’:

- (16) *Nabe ni futa o kabuse-ru.*
 кастрюля Dat крышка Асс надевать-Prs
 Накрывать крышкой кастрюлю. [БЯРС]

2.3. Удаление содержимого из контейнера. Доступ внутрь контейнера может блокироваться не только закрывающим устройством, но и содержимым. Удалить содержимое значит создать пустое пространство; эту ситуацию может описывать генерический глагол создания отверстий *akeru* ‘открывать’. Аккузативом оформляется как контейнер, так и содержимое. Особенно интересно, что помимо них получает возможность выражения новый участник ситуации: конечная точка, в которую перемещается содержимое, как сад в (17б).

- (17) а. *Haha wa baketsu o ake-ta.*
 мать Top ведро Асс открывать-Pst
 Мать вылила (букв. открыла) ведро. [Koizumi et al. 1989, p. 11]

- б. *Baketsu no mizu o niwa ni ake-ru.*
 ведро Gen вода Acc сад Dat открывать-Prs
 Вылить (букв. открыть) в сад воду из ведра. [Koizumi et al.
 1989, p. 11]

Антонимом к данному значению *akeru* можно считать одно из употреблений глагола *tsumeru* ‘набивать’, упомянутого в разделе 1.2 с примерами «заткнуть газету в щель/ щель газетой». Однако, в отличие от примера (5б), нам не удалось найти диатезу с инструментом, «забить чемодан вещами»; применительно к контейнерам *tsumeru* оформляет аккумулятивом только содержимое:

- (18) *Hako ni mikan o tsume-ru.*
 коробка Dat мандарин Acc набивать-Prs
 Упаковать мандарины в ящик. [Morita 1989, p. 743]

3. Периферия поля: изменение промежутков между предметами и регулирование доступа к поверхности

3.1. Изменение промежутков между дискретными предметами в японском языке способно описываться глаголами *hiraku* ‘раскрывать’ и *tojiru* ‘смыкать’. Они сочетаются в основном с частями тела, хотя возможны и артефакты, как в (19б). Это частный случай основного значения данных глаголов, представленного в контекстах «открыть / закрыть веер» в разделе 2 – изменение формы, при котором симметричные части начинают находиться на максимальном в случае *hiraku* или минимальном в случае *tojiru* расстоянии друг от друга.

- (19) а. *Ashi o 20 senchi haba ni hirai-te*
 нога Acc 20 см ширина Dat раскрывать-Cvb
tats-u.
 стоять-Prs
 Стоять, расставив ноги на ширину 20 сантиметров.
 [Kunihiro 2006, p. 223]

б. *Konpasu o hirak-u.*

циркуль Асс раскрывать-Prs

Раскрыть циркуль. [Morita 1989, p. 37]

в. *Ha o toji-te sukoshi tsuyome ni iki*

зуб Асс смыкать-Cvb слегка сильно Adv дыхание

o dash-ita toki...

Асс издавать-Pst время

Когда делаешь довольно сильный выдох, сомкнув зубы. [TWC]

В пользу того, что *hiraku* ‘раскрывать’ и *tojiru* ‘смыкать’ представляют промежуток не как контейнер, для которого ограничивающие его предметы служат закрывающим устройством, а как часть комплекса, меняющего форму, говорит поведение еще одного глагола изменения формы – *hirogeru* ‘раскладывать’. Он не сочетается с контейнерами, но является частичным синонимом *hiraku* в контекстах типа «открыть веер» и «раскинуть руки»:

(20) а. *Sensu o hanbun hiroge-ru / hirak-u.*

веер Асс половина раскладывать-Prs /

раскрывать-Prs

Развернуть/раскрыть веер наполовину. [Waei], статья *sensu* ‘веер’

б. *Ashi o 30 cm hiroge-te tach-imas-u.*

нога Асс 30 см раскладывать-Cvb стоять-Adr-Prs

Встать, расставив ноги на 30 см. [TWC]

Значение *hirogeru* шире, чем *hiraku* – он не требует создания симметричной формы, а описывает любое увеличение поверхности до максимума. Показателен пример (21б), где пространство заполняется разрозненными предметами, в отличие от парных частей тела в (19). Тем не менее *hirogeru* нельзя считать глаголом открывания, поскольку в сочетаниях с отверстием, как в (21в), он обозначает не каузацию отверстия, а его увеличение.

- (21) а. *Makimono o hiroge-ru.*
 свиток Асс раскладывать-Prs
 Развертывать свиток. [БЯРС]
- б. *Michibata ni shōhin o hiroge-te*
 обочина Dat товар Асс раскладывать-Cvb
ur-u.
 продавать-Prs
 Торговать, разложив товары на обочине. [Waei]
- в. *Chichi wa futo-i kiri de ana o*
 отец Top толстый-Prs сверло Ins дыра Асс
ōki-ku hiroge-ta.
 большой-Cvb раскладывать-Pst
 Отец сильно расширил отверстие толстым сверлом. [Koizumi
 et al. 1989, p. 450]

Глагол *akeru* ‘открывать’ не применяется к промежуткам между предметами. Как считает Ё. Морита, для него важно не просто создание пустого пространства, а удаление преграды, будь то закрывающее устройство, содержимое контейнера или часть предмета [Morita 1989, p. 36].

Ликвидация пустого пространства составляет центральный компонент значения *tsumeru* ‘набивать’. В примерах (5) «набить щель газетами/газеты в щель» это было пространство между средством и границами отверстия, в (18) «упаковать мандарины в ящик» – между содержимым и стенками контейнера. Но встречаются также отдельные употребления, где внешние границы отсутствуют и можно говорить о сокращении промежутка между предметами:

- (22) а. *Hon o tsume-te narabe-ru.*
 книга Асс набивать-Cvb выстраивать-Prs
 Тесно (букв. набивая) поставить книги в ряд. [Waei]
- б. *Motto ji o tsume-te kak-inasai.*
 еще знак Асс набивать-Cvb писать-Imv
 Пиши плотнее (букв. набивая буквы). [Waei]

3.2. Регулирование доступа к поверхности предмета следует упомянуть из лексико-типологических соображений, поскольку глаголы открывания и закрывания в других языках способны описывать такие ситуации – ср. рус. *открыть/заккрыть лицо*. В японском подобного совмещения значений нет, в соответствующих контекстах используются глаголы каузации или ликвидации контакта.

Прекращение доступа к поверхности с помощью средства описывает специализированный глагол *оу* ‘покрывать’. Он профилирует поверхность и оформляет средство инструментом; поверхность чаще всего горизонтальная, но это не обязательно, как видно в (23б). Также для горизонтальных поверхностей возможен глагол *kabuseru* ‘надевать сверху’, упоминавшийся в контекстах «прикрыть яму ветками» и «надеть крышку на кастрюлю»:

- (23) а. *Ana no ai-ta yane o binīru*
 дыра Gen открываться-Pst крыша Acc винил
shīto de ōt-ta.
 лист Ins покрывать-Pst
 Прохудившуюся крышу накрыли полиэтиленовой пленкой. [Waei]
- б. *Hazukashisa no amari de kao o*
 стыд Gen излишек Ins лицо Acc
ō-u.
 покрывать-Prs
 Закрыть лицо [руками] от стыда. [Hyōgen]
- в. *Gomi ni netto o kabuse karasu o*
 мусор Dat сеть Acc надевать.Cvb ворона Acc
fuseg-u.
 обороняться-Prs
 Закрыть свалку сеткой (букв. надеть на мусор сетку) от ворон.
 [Hyōgen]

Каузация доступа к поверхности в японском языке может описываться как удаление находившегося на ней средства или с помощью специализированных глаголов, таких как *sarasu* ‘подстав-

лять под воздействие’ и малоупотребительный *hadakeru* ‘обнажать части тела, в норме закрытые одеждой’:

- (24) а. *Kadomiumu o kūki ni saras-ana-i*
 кадмий Асс воздух Dat подставлять-Neg-Prs
yō ni...
 образ Adv
 Чтобы не подвергать кадмий действию воздуха (букв. не подставлять воздуху). [BCCWJ]

- б. *Mune o hadake-ru.*
 грудь Асс обнажать-Prs
 Открыть грудь. [Daijisen]

Глаголы регулирования доступа к поверхности с точки зрения японского языка не относятся к полю открывания и закрывания.

4. Заключение

Основные глаголы открывания и закрывания, рассмотренные выше, можно обобщить в следующей таблице:

	стену	дырку	кастрюлю	крышку	содержимое	зазор
открыть	<i>(yaburu)</i>	<i>akeru</i>	<i>akeru</i>	<i>akeru</i>	<i>akeru</i>	
			<i>(hiraku)</i>	<i>hiraku</i>		<i>hiraku</i>
						<i>(hirogeru)</i>
заккрыть		<i>fusagu</i>	<i>shimeru</i>	<i>shimeru</i>		
			<i>(tojiru)</i>	<i>tojiru</i>		<i>tojiru</i>
		<i>tsumeru</i>			<i>tsumeru</i>	<i>(tsumeru)</i>

Для русского языка важен способ воздействия, в результате которого отверстие появляется или исчезает. Для японского на первый план выходит противопоставление формы и функции, аналогичное тому, которое описано для прилагательных типа англ. *sharp* ‘функционально острый’ vs. *pointed* ‘имеющий заостренную форму’ [Ку-

seva, Parina, Ryzhova 2022]. Пустое пространство, разные способы создания которого обозначает глагол *akeru* ‘открывать’, функционально: через него может осуществляться доступ. В отличие от него, глагол *hiraku* ‘раскрывать’ описывает форму, где части расположены на максимальном удалении друг от друга, в том числе у вееров, зонтов и других предметов, не являющихся контейнерами. Аналогично *fusagu* ‘блокировать’ значит, что отверстие перестало функционировать и доступ перекрыт, а *tojiru* ‘смыкать’ – что предмету придана компактная форма за счет того, что части совмещены друг с другом. Для глагола *tsumeru* ‘набивать’, по-видимому, приоритетна функция: он означает, что пространство заполнено до предела и туда больше ничего не поместится.

Также можно видеть, что наборы лексем, описывающих открывание и закрывание, не вполне симметричны. Широкая сочетаемость *akeru* ‘открывать’ включает и каузацию отверстий в предметах, и контейнеры, и закрывающие устройства, и даже удаление содержимого из контейнера; с ним частично пересекается *hiraku* ‘раскрывать’, который охватывает закрывающие устройства и промежутки между парными деталями. Ситуации закрывания делятся более подробно, здесь существуют глаголы *fusagu* ‘блокировать’ для отверстий, *shimeru* ‘стягивать’ для контейнеров и закрывающих устройств, *tojiru* ‘смыкать’ для закрывающих устройств и промежутков.

В целом поле открывания и закрывания содержит богатый материал и для лексической типологии, и для исследования глагольной многозначности в японском языке.

Условные обозначения

Acc – аккузатив

Adv – наречие

Adr – адрессив

Cvb – деепричастие

Dat – датив

Gen – генитив

Ins – инструменталь

Imv – императив

Neg – отрицание

Nom – номинатив

Pl – множественность

Pot – потенциалис

Prog – длительный вид

Prs – непрошедшее время

Pst – прошедшее время

Top – топик

Источники

1. БЯРС – *Большой японско-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1970.
2. BCCWJ – *Balanced corpus of contemporary written Japanese*. [электронный ресурс] URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search>.
3. Daijisen – Толковый словарь «Дайдзисэн» (大辞泉 = Daijisen). [электронное издание] Tokyo: Shōgakukan, 1997.
4. Hyōgen – *Активный словарь конструкций японского языка* (日本語表現活用辞典 = Nihongo hyōgen katsuyō jiten). [электронное издание] Tokyo: Kenkyūsha, 2004.
5. Progressive – *Progressive Русско-японский словарь*. Токио: Сёгакукан, 2015.
6. Ruigo – *Новый тезаурус изд-ва «Кадокава»* (角川類語新辞典 = Kadokawa ruigo shinjiten) [электронное издание] Tokyo: Kadokawa shoten, 1981.
7. TWC – *Tsukuba web corpus*. [электронный ресурс] URL: <https://tsukuba.webcorpus.jp/>.
8. Waei – *Новый большой японско-английский словарь* (新和英大辞典 = Shin waei daijiten). [электронное издание] Tokyo: Kenkyūsha, 2003.

Литература

1. Кустова Г.И. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. Падучева Е.В. и др. *Система «Лексикограф», база данных «Русский глагол», 2010*. [электронный ресурс] URL: <http://lexicograph.ruslang.ru/02prjtheorytext.htm>.
3. Рахилина Е.В. *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. М.: Русские словари, 2000.
4. Мельчук И.А., Жолковский А.К. *Толково-комбинаторный словарь русского языка: Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики*. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016.

5. Koizumi Tamotsu (小泉 保), Funaki Michio (船城 道雄), Honda Kyōji (本田 晶治), Nitta Yoshio (新田 義雄), Tsukamoto Hideki (塚本 秀樹). *Словарь узуса глаголов японского языка* (日本語基本動詞用法辞典 = Nihongo dōshi yōhō jiten). Tokyo: Taishūkan shoten, 1989.
6. Kozlov A., Privizentseva M. Typology of dimensions // Ekaterina Rakhilina, Tatiana Reznikova and Daria Ryzhova, eds. *The Typology of Physical Qualities*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins publishing company, 2022. P. 117-160.
7. Kunihiro Tetsuya (国広 哲也). *Многозначные глаголы японского языка* (日本語の多義動詞 = Nihongo no tagi dōshi). Tokyo: Taishūkan shoten, 2006.
8. Kyuseva M., Parina E., Ryzhova D. Semantic fields sharp and blunt // Ekaterina Rakhilina, Tatiana Reznikova and Daria Ryzhova, eds. *The Typology of Physical Qualities*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins publishing company, 2022. P. 29-55.
9. Langacker R. *Concept, image, and symbol. The cognitive basis of grammar*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. 1991.
10. Morita Yoshiyuki (森田 良行). *Словарь базовой японской лексики* (基礎 日本語辞典 = Kiso nihongo jiten). Tokyo: Kadokawa shoten, 1989.
11. Taylor J.R. Category extension by metonymy and metaphor // Rene Dirven and Ralf Porings, eds. *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 323-348.

V. Персоналии

Наталья Исаевна Фельдман
(к 120-летию со дня рождения)

Владимир Михайлович Алпатов
Институт языкознания РАН, Москва, Россия,
v-alpatov@iling-ran.ru, ORCID 0000-0003-4323-2832

Аннотация. Наталья Исаевна Фельдман (1903-1975) была выдающимся специалистом по японскому языку, особенно по японской грамматике и лексикографии. Ее концепция «слова-темы» предвосхитила современные концепции топика.

Ключевые слова: Фельдман, Япония, японский язык, грамматика, лексикография, слово-тема, топик

Natalya Isayevna Feldman
(to the 120th anniversary of birthday)

Vladimir Mikhaylovich Alpatov
Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia,
v-alpatov@iling-ran.ru, ORCID 0000-0003-4323-2832

Abstract. Natalya Isayevna Feldman (1903-1975) was an outstanding specialist on the Japanese language, especially on the Japanese grammar and lexicography. Her conception on «слова-тема» (word-theme) anticipated the modern conceptions of topic.

Keywords: Feldman, Japan, Japanese, grammar, lexicography, word-theme, topic

В число видных исследователей Японии (прежде всего, японского языка) в нашей стране входит и Наталья Исаевна Фельдман (Фельдман-Конрад) (1903-1975).

Н.И. Фельдман родилась 8 мая (нового стиля) 1903 г. в г. Новомосковске на Украине в семье врача. Затем семья переехала в Орел, где ее родители жили до Великой Отечественной войны и были

убиты гитлеровцами. По окончании школы она поступила в только что организованный Орловский университет. В первые послереволюционные годы сразу во многих провинциальных городах открывались университеты и институты народного образования, в которых молодые энтузиасты могли учиться чему угодно и как угодно. В том числе в Орле тогда оказались два ярких человека: М.И. Каган, интересный философ, повлиявший на знаменитого М.М. Бахтина в начале его пути, и ставший ректором японист Н.И. Конрад. Лекции молодого профессора о японской культуре и вся его личность увлекли юную студентку на всю жизнь. Орловский университет тогда просуществовал недолго, но для Фельдман выбор уже был сделан, и она в 1922 г. вслед за учителем уехала в Петроград. Там она завершала свое образование на факультете общественных наук ЛГУ (куда в то время был влит восточный факультет), который окончила в 1924 г., и в Ленинградском институте живых восточных языков (окончила в 1925 г.). Вскоре она стала женой Н.И. Конрада. Вместе они в 1927 г. съездили в Японию. Поездка стала как бы свадебным путешествием, но для Конрада она оказалась последним, а для Фельдман единственным посещением изучаемой страны.

Супруги прожили вместе более сорока лет, вынужденно расставшись на три года (1938-1941), когда Конрад находился в заключении. Она активно хлопотала за мужа, обращалась за помощью к президенту Академии наук СССР В.Л. Комарову, что, судя по всему, сыграло главную роль в его довольно скором освобождении в сентябре 1941 г.

В отличие от других наших японистов Н.И. Фельдман большую часть своей деятельности не была связана с каким-либо научным или образовательным учреждением. Лишь в 1931-1934 гг. она преподавала в ЛИФЛИ, а в 1941-1949 гг. в Московском институте востоковедения, где получила звание доцента и в 1944 г. защитила кандидатскую диссертацию. В остальные годы она выполняла работу по договорам, а официальный статус ей давало членство в Союзе писателей СССР (с 1934 г., то есть с самого основания союза), куда ее приняли как переводчика японской художественной литературы. После смерти мужа в ноябре 1971 г. Н.И. Фельдман защитила докторскую диссертацию в Институте востоковедения АН СССР.

В 30-е гг. Н.И. Фельдман в основном работала как переводчик и литературовед, более всего она занималась японской пролетарской литературой того времени. В том числе она подготовила переводы критических статей и манифестов левых литераторов, тогда не увидевшие света, но вошедшие в изданную ей в конце жизни книгу публикаций «Японское пролетарское литературное движение в документах» (1972). Помимо произведений С. Токунага и других пролетарских писателей, в ее переводах выходили и фольклорные тексты, и рассказы Р. Акутагава, с этим классиком японской литературы она впервые познакомила советского читателя.

Но с 40-х гг. окончательно определились преимущественные интересы Н.И. Фельдман в области языкознания. Первой здесь крупной ее работой стала кандидатская диссертация «Послелогои в японском языке» (1944), впоследствии опубликованная в виде серии статей. Затем начали выходить ее статьи по японской грамматике: «Об именительном самостоятельном в современном японском языке» (1945), «О паратаксисе части и целого в японском языке» (1949), «О реальном и фиктивном склонении предложений в современном японском языке» (1952). Обобщением ее подхода к японскому языку, прежде всего к его грамматике, стали три ее грамматических очерка современного японского языка. Два из них были опубликованы в качестве приложений к словарям: «Русско-японскому словарю» А.Е. Глускиной и С.Ф. Зарубина (1950) и «Японско-русскому словарю» Л.А. Немзера и Н.А. Сыромятникова (1951). Позднее вышел очерк «Японский язык» в серии «Языки народов Азии и Африки» (1960). В этот период (и вообще в период с 1940-х до 1970-х гг.) эти очерки были единственными в СССР описаниями, охватывавшими японский язык в целом. Некоторые ее работы, написанные также в 40-50-е гг., вышли в свет лишь посмертно, как большая по объему статья «О склонении в японском языке» [Фельдман 1979].

Все эти публикации, написанные в течение полутора десятилетий, отражали единую продуманную и детально разработанную концепцию. Они стали итогом деятельности направления, являвшегося ведущим в советском японоведном языкознании 20-50-х гг. Его основы заложил Е.Д. Поливанов в нескольких публикациях, традицию продолжил Н.И. Конрад в книге «Синтаксис японского нацио-

нального литературного языка» (1937), затем появились работы Н.И. Фельдман. Это направление противопоставило себя японистам старой школы (Д.М. Позднеев, Е.Г. Спальвин и др.), чистым практикам, хорошо знавшим язык, но не опиравшимся на какую-либо теоретическую базу. Е.Д. Поливанов, Н.И. Конрад, Н.И. Фельдман стремились научно подойти к изучаемым языковым явлениям, предложить новые, строго продуманные подходы, применить к японскому языку выработанные в теоретическом языкознании методы анализа. У них были и различия. Е.Д. Поливанов находился под сильным влиянием своего учителя И.А. Бодуэна де Куртенэ, но постоянно высказывал оригинальные идеи. Н.И. Конрад, по научному складу более культуровед, чем лингвист, ограничивался применением к новому материалу идей А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы и др., а также японских ученых. Н.И. Фельдман занимала здесь, пожалуй, промежуточное положение, в целом ее подходы были менее традиционными и более оригинальными по сравнению с Н.И. Конрадом.

Одной из главных проблем, изучавшихся Н.И. Фельдман, была всегда с трудом решавшаяся проблема слова в японском языке. Особенно сложны были вопросы трактовки падежных и других применных грамматических показателей. Всё вышеуказанное направление отказалось от господствовавшей в мировой японистике трактовки их как отдельных служебных слов (частиц или послелогов), считая их аффиксами и тем самым признав существование именного словоизменения в японском языке. В отличие от Е.Д. Поливанова, также использовавшего критерии ударения и синтаксической самостоятельности, Н.И. Фельдман исходила из семантических и морфологических критериев: абстрактности значения и неотделимости падежных показателей от основы [Фельдман 1945, с. 62-65]. Однако второй критерий оказывался не абсолютным, а первый критерий, по сути, основывался на переводе на эталонный, то есть русский язык. В то же время Н.И. Фельдман выделяла промежуточный класс «послелогов-аффиксов», к числу которых она отнесла показатели *made*, *kara*, *hodo*; эта точка зрения в дальнейшем была развита А.А. Пашковским.

Представляется, что подобная трактовка японских падежных показателей (и, шире, границ японского слова), не свойственная ни японской, ни англоязычной японистике, была связана с представлениями (обычно бессознательными) носителей русского языка, для которых нормой являются грамматическая оформленность слова и словоизменение. У нас с 60-х гг. от нее отказались (И.Ф. Вардуть, И.В. Головнин и др.), но, видимо, она была необходимым этапом развития японистики в России. Подробнее об истории данной проблемы см. в книге [Алпатов 1988].

Однако Н.И. Фельдман в предисловии и комментариях к книге М. Киэда первой в нашей японистике обратила внимание на выделение слова в японской науке о языке и на специфику этого выделения по сравнению с отечественной японистикой. Она писала, что для японской грамматики характерна «трактовка всех служебных элементов языка как отдельных слов» [Киэда 1959, ч.2, с. 220] и что «традиционного представления о слове в японской грамматической науке нет» [Киэда 1958, ч.1, с. 17]. Последнее высказывание требует уточнения: представление о слове как центральной единице языка там, разумеется, есть, но оно отличается от того, к чему привыкли носители русского языка. И важно, что впервые в нашей японистике была поставлена проблема особенностей лингвистических традиций разных народов и различий между ними.

Другой проблемой, связанной с проблемой слова, была проблема разграничения в японском языке знаменательных и служебных слов, которой была посвящена, в частности, ее кандидатская диссертация. В отличие от предыдущей проблемы она была здесь полностью оригинальна: ни Е.Д. Поливанов, ни Н.И. Конрад этот вопрос специально не рассматривали. По сравнению с предшественниками она значительно расширила для японского языка класс служебных слов, прежде всего за счет послелогов (соответствующих предлогам в европейских языках). Было обращено внимание на ряд японских слов, действительно обладающих особыми свойствами, хотя в ряде случаев Наталья Исаевна ориентировалась на русские параллели и относила к послелогам слова, переводящиеся на русский язык предлогами.

Система частей речи в работах Н.И. Фельдман, выделялась на основе разных свойств слов: морфологических, синтаксических, а также перевода на русский язык. Надо отметить, что начиная с ее грамматик предикативные прилагательные окончательно были выделены как особый класс слов, имеющий сходство с глаголами, а не с существительными.

При выделении грамматических категорий также заметно использование русского эталона; например, формы глагола с так называемым суффиксом вежливости *-mas-* оказываются в диссертации вне системы категорий, поскольку подобные категории в русистике не предусматривались. Однако Н.И. Фельдман всё же признала одну нетрадиционную категорию: утверждение – отрицание. В целом в ее ранних работах можно видеть сочетание традиционных, уже уходящих в прошлое решений (сохранение трех времен, включая будущее; попытки увидеть в «формах вежливости» категорию лица) и новых подходов. К последним относится окончательный отказ от включения в падежную систему показателя *wa*, который еще Н.И. Конрад признавал одним из показателей именительного падежа, хотя он может оформлять не только подлежащее, но и разные типы дополнений. Отмечу, что в наиболее позднем очерке 1960 г. ряд устаревших трактовок исключен: времен уже два, в число категорий глагола уже не включается лицо, и появляется термин «формы вежливости». Описание последних форм, однако, остается неточным: смешивается выражение вежливости к собеседнику (адрессив) и к лицам, о которых идет речь (гоноратив). Такое неразличение, впрочем, было свойственно почти всем советским японистам до конца 60-х гг.

Трактовка конструкций с показателем *wa*, пожалуй, наиболее интересный и не потерявший своего значения компонент грамматической концепции Н.И. Фельдман. Исходя из того, что в японском предложении могут одновременно быть подлежащее с показателем *ga* и член предложения, оформленный только *wa*, она предложила точку зрения, не имевшую тогда аналогов не только в русистике, но и в общей теории языка. Вместо традиционной точки зрения, выделяющей два главных члена предложения – подлежащее и сказуемое, Н.И. Фельдман предложила считать, что главных членов предложе-

ния три, третий – «слово–тема». Например, в предложении *Okaasan wa atama ga itai desu* 'У мамы болит голова', буквально 'Мама голова болит' первый член предложения – слово–тема, второй – подлежащее, третий – сказуемое. Основная характеристика слова–темы – позиция в начале предложения, тогда как наличие частицы *wa* не обязательно [Фельдман 1945, с. 49].

Современный читатель может заметить сходство между понятием слова-темы и понятием топики в современной лингвистике. Например, в учебнике теоретического синтаксиса: «В некоторых языках тема выступает как особый член предложения, наряду с подлежащим, дополнением и сказуемым. Тема как элемент грамматической структуры клаузы, как член предложения называется **топиком**» [Тестелец 2001, с. 462]. Считается, что последнее понятие введено в 1976 г. американскими лингвистами Ч.Н. Ли и С.А. Томпсон в статье, имеющейся и в русском переводе [Ли, Томпсон 1982]. И Я.Г. Тестелец в упомянутом учебнике, и Ч.Н. Ли и С.А. Томпсон в числе примеров из разных языков приводят японские фразы с той же структурой, что у Н.И. Фельдман. Американские исследователи вряд ли что-то могли знать о ее работах, но она на том же материале пришла к сходным выводам на тридцать лет раньше.

Следует также отметить развитие у Н.И. Фельдман идей Н.И. Конрада о «склонении предложений»: на материале японского и типологически близких к нему языков подробно анализируются случаи, когда предикат подчиненного предложения оформляется теми же показателями отношений, которые служат для подчинения имени; см. [Фельдман 1952a]. Эта статья оказала влияние не только на японистов, но и на советских исследователей алтайских языков.

Отмечу также, что Н.И. Фельдман и в работах конца 40-х – начала 50-х гг. не избегала упоминаний считавшегося «врагом» Е.Д. Поливанова. Более того, вполне в духе времени она подчеркивала приоритет русской науки в его лице в изучении японского ударения, что в данном случае было справедливым [Фельдман 1950, с. 928].

В целом грамматические исследования Н.И. Фельдман отражали многие типичные свойства советского языкознания соответствующего времени. В них мы видим отказ от чисто практического

подхода, стремление к теоретическим обоснованиям предлагаемых трактовок, хорошее владение не только японским материалом, но и литературой по общему языкознанию. Главный их недостаток также был типичен для того времени: на любые языки тогда часто смотрели на основе интуитивных представлений носителя русского языка и с использованием, прежде всего, научной литературы по русскому языку, отсюда зачастую излишняя русификация изучаемых явлений. Ее концепция на некоторое время легла в основу преподавания японского языка в СССР, под ее влиянием был, в частности, разработан учебник Н.Г. Иваненко, Я. Катаямы и А.Г. Рябкина, по которому в 50-60-е гг. преподавали этот язык в МГУ.

Однако вклад Натальи Исаевны в японское языкознание не исчерпывается ее работами по грамматике. Пожалуй, еще большее значение имела ее лексикографическая, словарная деятельность.

Ещё в 30-е гг. Н.И. Фельдман была одним из составителей большого по объему японско-русского словаря, работа над которым велась в Ленинграде. Словарь из-за ареста части составителей, а затем из-за войны так и не был закончен и не вышел, но его материалы были использованы, в том числе Н.И. Фельдман, для работы над Большим японско-русским словарем. После войны, переехав к тому времени вместе с мужем в Москву, она продолжила лексикографическую деятельность. В первые послевоенные годы при ее участии были составлены два значительных словаря. В 1951 г. вышел средний по объему «Японско-русский словарь» Л.А. Немзера и Н.А. Сыромятникова под ее редакцией (выдержал три издания и публиковался в Японии), а в 1956 г. – целиком ей составленный «Японско-русский словарь иероглифов» (посмертно в 1977 г. появилось его второе дополненное издание). Около полутора десятилетий продолжалась коллективная работа над «Большим японско-русским словарем». Ее руководителем был Н.И. Конрад, но не меньшую роль во всех делах по словарю играла Наталья Исаевна. Она лично подготовила около 30% словаря, выполнила значительную часть редакционной работы и целиком взяла на себя связи с издательством «Советская энциклопедия». В числе других авторов словаря она за два года до смерти получила Государственную премию СССР;

словарь также был издан и в Японии. В последние годы жизни она начинала работать над новым, меньшим по объему японско-русским словарем, законченным и изданным уже после ее смерти под редакцией Б.П. Лаврентьева. Все перечисленные словари активно использовались и продолжают использоваться в нашей стране.

Помимо практической лексикографической работы, Н.И. Фельдман занималась и теорией лексикографии. В 50-е гг. несколько ее статей были опубликованы в журнале «Вопросы языкознания» и в «Лексикографическом сборнике», то есть в изданиях, рассчитанных не только на японистов: «О границах перевода в иноязычно-русских словарях», «О специфике небольших двуязычных словарей», «Об анализе смысловой структуры слова в двуязычных словарях». Позже, в 1971 г. появилась статья «Некоторые вопросы японско-русской лексикографии». Накопленный за десятилетия словарной работы опыт был в итоге обобщен в последнем ее крупном труде – докторской диссертации «Вопросы японско-русской лексикографии»; к сожалению, она так и не была издана и в отличие от кандидатской диссертации не полностью отражена в публикациях. Если в работах по японской грамматике Н.И. Фельдман иногда слишком русифицировала свои подходы, то это гораздо меньше свойственно ее лексикографическим работам. В том числе она указывала на недопустимость ориентации на русский перевод при разграничении значений многозначного слова в другом языке. Интересны и такие, например, наблюдения: в системе русской лексики слово *планета* играет важную роль, чего нельзя сказать о его японском эквиваленте [Фельдман 1952, с. 69]. Автор этого очерка во время работы в Японии на советской космической выставке убедился в справедливости этого замечания.

Сравнительно недавний термин «окказионализм» прочно установился в нашей лингвистике. Как указывает А.Э. Левицкий [Левицкий 2020, с. 123], он был введен в научный оборот именно Натальей Исаевной в статье [Фельдман 1957].

Еще одна заслуга: русское издание грамматики японского ученого М. Киэда [Киэда 1958-1959], снабженное ценными предисловием и комментариями. Она стала первым японским лингвистическим сочинением, изданным на русском языке.

И хочется сказать о человеческих особенностях Натальи Исаевны. Нередко по тем или иным причинам специалистам приходится заниматься и любимыми, и не очень любимыми вопросами. В советском востоковедении 1920-1950-х гг. шло расширение тематики, во многом стимулировавшееся практическими потребностями. От преобладавшего в дореволюционное время уклона в изучение письменных памятников переходили к исследованию истории, современной литературы, языка. Во главе советской японоведения в это время встал Н.И. Конрад, которому приходилось заниматься самыми разными сюжетами, включая лингвистические, избегал он лишь современной истории. В том числе у него были публикации по японскому языку, включая объёмистую книгу «Синтаксис японского национального литературного языка» (1937), а также и по китайскому языку, например, [Конрад 1952].

Однако в его работах по «чистой» лингвистике, в том числе по грамматике, чувствуется сухость изложения и вторичность материала, который в основном взят из грамматики «Когохо», изданной в Японии на двадцать лет раньше «Синтаксиса». Эти примеры в основном интерпретируются на основе идей, сформулированных в русистике (А.А. Шахматов, А.М. Пешковский) и переносимых на японский язык; кое-где учтены и идеи Е.Д. Поливанова, и нередко пересказываются японские авторы. «Синтаксис» был первой на русском языке японской грамматикой такого объёма, и многие вопросы там были рассмотрены впервые, но в целом работа мало оригинальна и эклектична; подробнее см. [Алпатов 1988, с. 84-93]. Совсем неудачна статья «О китайском языке», где в духе времени предлагалось описывать этот язык по образцу русского языка, находить в нём склонение и спряжение. Но совсем по-другому написаны работы, посвящённые социолингвистике [Конрад 1954; Конрад 1960], а также соответствующий раздел в «Синтаксисе», во многом спорный, но интересный. Видно, что эти непосредственно связанные с культурой проблемы Конрада волновали.

Представляется, что Конрад по необходимости (нужна была теоретическая основа для преподавания японского языка) занимался, в числе прочего, и лингвистикой, но интересы его были иными. Он постоянно говорил студентам, что главное для востоковеда – изуче-

ние культуры исследуемого народа во всех её проявлениях. Вопросы литературной нормы, очевидно, связаны с культурой, но от фонетики и грамматики до культурологии далековато.

И рядом с Конрадом работала Наталья Исаевна Фельдман, его ученица, затем жена. И представляется, что она была прирождённым лингвистом. В нескольких ей написанных японских грамматиках я не со всем могу согласиться, но немало там и интересного и содержательного. Например, вышеупомянутые слово-тема и понятие окказионализма. Хотя ответственным редактором изданного в 1970 г. «Большого японско-русского словаря» считался Конрад, но фактически работой руководила Фельдман. Двое видных японистов работали параллельно, но имели разные интересы.

Н.И. Фельдман тяжело пережила смерть мужа, от которой так до конца и не оправилась. Первое время она спасалась работой, сумев, наконец, завершить и защитить докторскую диссертацию, над которой трудилась много лет. Но потом она быстро начала сдавать. Помню вручение Государственных премий в апреле 1973 г., где другие лауреаты не скрывали своей радости, весь облик Натальи Исаевны с этим резко контрастировал. Она думала о Николае Иосифовиче, не дожившем до этого дня и, вероятно, ощущала, что и ей жить осталось недолго. Вскоре она перестала появляться где-либо, а через два с половиной года, 24 октября 1975 г. ее не стало.

Биографические данные о Н.И. Фельдман см. [Милибанд 2008, т.2, с. 539-540], а описание ее лингвистических трудов см. [Алпатов 1988, с. 113-124], в обеих книгах дается библиография ее работ.

Не всё в наследии Н.И. Фельдман выдержало испытание временем. Но нельзя не вспомнить добрым словом ее деятельность по составлению словарей, ее переводческую и педагогическую работу. А как лингвист она предложила четкую, удобную для преподавания схему описания японского языка, по-новому подошла к ряду его явлений, внесла вклад в теорию лексикографии.

Литература

1. Алпатов В.М. *Изучение японского языка в России и СССР*. М., 1988.

2. Алпатов В.М. Есть ли в японском языке падежи? // *Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы X Международной конференции.* М.: ИД Ключ-С, 2012. С. 17-24.
3. Кизеда М. *Грамматика японского языка.* Ч. 1-2. М., 1958-1959.
4. Конрад Н.И. О китайском языке // *Вопросы языкознания*, 1952. С. 3.
5. Конрад Н.И. О литературном языке в Китае и Японии // *Труды Института языкознания АН СССР.* Т. 10. М.: 1960.
6. Левицкий А.Э. В поисках абсурда // *Абсурд в языке и коммуникации.* М.: РГГУ, 2020. С. 117-144.
7. Ли Ч.Н., Томпсон С.А. Подлежащее и топик: новая типология языков // *Новое в лингвистике.* Вып. XI. М., 1982.
8. Милибанд С.Д. *Востоковеды России. Биобиблиографический словарь.* Т. 2. М., 2008.
9. Тестелец Я.Г. *Введение в обций синтаксис.* М., 2001.
10. Фельдман Н.И. Об именительном самостоятельном в современном японском языке // *Труды Военного института иностранных языков.* Вып. 1. М., 1945.
11. Фельдман Н.И. Грамматический очерк // *Русско-японский словарь.* М., 1950.
12. Фельдман Н.И. О реальном и фиктивном склонении предложений в современном японском языке // *Ученые записки Института востоковедения АН СССР.* Т. IV. М., 1952а.
13. Фельдман Н.И. О специфике небольших двуязычных словарей // *Вопросы языкознания*, 1952, № 2.
14. Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // *Вопросы языкознания*, 1957, № 4. С. 64-73.
15. Фельдман Н.И. О склонении в японском языке // *Японское языкознание.* М., 1979.

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ И ВОСТОКОВЕДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

**Исследования языков Азии и Африки:
традиции и перспективы**

Сборник статей

Верстальщик С.Д. Малышева
Оформитель П.А. Трошина

Подписано в печать 20.12.2023.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17,2. Уч.-изд. л. 12.
Тираж 500 экз. Зак. № 1991

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН.
107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский центр
Зав. центром А.О. Захаров
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект,
дом 42, корп. 5